

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

А.С.СЫЖАЛИН

ВЕНГЕРСКАЯ КУЛЬТУРА
В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА
(от Хорти и до Кадара)

МОСКВА
1991

Хорев

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

А.С.Стыкалин

ВЕНГЕРСКАЯ КУЛЬТУРА
В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА
(от Хорти и до Кадара)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т.М.Исламов

Москва
1991

Рецензенты: д.и.н. Б.И.Малицкий,
д.ф.н. Ю.П.Гусев

ISBN 5-201-00719-8

© Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

ВВЕДЕНИЕ

Конец 1980-х гг. войдет в историю стран Восточной Европы как время выбора новых путей общественного развития. Система, воплощенная на практике в этих странах, не выдержала конкуренции с современным капитализмом, потерпела экономический и политический крах. Многолетний спор между "реальным социализмом" советского и восточноевропейского типа, с одной стороны, и буржуазно-демократической моделью, с другой, завершился в пользу последней, доказавшей свою большую эффективность, жизнеспособность, приспособляемость к меняющимся социальным условиям.

Революции конца 1980-х гг. в Восточной Европе, осуществленный в странах этого региона выбор в пользу западной буржуазной демократии уже дают, пожалуй, основания говорить о 40-летней эпохе "реального социализма" как о завершённой /для Югославии, Румынии, Албании как о близкой к своему завершению /фазе в истории этих стран. Отсутствие должной исторической дистанции, конечно же, пока не позволяет полно и всесторонне оценить эпоху в ее целом, неоспоримо однако, что по мере своего ухода в прошлое этап "реального социализма" в развитии Восточной Европы все более будет становиться предметом исторического исследования. Обращение к многообразному опыту восточноевропейских государств даст ученым материал для более глубокого осмысления самого феномена социализма /как альтернативы капитализму в его классическом марксистском понимании/, определения места социалистических идей в политической практике XX века, ответа на вопрос о судьбах марксова учения в современном мире.

Постижение во всей полноте исторического опыта стран Восточной Европы за последние четыре десятилетия невозможно как без сугубо страноведческих, так и без сравнительно-исторических исследований. Все сферы общества — экономическая, политическая, духовная — должны стать предметом объективного научного анализа.

В центре внимания предлагаемой читателю работы — ду-

ховная жизнь /культура/ Венгрии на важном историческом отрезке – от падения хортизма в 1944–1945 гг. до полного утверждения в конце 1950-х – начале 1960-х гг. "кадаровской" модели "реального социализма". Этот пятнадцатилетний исторический период включает в себя несколько этапов, преемственных друг другу и в то же время резко различавшихся по своему содержанию, важнейшим политическим характеристикам, месту в новейшей истории Венгрии. В годы правления демократической, антифашистской коалиции /1945–1948 гг./ Венгрия искала новые пути общественного развития, на политической арене происходило противоборство сил, представлявших различные альтернативы /буржуазная демократия; система сталинского типа; поиски – в разных направлениях – третьего пути, отличного от этих двух/. Победу в этом споре одержали сторонники сталинизма. К 1949 г. в Венгрии была установлена общественная система, типологически очень близкая существовавшей в СССР в 1930-е – первой половине 1950-х гг. Начиная с 1953 г., в условиях общественно-политической "оттепели" возникает тенденция к демократизации строя. Борьба за обновление достигла своего апогея в октябре 1956 г., когда венгерский народ выступил с оружием в руках против сталинизма. После подавления демократической революции, в период "консолидации" /вторая половина 1950-х гг./ правящий режим во главе с Я.Кадаром вел поиски более эффективной, нежели сталинско-ракошистская, модели социализма.

Общественная система, существовавшая в Венгрии в конце 1940-х – конце 1980-х гг., в работе определяется как "реальный социализм". Делая выбор в пользу такого названия, автор исходил не только из самодефиниции этого общества как "социалистического", резко противопоставлявшего себя обществу принципиально иного, "капиталистического" типа. Крупномасштабный социальный эксперимент, проводившийся на протяжении 40 лет, ставил своей целью осуществление социалистического идеала в соответствии с определенным образом интерпретированной марксистской концепцией общественного развития. И "ракошизм" первой половины 1950

1950-х гг. и "кадаризм" второй половины 1950-1980 гг. явились двумя реально воплощенными на практике моделями социализма. Вместе с тем, автор предпринял в этой работе попытку выявить качественные различия между политическими системами ракошизма и кадаризма как систематически тоталитарного и либерально-авторитарного типов. Эти отличия отчетливо проявились и в сфере культуры.

Поставив своей задачей рассмотрение духовных процессов 1940-1950-х гг., автор неизбежно должен был начать свой анализ с ответа на вопрос: каков был уровень развития венгерской культуры /науки, художественного творчества, школы, системы массовых коммуникаций и т.д./ к переломному для национальной истории рубежу 1945 г., какова была культурная политика, как она влияла на духовную жизнь общества. Иные вопросы возникали при обращении к послевоенным процессам: каковы были объективные исторические задачи, стоявшие перед Венгрией в области культуры с началом в 1945 г. демократических преобразований, как осознавались эти задачи различными политическими силами, как протекали в первые послевоенные годы реформы в духовной сфере общества?

Большое место уделено в работе годам правления Ракоши. Как оказалось установление тоталитарного режима на развитии венгерской культуры? Какова была политика Ракоши и его окружения в отношении творческой интеллигенции? Как складывались в начале 1950-х гг. отношения между интеллигентами и властью, как повлиял конфликт между ними на формирование оппозиционных движений в середине 1950-х гг.? Как проявила себя творческая интеллигенция в революции 1956 г. - первой в мировой истории демократической революции в стране, декларировавшей разрыв с капитализмом и переход к созданию общества принципиально иного, согласно официальной идеологии-социалистического типа? Эти и другие вопросы неизменно находились в поле зрения исследователя.

Вместе с тем в новелларии затронуты и проблемы общего характера. Каковы были в эти времена венгерской

культуры в бурное и богатое на события послевоенное пятнадцатилетие? Что оставила эта эпоха потомкам? Какие отношения связывали ее с предшествующей традицией и какое место заняла она сама в истории интеллектуальной жизни Венгрии XX в.? Каков был духовный потенциал страны при вступлении в новую, кадаровскую эпоху?

Важное место в работе занял анализ идей Д. Лукача и, в частности, его эстетической теории "высокого реализма". Особое внимание к Лукачу обусловлено не только тем, что один из крупнейших философов-марксистов XX столетия был наиболее значимой в мировом масштабе фигурой в духовной жизни послевоенной Венгрии, и его деятельность в 1940-1950-е гг. вызвала немалый международный резонанс. Изменения в отношении к Лукачу и его эстетике со стороны высших органов компартии демонстрируют эволюцию идеологии ВКП - ВПТ от концепции народного фронта к теории все большего обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму. "Дискуссия о Лукаче" явилась центральным событием духовной жизни Венгрии рубежа 1940-1950-х гг. Именно в полемике с Лукачем формировалась концепция подтяжки ВПТ в отношении творческой интеллигенции.

Приступая к изучению духовных процессов в Венгрии 1940-1950-х гг., автор имел в своем распоряжении богатую историографию. Пожалуй, мало какой другой период отечественной истории вызывает в последнее время в Венгрии столь же большой общественный интерес, как эти первые 12-15 послевоенных лет. Дискуссии о несостоявшихся альтернативах развития венгерского общества после 1945 г., об эпохе Ракоши, о революции 1956 г. привлекают к себе внимание не только профессиональных историков, но и публицистов, деятелей художественной культуры. В 1989 г. в условиях перехода Венгрии от монопартийной к демократической форме правления оценки некоторых событий приобретали острое политическое звучание, находились в эпицентре борьбы различных партий и политических движений. Можно вспомнить хотя бы, какую роль в разворачивании процессов демократизации сыграло заявление в феврале 1989 г. одного из лиде-

ров тогдашней ВСРП И. Пожгаи о революционном, а не контрреволюционном /как было принято считать официальной историографией в эпоху Кадара/ характере событий 1956 г. Выступление Пожгаи, доложившего о результатах работы соответствующей комиссии ВСРП, повлекло за собой постановку целого ряда острых вопросов /о правомерности советского вооруженного вмешательства 4 ноября, о законности первого правительства Я. Кадара/. В ходе предвыборной кампании в начале 1990 г. ни одна из политических сил не могла в своей программе обойти вопрос об отношении к октябрьской трагедии.

Монополия официальной "кадаровской" концепции восстания 1956 г. наложила отпечаток на всю венгерскую историографию 1960-1980-х гг. В большинстве работ оно рассматривалось как "контрреволюционная вылазка", "антисоциалистический путч", действия правительства И. Надя трактовались как резко противоречащие национальным интересам Венгрии, по сути дела как предательские. Критика режима Ракоши за допущенные "искажения" идеи социализма отступала в официальной концепции на второй план, "сектантско-догматические извращения" предшествующего периода назывались лишь в качестве одной из предпосылок, подготовивших возможность этого "путча"¹. Подобный взгляд на происшедшее в 1956 г. начал медленно преодолевать еще в конце кадаровской эпохи, в 1980-е гг. Огромное количество публикаций появилось в 1989-1990 гг. Наряду с литературой мемуарного характера², сборниками документов³ в этом потоке представлены и серьезные научные труды, многие из которых /в том числе созданные исследователями-эмигрантами/ стали ранее достоянием западного читателя⁴. При всех различиях в мировоззрении авторов этих работ, сходство в главном - оценке октябрьских событий как демократической, анти тоталитарной революции. Всестороннее изучение всего обширного комплекса источников по проблеме "пятьдесят шестого года" продолжает оставаться актуальной задачей исторической науки.

В последнее время открылись новые перспективы изуче-

ния всей десятилетней полосы исторического развития, предшествовавшей революции 1956 г. Нельзя отрицать, что и в эпоху Кадара венгерскими историками проделана большая работа по выявлению источников, исследованию многих проблем экономического и политического развития Венгрии 1940-1950-х гг.⁵, равно как и духовной жизни этого периода⁶. В самое последнее время вышли серьезные монографии Б. Помогача, Я. Найнера и др. о политике режима Ракоши в отношении творческой интеллигенции, об участии творческой интеллигенции в политических событиях 1956 г.⁷ Вместе с тем венгерской историографии недостает пока трудов полидисциплинарного характера, рассматривающих духовную культуру эпохи в ее целостности.

В советской научной литературе тема настоящей монографии разработана очень слабо⁸. Многие вопросы, и в частности, борьба идей, развернувшаяся в тот период в художественной культуре, политика режима Ракоши в отношении творческой интеллигенции, участие ее в демократической революции 1956 г. не были предметом глубокого научного анализа.

Обращаясь к данной теме, автор стремился не только восполнить существующий в советской исторической науке серьезный пробел, но и высказать свои суждения по некоторым дискуссионным в венгерской историографии вопросам. Ряд проблем, затронутых в монографии /о предпосылках установления диктатуры в конце 1940-х гг., о механизме функционирования культуры и месте творческой интеллигенции в тоталитарном обществе и т.д./, представляют интерес для теоретического осмысления такого феномена, как "тоталитаризм". Пытаясь внести свой вклад в изучение этого феномена на конкретном венгерском материале, автор старался учесть все ценное, что дали дискуссии последних лет в СССР⁹.

Источниковая база работы обширна и разнообразна - партийные документы, постановления Государственного собрания, выступления отдельных политических деятелей и представителей творческой интеллигенции, мемуары, статистические данные, пресса. Подавляющее большинство приведенных в монографии фактов впервые вводятся в оборот советской научной литературы.

ГЛАВА I. НАКАЛЫНЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН. КУЛЬТУРА ВЕНГРИИ В ЭПОХУ ХОРТИ.

Тотальный крах фашизма в результате второй мировой войны открыл перед Европой перспективы громадных социально-политических изменений. Извлекая уроки из свершившегося, пережившие войну европейские нации обращались к поиску новых путей развития, более совершенных форм демократии, способных выработать надежные защитные механизмы против распространения нацистской идеологии. Как заявил в 1946 г. с трибуны Женевского форума европейской интеллигенции выдающийся философ Д. Лукач, "мировая история предоставила ... возможность политического, социального и идейного обновления демократии. Весь вопрос состоит именно в том, как использовать эту возможность"¹. В стране, которую представлял Лукач, вопрос о разрыве со старым и выборе нового пути стоял с особой остротой, так как Венгрия - последний, наиболее верный сателлит фашистской Германии - переживала не только экономическую разруху, но и глубочайший морально-психологический кризис, связанный с банкротством шовинистических амбиций хортистского режима и его нилашистских преемников. Начавшиеся с Освобождением процессы обновления происходили под знаком очищения от наиболее реакционных напластований предшествующей эпохи. Что представляли собой венгерское общество и его культура к переломному для своего развития 1945 г.?

Революция 1918 г. свергнув власть Габсбургов, не смогла удержать Венгрию в рамках буржуазной конституционности. Не выдержав напора левых сил, требовавших немедленно го осуществления социалистических преобразований, глава первой венгерской республики граф М. Карои в сложной внутриполитической и международной обстановке марта 1919 г. передал свою власть партиям пролетариата, попытавшимся по примеру русской революции установить правление в форме Советов. Продолжавшаяся 133 дня социалистический эксперимент сопровождался, как и в России, сменявшимися экс-

цессами и вызвал сопротивление крестьянства, требовавшего раздела помещичьих земель в целях расширения собственных наделов и неудовлетворенного проектами социализации земельной собственности, предложенными новой властью^X. В начале августа 1919 г., не найдя поддержки со стороны крестьян, Венгерская Советская республика пала под натиском превосходящих сил Антанты, а пришедший ей на смену хортистский режим на четверть века отодвинул перспективу антифеодальной аграрной реформы, коренной модернизации и демократизации политической системы^{XX}.

История межвоенной Венгрии полна немалых парадоксов и противоречий. Считаясь по конституции королевством, эта страна была монархией без монарха. Попытки низвергнутых Габсбургов вновь овладеть венгерским троном, тем самым, хотя бы отчасти компенсируя свои утраты, понесенные в ре-

^X Накануне первой мировой войны около 25% земельных владений в Венгрии принадлежало двустам аристократическим фамилиям², примерно 10% - церкви. Из другого полуса находилось несколько миллионов безземельных и малоземельных крестьян. Это соотношение практически не изменилось и в хортистскую эпоху³.

^{XX} Было бы в то же время ошибкой полностью перечеркнуть опыт Венгерской Советской республики в демократизации доступа к духовным ценностям, налаживании сферы социального обеспечения, а также и в организации промышленности. Из истории не уберешь и тот факт, что весьма значительная часть венгерской интеллигенции искренне подхватила приход к власти Советов и начавшиеся коренные преобразования⁴. Сделанное не так давно в силу полемики утверждение премьер-министра сегодняшней Венгрии профессора историка Л. Анталла о том, что "марксизм в Венгрии никогда не принадлежал к кругу привлекательных идей и никогда бы не играл доминирующую роль, если бы он не оказывали силой" (5), опровергается множеством фактов.

зультате распада огромной империи, встречая сопротивле-
ние значительной части правящего слоя Венгрии. Они так и
не увенчались успехом ни в начале 1920-х гг., ни позже.

Место короля занимал всевидный регент Миклош Хорти.
В недавнем прошлом адмирал австро-венгерского флота, он
продолжал носить свои эполеты и когда стал правителем не-
зависимой Венгрии. Но потеряв уже в 1918 г. адриатичес-
кое побережье Далмации, Венгрия лишилась собственного вы-
хода к морю. Аронией судьбы адмирал Хорти четверть века
управлял страной, у которой не могло быть своего морского
флота.

С распадом в 1918 г. двуединой монархии Венгрия нако-
нец обрела полную независимость от Австрии. На первый
взгляд, казалось бы сбылись мечты не одного поколения
борцов против могущественного венского двора, осуществи-
лись идеалы венгерских национальных героев — Ф.Ракоци и
Д.Кошута, М.Танчича и Ш.Петефи. Но триумфального настро-
ения в стране не было и не могло быть. Державы-победитель-
ницы, определявшие послевоенные судьбы народов Централь-
ной Европы, не были заинтересованы в существовании сильно-
го венгерского государства, не только потенциального союз-
ника всегда опасной для них Германии, но и вероятного пре-
тендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Политику Ан-
танты при формировании Версальской системы отличало стрем-
ление ослабить Венгрию за счет усиления позиций ее сосе-
дей. Территория нового венгерского государства, определен-
ная условиями Трианонского договора 1920 г., составляла
менее 30% владений венгерской короны в составе габсбург-
ской монархии. На ней в год Трианона проживал всего 41%
населения довоенной Венгрии⁶, при этом наряду с землями,
где основное ядро населения составляли прежние националь-
ные меньшинства /хорваты, сербы, словаки, румыны, украин-
цы/, к соседним странам отошел и ряд территорий с преоб-
ладанием венгерского этноса /в Северной Трансильвании и
отчасти в Южной Словакии/. Примерно каждый третий пред-
ставитель венгерской нации оказался вне пределов своего
национального государства. Безземно претендовавшая на

роль гегемона в своем геополитическом ареале Венгрия после поражения в первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств, зависимых в своей внешней политике от воли не менее, а подчас и более сильных соседей /и Румыния, и Чехословакия, и Югославия превзошли Венгрию по численности населения/.

Дискриминационный по отношению к Венгрии характер Трианонского договора ущемлял национальные чувства миллионов венгров, вызывал недовольство среди всех слоев венгерского общества, равно как и среди мадяроязычного населения соседних стран^X. Тем самым создавалась питательная почва для усвоения массовым сознанием различного рода концепций ревизии Трианона. Лежавшее в основе внешней политики хортизма стремление к пересмотру границ в пользу Венгрии, возврату отобранных земель могло найти и находило поддержку в самых широких слоях населения. В своих внешнеполитических доктринах хортисты мало считались с волей соседних народов. Играв на законном недовольстве мадьяр статусом Венгрии в Версальской системе, правящие круги консервативного режима всячески разжигали шовинистические, реваншистские настроения⁸. Фактор Трианона оставался одной из доминант венгерского общественного сознания на протяжении всего межвоенного периода^{XX}.

Возникший на руинах Венгерской Советской республики хортистский режим с крайней неприязнью относился к революциям 1918-1919 гг. Пользовавшаяся официальной поддерж-

^X Итоги Трианона воспринимались как утрата, психологическая травма "не только шовинистами, но всеми, кто понимал, что означают для венгерской культуры Надьбана, Коложвар, Пожонь", - пишет один из мемуаристов⁷. Надьбана - ныне Бая-Маре, Румыния; Коложвар - ныне Клуж, Румыния; Пожонь - венгерское название Братиславы. Речь идет о традиционно важных центрах венгерской культуры.

^{XX} Надо отметить также, что Трианонский договор усилил социальные противоречия в Венгрии. Массовый приток в 1920-е гг. венгров из соседних стран увеличил безработицу, обострил жилищную, продовольственную проблемы⁹.

кой "христианско-национальная" идеология прямо противопоставляла себя марксизму, понимая последний как губительную для венгерского "национального духа" систему идей. "В противовес интернационализму классово-борьбы мы выдвигаем национальную основу, смотрим на нацию, как на единое целое. Национальная идея как осознание себя единой семьей.. есть великий принцип сплочения, сила, способная оградить нас от разрушительных внешних воздействий, которые отрывают пролетарские слои от проявления таких наиболее естественных для человека чувств, как чувства стечества, родины, нации", - отмечая один из идеологов режима католический епископ С.Прохаска¹⁰. Разгул террора на рубеже 1910 - 1920-х гг. он пытался объяснить как "естественную реакцию" национального самосознания на веяния, подрывающие единство нации, - "Это было проявление жизненных сил нации. Ему нельзя дать ослабнуть¹¹". Сила столь же необходима, сколь вера, мораль, право¹¹. Все усилия сторонников "христианско-национальной" идеологии направлялись на поддержание политической системы хортия, ибо, как писал один из приверженцев этого мировоззрения Б.Банга, "дух венгерского национального гения, оплодотворенный христианством, воплотился в существующем государственном строе¹²".

Напрягие революционного пути предопределяло негативное отношение режима ко всей многовековой традиция национально-освободительной борьбы венгерского народа. Это сказывалось и на концепции культурного наследия. В культуре прошлого отвергалось все, что так или иначе было связано с революционной традицией. Характерно в этой связи отношение к Ш.Петёфи. Идеологи режима не могли не признавать в нем великого поэта, но принимали далеко не все в его поэзии. Революционные стихи Петёфи, писал один из официальных журналов, "не только лишены вдохновения, поэту изменял и вкус. это недостойные большого поэта стихи". О каких стихах здесь идет речь? О тех, где он говорит о маршовой свободе, о красных знаменах. "Эти стихи надо не только осудить, но и отгородить от них нашу молодежь. Во-

обще следует помнить, что молодежи не пристало заниматься политикой. Ничто не требует такого опыта, мудрости, взвешенности, трезвости и дисциплины мысли, как политическая деятельность"¹³. Великий поэт, в 26 лет отдавший жизнь в борьбе за независимость своей родины, оказывался в роли незрелого юнца, с которого не следовало брать пример современной молодежи.

Будучи последовательными в неприятии революционной традиции, хортисты шли дальше, перенося свой пафос отрицания на все, что могло подготовить почву для прорастания революционных всходов. Характерным было настороженное отношение к эпохе Просвещения. По мнению идеологов режима, занесенные в Венгрию начиная с конца XVIII в. идеи просветительства, а затем и либерализма подорвали "духовное здоровье" нации, вынудили ее свернуть в 1848-1849 гг. с легитимистского пути развития на "пагубный" революционный. Идеи свободы и равенства, импортированные из Франции, распятали единый "духовный монолит", который, по их словам, представляла венгерская нация. Только в атмосфере "идейного разброда", порожденного эпохой реформ /1820-1840-е гг./, в Венгрии могли найти отклик идеи социализма и классовой борьбы, бросившие страну в пучину "хаоса" 1918-1919 гг.¹⁴ Вся ответственность за Трианон и связанное с ним национальное ущемление возлагалось на марксизм и революционную традицию, а проводимая на протяжении всей эпохи дуализма /1867-1918 гг./ бедальновидная политика мадьяризации национальных меньшинств оказывалась в ряду второстепенных факторов.

Отношение хортистов к эпохе дуализма не было однозначным. Отмечая некоторую преемственность своего режима системе дуализма, они в то же время подвергали критике правительства той эпохи за чрезмерный либерализм, попустительство в отношении различного рода "радикалов" и "прогрессистов", которые, пользуясь уступчивостью властей, прибрали к рукам "почти всю прессу" и многие другие институты культуры и начали усиленно распространять "подрывные

идеи^х. Пропаганда враждебной венгерскому "национальному духу" идеологии при этом нередко связывалась с деятельностью евреев. Антисемитизм в эпоху хортизма был возведен в ранг государственной политики, законы дискриминационного характера принимались в Венгрии уже с начала 1920-х гг., а в 1930-е гг., по мере сближения с фашистской Германией во внешней политике и сдвига вправо во внутренней, официальный антисемитизм еще более усиливался^{хх}.

^х Речь шла об оказывавшем большое влияние на умы т.н. "буржуазно-радикальном" направлении в венгерской общественной мысли начала XX в., связанном с именем крупного социолога, историка, публициста и политика Оскара Яси /1875-1957/, "Обществом социальных наук", журналом "Хусадик сазад", отчасти с литературным журналом "Люгяч". Требование решительной модернизации экономики, демократизации и вестернизации политических структур по наиболее совершенным западным образцам занимало главное место в программе этого движения. К радикальному направлению в той или иной мере тяготело почти все талантливое, что было в венгерской культуре начала столетия. Духовно близок ему был и великий поэт той эпохи Эндре Ади /1877-1919/.

^{хх} Наиболее состоятельная и политически влиятельная прослойка венгерского общества, земельная аристократия была достаточно индифферентна к еврейскому вопросу, поскольку ассимилированная еврейская буржуазия Будапешта не могла ослабить ее ведущие экономические и политические позиции в обществе. Антисемитизм исходил, главным образом, от другого правящего слоя Венгрии - выходцев из обуржуазившегося среднеломестного дворянства /джентри/, которые еще с конца XIX в. видели в еврейской буржуазии серьезного и весьма преуспевающего конкурента.

Но при всем своем антикоммунизме, антилиберализме и антисемитизме хортистский режим, право-эвритарный и явно не демократический, вплоть до захвата власти нилашистами в октябре 1944 г. все же принципиально отличался от фашистских режимов в Италии и тем более в Германии. Сам Хорти, его премьер-министры граф И. Бетлен и граф П. Телеки, большинство других ведущих деятелей правительственной партии /исключение составляли, пожалуй, лишь ставленник джентри Д. Гёмбёш и отчасти Б. /мреди/ старались, как правило, отмежеваться от фашизма. В отличие от Германии в Венгрии сохранялся реально функционирующий парламент /как действительно выборный орган/, была слабая, но все же легальная либерально-буржуазная и даже социал-демократическая оппозиция со своим парламентским представительством и прессой, отсутствовали характерные для фашистских режимов революционная фразеология, харизматический лидер, монолитная и цельная идеология с ярко выраженной мессианской окраской. Кроме того, хортизм и в 20-е и даже в 30-е гг. опирался прежде всего на "исторический" правящий слой /земельную аристократию и джентри/ вопреки присущему фашизму стремлению перенести центр опоры на мелкобуржуазные, деклассированные элементы, образовать новый правящий слой^х.

Но различия между режимами лежали не только в политической сфере, они уходили вглубь, в сознание людей, стоявших у власти: Вскормленным на ольгах утонченной

^х Попытки премьер-министра Д. Гёмбёша установить в середине 30-х гг. фашистскую диктатуру по германскому образцу нашли поддержку части джентри и мелкой буржуазии города, но встретили сопротивление аристократии, крупной буржуазии и так и не увенчались успехом. И в конце 30-х - начале 40-х гг. при всем усилении правых тенденций во внутриполитической жизни система, сложившаяся в 20-е гг. не претерпела коренных изменений. Праворадикальные, фашистские партии /нилашисты и др./ хотя и имели своих представителей в парламенте, покровителей в правительстве, ставленников в номенклатуре, все же находились в положении оппозиционных¹⁶.

венской культуры начала столетия рафинированным венгерским аристократам 20-30-х гг. всегда претал вульгарный дух плебейской диктатуры Гитлера и Муссолини, их система ценностей носила консервативный, а не праворадикальный характер, основывалась на стремлении ^{сохранить} от возможных революционных потрясений устоя, унаследованные от Габсбургов, тогда как гитлеровцы почти всю культуру своего непосредственного предшественника, веймарской Германии, во имя создания некоей принципиально иной, "чистой арийской" культуры на основе расовой идеологии. Если Ницше, а за ним и все идеологи "третьего рейха", провозглашая культ сильной воли, свободной от моральных преград, подчеркнуто ставила себя в непримиримую оппозицию всей христианской духовной традиции, то идеологи хортистского режима, напротив, пытались именно на христианском фундаменте возродить свои системы взглядов, неизменно облакали их в христианские одежды. Сама официальная идеология режима /существовавшая в различных вариантах, отнюдь не монолитная/ называлась "христианско-национальной". Финансируемые государством архитектура и монументальное искусство широко эклектизировали христианскую художественную символику, в частности, из культурных традиций эпохи контрреформации и барокко /необарокко в 1920-е гг. становится господствующим направлением официальной художественной культуры и продолжает им оставаться до конца хортистской эпохи, правда, в 1930-е гг. ему уже приходилось сосуществовать с другим поощряемым сверху течением - римской школой неоклассицизма в архитектуре, скульптуре, монументальной живописи^X. Но влияние традиций эпохи католичес-

^X Римская школа неоклассицизма была господствующим направлением художественной культуры в муссолиниевской Италии. Культ грубой физической силы, приущий искусству гитлеровской Германии, не был здесь столь явно выражен. Архитектура итальянского неоклассицизма /в отличие от германского/ не избежала влияния современных течений - позднего модерна, конструктивизма, функционализма.

кой контрреформации второй половины XVII—XVIII вв. и связанной с ней культуры барокко не ограничивалось художественной деятельностью. Заимствованный у той эпохи ритуал и этикет сопровождал многие проявления политической жизни, определял нормы поведения в высшем обществе /крупный историк Д.Секфю еще в 1934 г. с сарказмом писал о рабском подражании своих современников придворным аристократам королевы Марии Терезии – в культуре, быту, политических интригах¹⁶

Поскольку официальная идеология хортизма называла себя не только христианской, но и национальной, ее создатели должны были обосновать взаимопроникновение национального и христианского начал в венгерской культуре. Прохаска в этой связи писал: "Религиозная культура создала венгерский народ... Наши национальные корни произрастают из Азии, но с тех пор, как привилось христианство, сплелись воедино наша национальная и христианская жизнь... И как венгерский дух един, так нельзя провести границы между христианским и национальным"¹⁷. Рубежи "королевства святого Иштвана", раннефеодального венгерского государства, созданного в 1000 г. одновременно с введением в Венгрии христианства, провозглашались границами пространственного существования венгерского "национального духа" в христианскую эпоху. В геополитических концепциях графа П.Телеки и его школы утверждался тезис о несоответствии установленных в 1920 г. границ естественному "жизненному пространству" венгерской нации, о их тесноте для венгерского "национального духа". Версальская система была действительно отнюдь не безупречна. Но поднимая вопрос об ущемленности своей нации, хортистские идеологи мало учитывали волю других народов, их естественное стремление не допустить возврата к довоенному состоянию даже при условии получения от Венгрии автономии, которую обещал предоставить меньшинствам после ревизии Трианона такой наиболее дальновидный хортистский политик, как граф И.Бетлен,

премьер-министр в 1921-1931 гг.^X

Идея о превосходстве венгров над своими славянскими и восточно-романскими соседями была неотъемлемым компонентом "христианско-национальной" идеологии во всех ее вариантах, хотя акценты ставились разные - иногда идея превосходства приобретала расистский оттенок, но гораздо чаще речь шла о том, что более длительная традиция своей государственности дает венграм "историческое право" на доминирующее положение в дунайско-карпатском регионе. Одновременно утверждался тезис о культурном превосходстве венгров над славянскими народами /а также румынами/ и в этой связи о культуртрегерской миссии венгерской нации на востоке Центральной Европы. Поскольку Венгрии не удалось сохранить за собой политическую гегемонию в регионе, хортистские правительства пытались компенсировать крах своих политических амбиций доказательством культурного превосходства Венгрии. В отношении к самому понятию "культура" вообще очень явно проступали отличия между хортистским и гитлеровским режимами. Если Геббельс при слове "культура" призывал, как известно, хвататься за пистолет, то министр просвещения хортистского правительства граф К.Клебельсберг не уставал повторять, что развитие культуры - "это главное для нас поле боя", высокая культура - "единственное средство... способное искоренить опасный вирус революционной демагогии" и кроме того доказать всему миру несправедливость Трианона¹⁹. Один из исследователей справедливо отмечает, что ни в один другой период венгерской истории не говорили так много о значении культурного наследия, как в эпоху хортизма²⁰. Мы пытались уже показать на примере отношения к Петёфи, к чему приводило стремление хортистов изъять из культурного

^X Недоверие к обещаниям хортистов было понятным. Характерно, что когда в 1939-1940 гг. Венгрии при поддержке Германии удалось заполучить ряд отторгнутых в 1920 г. земель, хортистское правительство не только не предоставило меньшинствам никакой автономии, но еще более усилило в сравнении с эпохой дуализма политику угнетения национальных меньшинств¹⁸.

достоинства нации то, что было связано с революционной традицией. Тем не менее нельзя отрицать: в 1920-1930-е гг. все же культивировались подлинные ценности национальной культуры: выходили многотомные издания литературной классики, министерство просвещения уделяло большое внимание музейному, архивному делу, реставрации памятников. Конечно, идеологи фашистской Германии тоже пытались найти опору своим концепциям в национальной культурной традиции /творчестве Р.Вагнера, ряда романтиков и т.д./, но "расовая" часть классики трактовалась в духе расовых теорий, абсолютно извращавших содержание интерпретируемых произведений. "Христианско-национальная" же концепция культурного наследия, изъяс из классики все революционное, в то же время отнюдь не вытеснила из нее полностью гуманистическое начало.

В 1922 г. Клебельсберг выступил с крупномасштабной и вследствие экономических трудностей лишь частично осуществленной программой культурного строительства. В межвоенный период были созданы или заметно укреплены, превратились в видные центры культуры университеты в Дебреце, Сегеде, Пече. Появился ряд новых больших музеев. Немалые средства выделялись на архитектуру и монументальное искусство. Предпринимая подобные шаги, консервативное правительство заботилось прежде всего о повышении своего международного престижа - не удивительно, что приоритет отдавался институтам элитарной культуры.

Поражение революции повлекло за собой эмиграцию многих видных интеллектуалов, стоявших на левых политических позициях. За пределами Венгрии оказались талантливые мыслители О.Яси, Д.Лукач, братья К. и Ш.Полони, А.Хаузер, молодой Х.Маянжейм, экономист Е.Варге, ряд ученых-естествоиспытателей, писатели Д.Кашняк, А.Габор, А.Комьят, Д.Бере, один из основоположников эстетики кино Б.Балиш, кинорежиссеры Ш.Корда /ставший впоследствии виднейшим мастером английского кинематографа и М.Кертес /Кертц/, известные революционные художники Б.Улти, Б.Пор /этот длинный

описок можно было ^{он}продолжить^х. Некоторые из эмигрантов /например, Л. Каштак/, получив амнистию, смогли вернуться в 20-е гг. в хортистскую Венгрию, но большинство покинуло родину надолго или навсегда. Таким образом, из духовной жизни Венгрии оказался исключенной довольно значительная часть интеллектуальной элиты нации. Но один из главных парадоксов в истории межвоенной Венгрии заключался как раз в том, что массовая эмиграция интеллигенции отнюдь не привела к затуханию творческой мысли в самой стране. Более того, в межвоенный период венгерская культура, пожалуй, в еще большей степени, нежели в бурное и богатое на события предвоенное десятилетие, освобождается от своего прежнего провинциализма, в некоторых областях науки и художественного творчества Венгрия именно в это время вышла на передовые европейские рубежи.

Едва ли было бы большим преувеличением назвать 1920-1930-е гг. "золотым веком" венгерской литературы. Именно в это время достигло расцвета сил поколение писателей, рожденных в конце 1870-1880-е гг., пожалуй, наиболее талантливое за всю историю национальной литературы. К этому поколению среди прочих относились такие удивительно разные по своим творческим манерам писатели, как Д. Мориц, М. Бабич, Д. Костояни, Д. Круди, Ф. Каринти, А. Тот, Д. Дхас. Наследие этих мастеров, ни один из которых не дожил до 1945 г., вошло в классический фонд венгерской литературы. В 1920-е гг. дебютировало более молодое поколение — поэт А. Йожеф, прозаик Т. Дери, участники движения "народных писателей" Д. Айеш, Л. Немет, П. Вереш, А. Тамаш и др.

С творчеством режиссера Ш. Хевеши, великой актрисы Г. Байор, всемирно известного комика К. Датабара, ряда дру-

^х Надо иметь также в виду, что немало писателей, художников, композиторов, покинувших Венгрию совсем молодыми либо в годы первой мировой войны, либо после поражения революции 1919 г., начало свой творческий путь уже в эмиграции /в СССР писатели М. Залка, А. Гилеш, Б. Лилеш, Ш. Барта, П. Лендьел и др., живописец Ш. Эк, скульптор Л. Мессарос, композитор Ф. Сабо; в Германии — драматург Д. Хай/.

гих мастеров сцены был связан подъем венгерского театрального искусства. Пьесы драматурга Ф.Мольнара шли на сценах лучших театров мира, одна из них, "Дядюшка", десятилетиями не сходила с бродвейских подмостков. Венгерские киноактеры /Б.Лугоши, Ф.Гаал и др./ приглашались сниматься в картинах Голливуда и ведущих европейских киностудий. Подтверждает свою издавна высокую репутацию венгерское музыкальное искусство. Композиторы Б.Барток и З.Кодай вошли в число классиков мировой музыки XX в. Признанием во всем мире пользовалась оперетта композиторов И.Кальмана и Ф.Легара. Венгерские дирижеры /А.Дорати, Г.Селла, А.Шолти и др./ начиная с 30-х гг. управляли лучшими симфоническими оркестрами мира. Творчество ряда пианистов, скрипачей, певцов также получило известность за пределами родины²¹.

В венгерском изобразительном искусстве подъем наметился в начале XX в. Творчество мастеров Надьбаньской школы /К.Ференци и др./, группы "Восемь", мастера психологического портрета Л.Меднянски, классика венгерского сецессиона Й.Риппл-Ронаи, гениального примитивиста Т.К.Чонтвари, многих других художников отразило во всей полноте происходивший в Венгрии параллельно с другими странами процесс перехода от традиционного академизма к новейшим течениям /от импрессионизма до сюрреализма и абстракционизма/. Многие художники, дебютировавшие в начале XX в., продолжали успешно работать и в межвоенный период. В это время однако появляются и новые имена - экспрессионист Д.Деркович, мастера сентандреической школы сюрреализма /Л.Вайда, И.Амош и др./. В отличие от фашистской Германии, где все художественные течения помимо неоклассицизма были официально запрещены, в Венгрии власти не преследовали художников, работавших в русле новейших направлений искусства, но и не оказывали им какой-либо материальной поддержки. Многие мастера в этих условиях эмигрировали на Запад - среди них основоположник т.н. "оп-арта" Д.Вашарейи /более известный как В.Вазарели/, другой выдающийся мастер авангарда - Д.Мохой-Надь. По тем же причи-

нам были вынуждены покинуть родину талантливые представители конструктивизма и функционализма в архитектуре /М.Брейер и др./

В своей культурной программе Клебельсберг уделял большое внимание развитию науки – в первую очередь речь шла об истории и географии, которые были призваны обосновать право Венгрии на доминирующее положение в регионе. Но при всей политизации исторической науки в хорватской Венгрии именно в межвоенный период венгерская историография усилиями Д.Секфу и ряда других ученых достигла высоких мировых стандартов. Известность далеко за пределами Венгрии получила деятельность философов-неотомистов А.Паулера, А.Шютца и Б.Бранденштейна, социального философа И.Деканя, психолога Ш.Ференци, антрополога Л.Бардуца, филолога-классика К.Керени, археолога А.Альфелди, востоковеда Д.Германуса, искусствоведа Л.Фюлепа, ряда других ученых-гуманитариев.

Не оставались без внимания со стороны государства и естественные науки. Венгрия, как известно, еще с XIX в. обладала богатыми традициями в целом ряде областей физики, химии, геологии, биологии, медицины²². Эти традиции продолжали развиваться и дальше, главным образом в университетах. Правда, у среднеразвитой аграрно-индустриальной страны, какой была межвоенная Венгрия, не хватало средств для дорогостоящих научных исследований /особенно после экономического кризиса 1929–1933 гг./. Многие талантливые ученые, получившие первоклассную подготовку именно в венгерских университетах, рано или поздно были вынуждены переехать в более развитые страны. Вклад уроженцев Венгрии в науку XX в. чрезвычайно высок. Достаточно назвать имена математика и кибернетика Я.Неймана, "отца" американской водородной бомбы Э.Теллера, его коллег по ядерной физике Э.Вигнера и Л.Силарда, физика-экспериментатора Д.Бекеша, основоположника голографии Д.Гэбора, специалиста в области аэродинамики Т.Кармана, химика Р.дигмонда, биохимика А.Сент-Дьерди, радиохимика Д.Хевеши, астрофизика З.Бая. Венгрия дала восемь лауреа-

тов Нобелевской премии по естественным наукам, шесть из них – после 1920 г. Но из этих шести лишь один Сент-Дьерди стал в 1937 г. лауреатом наиболее престижной в мире премии еще до своего отъезда на Запад.

Таким образом, хортистская Венгрия выступала в роли важного "поставщика" квалифицированных научных кадров в развитые страны Запада, и это было одним из свидетельств высокого уровня развития венгерской элитарной культуры. Гораздо хуже обстояло положение дел с культурой на другом ее полюсе – системой общего образования, распространением духовных ценностей среди широких масс. Разделение школьной системы на всеобщие и элитарные звенья имело место в Венгрии уже с начальной ступени, и в этом проявлялся несомненный пережиток феодально-сословной организации школы. Дети из неимущих социальных слоев в возрасте от 6 до 12 лет посещали бесплатные народные школы, дававшие самые элементарные общие знания. 75% окончивших их не попадало в учебные заведения следующей ступени²³. Около 15% детей 10 лет, как правило, выходцы из городской мелкой буржуазии и низшего чиновничества, после 4 классов народной школы продолжали обучение в 4-летней "гражданской" школе²⁴. Выпускники гражданских школ могли рассчитывать на продолжение образования в средних специальных училищах разного профиля. Получив вместе с аттестатом зрелости определенную специальность, выпускники всех этих училищ не могли, однако, поступать в вузы – такое право давал лишь диплом гимназии, элитарного учебного заведения средней ступени /в гимназии попадало всего 7% детей/²⁵.

В хортистскую эпоху система подготовки кадров все менее отвечала возрастающим требованиям экономики. К началу 1940-х гг. Венгрия была среднеразвитой страной, где доля промышленности в национальном доходе превышала 40% и где в целом ряде отраслей машиностроения, электротехнической, химической индустрии уже доминировало машинное производство, которое, по оценке специалистов, требует от рабочего класса не только соответствующей профессиональной квалификации, но и общего образования в объеме 7-8 классов.²⁶

Закон о переходе к обязательному 8-летнему образованию был принят в Венгрии только в 1940-м году, позже, чем в менее развитых Польше, Болгарии и Югославии, где эта проблема стояла менее остро.

Неграмотность составляла в Венгрии 1941 года 6,4% людей старше 10 лет, всего 15% людей старше 15 лет имели 8-летнее образование, 4,2% взрослого населения - среднее, 1,6% взрослого населения - высшее²⁷. Фонд знаний и навыков, которыми обладала рабочая сила, все меньше соответствовал достигнутому уровню технической оснащенности предприятий. Консервативный характер системы образования, вызывая диспропорции между потребностями промышленности и уровнем подготовки необходимых кадров, являлся тормозом на пути экономического развития.

Антидемократический характер венгерской школы ограничивал действие механизма социальной мобильности в стране. Если в общей численности населения страны крестьянство /без кулачества/ составляло 35%, то среди учащихся гимназий всего 1,3% /городской пролетариат соответственно - 21% и 3,8%/²⁸. Эти цифры свидетельствуют о том, что воспроизводство высших и даже отчасти средних слоев общества, в том числе интеллигенции, происходило почти исключительно на собственной основе, возможности проникновения выходца из низов в более высокие сферы социального пространства были крайне ограничены, причем в основе механизма селекции лежала плата за обучение. Венгерская интеллигенция по своему социальному происхождению была тесно связана с господствующими классами. Всего 5,4% людей, имевших вузовские дипломы, были выходцами из рабоче-крестьянской среды²⁹. Характерной особенностью Венгрии, как и ряда других аграрно-индустриальных стран Восточной Европы, было преобладание среди интеллигенции лиц с гуманитарным и прежде всего юридическим образованием над инженерно-техническими работниками, специалистами, занятыми в хозяйственной сфере. Накануне второй мировой войны инженеры, агрономы и экономисты составляла вместе взятые 25% венгерской интеллигенции, в то время как юристы 34%³⁰. Рассчитывая прежде всего на

административную карьеру, большинство выходцев из аристократии и джентри стремились получить юридический диплом профессия инженера не пользовалась высоким престижем в дворянской среде. Бюрократический аппарат был в хорватской Венгрии чрезвычайно раздутым, а возможности продвижения по административной лестнице значительно меньшими по сравнению с эпохой дуализма, когда территория Венгрии намного превосходила ее послевоенные размеры.

Уровень общеобразовательной подготовки основной массы венгерской интеллигенции заметно отставал от средних европейских параметров. В промышленности, торговле, сельском хозяйстве функции работников умственного труда очень часто приходилось выполнять лицам не только со средним, но даже и с 8-летним образованием. Выпускники вузов составляли, как правило, элитарную часть интеллигенции. В 1941 г., например, в стране было всего 102 843 специалиста с высшим образованием³¹ /значительно меньше половины всех работников умственного труда/.

Итак, большинство населения буржуазной Венгрии не имело реальных шансов попасть в учебные заведения средней и высшей ступени, далеко не полным был и охват подрастающего поколения 8-летним образованием. По показателям приобщения населения к внешкольным каналам распространения культуры Венгрия также заметно отставала от большинства стран Западной Европы. Значительная часть сельского населения находилась в орбите патриархальной народной культуры. Эта культура по-своему формировала духовный мир крестьянина, могла создавать значительные ценности, и все же она была порождением доиндустриального этапа в развитии производительных сил и оказывалась неспособной полностью удовлетворять духовные запросы человека, живущего в индустриальном обществе середины XX в. К тому же она разрушалась по мере наступления капитализма. Возникавший вакуум заполнялся чаще всего отнюдь не "высокой", а самой низкопробной массовой культурой. Социология конца 1930-х гг. свидетельствовала о небольших по европейским стандартам масштабах вовлечения масс в процессы современной городской

"высокой" культуры. Так, всего 0,4% населения посещало концерты классической музыки³². В хортистской Венгрии условия для культурно-просветительской работы в пролетарской среде были гораздо менее благоприятными, нежели в буржуазно-демократических странах. Главный проводник такой работы, социал-демократия, не обладала в Венгрии таким же политическим весом, как например, в соседних Австрии и Чехословакии. Однако и здесь подобная деятельность социал-демократов приносила свои плоды. В 1930-е гг. лекции для пролетарской аудитории собирали за год до 300 тыс. человек. Около 200 библиотек для рабочих содержали 300 000 томов книг³³. 3000 человек пели в рабочих хорах, которых в Венгрии было в 1930-е гг. примерно 80-90³⁴. Хотя главную роль в пролетарских культурных обществах играли социал-демократы, в них участвовали и коммунисты, действовавшие в хортистской Венгрии в нелегальных или полулегальных условиях. В отличие от социал-демократов, считавших основной задачей обществ повышение культурного уровня рабочих, коммунисты видели в этих обществах прежде всего канал для революционной агитации. Их деятельность немалоду пресекалась хортистскими властями. Правительство всячески препятствовало и активизации социал-демократов в области культуры. В то же время оно поощряло христианские культурные общества, видя в них альтернативу социал-демократическим.

В 1920-1930-е гг. в Венгрии функционировало до 1500 как политических, так и культурных организаций христианской окраски. В них состояло, например, до 15% католического населения³⁵ /к католической церкви было приписано около 75% жителей страны, 20% составляли протестанты - кальвинисты и лютеране, 5% - иудеи и представители прочих вероисповеданий/. Большинство христианских обществ носило верноподданнический характер, и все же нельзя отрицать их значения в распространении высокой духовной культуры. Большая роль церкви в духовной жизни /в том числе в управлении школьной системой/ вообще была важной особенностью межвоенной Венгрии. В церковном ведении /как у католиков,

так и у протестантов/ находилось 67,3% народных школ, 51,4% гимназий³⁶. Столь сильные позиции церкви в системе образования, не характерные для большинства европейских стран, были не только до сих пор не ликвидированным пережитком феодализма. В соответствии с постулатами "христианско-национальной" идеологии хортистские правительства сознательно стремились повысить влияние церкви на воспитание молодежи, о чем свидетельствовали многочисленные выступления Клебельсберга и его преемника Б.Хомана^X. Но уделяя большое внимание религиозному воспитанию, хортисты меньше заботились о модернизации школы в ее низших звеньях, о приведении ее в соответствие не только высоким европейским стандартам, но и экономическим потребностям самой страны. Разрыв между высоким уровнем развития элитарной культуры на одном полюсе и культурной отсталостью масс на другом был хотя и меньшим чем в России 1917 г. с ее 70%-ной неграмотностью, но все-таки весьма значительным.

А говоря о высоком уровне развития науки и художественной культуры в хортистской Венгрии, нельзя забывать о перемене умонастроений венгерской интеллектуальной элиты под влиянием событий 1918-1920 гг. Если до 1918 г. почти все, что было сильным и самобытным в венгерской культуре,

^X Крупный историк-медиевист Б.Хоман, министр религии и просвещения в 1931-1944 г., всегда отмечал преимущество своей культурной политики "христианско-национальной" концепции Клебельсберга (37), но ему приходилось работать в других условиях - когда Венгрия в своей внешней политике шла на все большее сближение с фашистской Германией. Апелляция к христианской морали и культурной традиции перемежалась в выступлениях Хомана с дифирамбами во славу Гитлера. В сравнении с "эпохой" Клебельсберга при Хомане шовинистическая пропаганда в школе и прессе усилилась, хотя в основе концепция не изменилась. Прежним оставалось отношение к культурному наследию, продолжали сохраняться возможности для легального существования оппозиционной режиму культуры.

тяготело к левому флангу политической жизни, то после Трианона ситуация меняется. Многие интеллигенты теряют веру в действенность революционного пути, в их сознании происходит сдвиг вправо. Умерил свой былой радикализм, хотя ни в коей мере не изменил гуманистическим принципам журнал "Нугат", вокруг которого группировались многие крупные писатели. Этот журнал продолжал оказывать влияние на умы, но настоящими властителями дум интеллигенции в 20-е гг. становятся писатель Д.Сабо и историк Д.Секфю, занимавшие в то время /а Сабо и позже/ правые политические позиции. Д.Сабо в романе "Снесенная деревня" и Секфю в книге "Три поколения", ставших бестселлерами после своей почти одновременной публикации в 1920 г., пытались объяснить причины национальной катастрофы вмешательством ино-родных сил, одним из рассадников этого зла назывался и левобуржуазный "Нугат". Впоследствии, уже в 30-е гг., когда по мере наступления фашизма в сознании интеллигенции вновь намечается сдвиг влево, путь к антифашистской, демократической позиции шел для многих через разочарование в консервативных и праворадикальных идеологиях, не способных решить стоящие перед страной экономические, социальные задачи. Характерна в этой связи духовная эволюция "Народных писателей".

"Народными писателями" называла себя группа литераторов, публицистов, экономистов, социологов, искавших в 30-е гг. пути решения аграрного вопроса, резко обострившегося в результате "великой депрессии" 1929-1933 гг. Предпринятое ими "хождение в народ" оказалось очень плодотворным для венгерской художественной литературы, обогатило ее значительными произведениями Д.Ийеша, П.Вереша, П.Сабо и др. Это же движение породило ценные экономические и социологические исследования Ф.Эрдеи и ряда др. авторов. Не замыкаясь в области литературы и науки, "народные писатели" неизменно вторгались в общественную жизнь, выступая как последовательные защитники крестьянства, выразители его интересов.

Изучая аграрные отношения современной Венгрии, "на-

родные писатели" не могли не видеть процессов социального расслоения, происходивших по мере капитализации деревни. Их работы в своеобразном жанре "социографии", близком очерку, в противовес официозной, апологетической науке и публицистике, проливали свет на реальное положение дел на селе. Вместе с тем в попытках подняться от эмпирии к построению определенной системы идей народные писатели нередко переносили акцент с того, что разъединяло крестьян, на то, что их объединяло, делали упор не на противоречиях в крестьянской среде, а на общности крестьянства - слоя со своим особым бытом и образом жизни, со своей неповторимой культурой, хотя и разрушаемой с наступлением цивилизации, но все же сохранившей в себе немало патриархальных элементов. Венгерское крестьянство понималось ими не только как "становой хребет" нации, ее опора и "кормилец", но и как хранитель глубинных духовных традиций. Согласно некоторым концепциям оно выгодно отличалось от других социальных слоев именно тем, что в меньшей степени испытало на себе воздействие чуждых венгерскому "национальному духу" начал, в большей мере сохранило свою национальную самобытность. Отсюда иногда делался следующий шаг: крестьянство начинало рассматриваться как носитель национальной духовности именно в силу того, что это наиболее этнически "чистый", "самый венгерский" по крови класс /некоторую дань подобным представлениям отдал в 30-е гг. даже такой крупный писатель и мыслитель, как Д. Намет/.

Таким образом, идеология "народных писателей" не всегда была плотно защищена от проникновения элементов расовых теорий, от нее в принципе можно было перекинуть мосты к националистическим концепциям праворадикалистских ориентаций. В этом была, пожалуй, единственная уязвимая сторона движения, которой и воспользовался в 1935 г. премьер-министр Д. Гёмбёш, чуть было не склонивший "народных писателей" к поддержке своей программы, в конечном итоге направленной на установление в Венгрии фашистской диктатуры. Но на смену иллюзиям вскоре пришло разочарование в

праворадикальных методах социальной терапии. По мере того, как все яснее проступало подлинное лицо фашизма, в сознании многих "народных писателей" происходил сдвиг влево, уже в 1937 г. они выступили инициаторами Мартовского фронта, широкого антифашистского движения. Но движение "народных писателей" никогда не было однородным, и пути его участников в конце 30-х гг. резко разошлись. Если Ф. Эрдеи и Й. Дарваш проделали довольно быструю эволюцию к марксизму, то некоторые из их прежних соратников эволюционировали не влево, а вправо и были в 1945 г. осуждены за пособничество фашистам. Между этими двумя флангами находился центр движения, который составляли сторонники "особого" венгерского "крестьянского социализма"^х.

Большинство из "народных писателей" было выходцами из села. Немало сил они отдали изучению деревни и как социологи, и как публицисты. Они слишком хорошо знали современное венгерское крестьянство, чтобы питать иллюзии в отношении его готовности к выполнению столь важной социальной миссии без посторонней помощи. Отсюда делается понятным, почему основным пунктом своей программы "народные писатели" считали просвещение крестьян. Не ограничиваясь декларациями, они вели работу по созданию "народных коллегий", альтернативных официальной школьной системе учебных заведений для крестьян. Большое место в их концепциях отводилось обоснованию направляющей роли интеллигенции, просвещенной элиты, способной повести за собой крестьянство. Ду-

^х Крах Венгерской Советской республики и последовавшее за ним ослабление рабочего движения посеяли в сознании демократической интеллигенции Венгрии во многом обоснованное сомнение в способности пролетариата выступить в качестве главной силы коренного общественного переустройства. В этих условиях ставка делалась на крестьянство. "Мы обращаемся прежде всего к крестьянству, мы считаем крестьянство рулевым нацией", — гласила резолюция Мартовского фронта (38). На формирование подобных оценок социальной роли крестьянства повлиял, несомненно, и такой фактор, как недостаточное внимание к бедам венгерских крестьян со стороны буржуазно-радикальной и социал-демократической оппозиции хортизму.

хояное формирование Л.Немета проходило, по его собственному признанию, под влиянием теории элиты испанского философа Х.Ортега-и-Гассета³⁹.

Ю сильнее; чем кто-либо из иностранных мыслителей, на воззрения "народных писателей" повлиял их соотечественник и старший современник Д.Сабо /1879-1945/, также пытавшийся найти для Венгрии особый путь развития. Неприимимый противник марксовой теории социализма, видевший в ней учение, подрывающее единство нации, Д.Сабо с такой же воинственностью отрицал западную демократию. Заинтересованность в вестернизации Венгрии он приписывал одному слову - лишенной, по его мнению, национальных корней буржуазной прослойке Будапешта, тесно сращенной с "еврейским" капиталом других стран. Характерное для Сабо противопоставление Будапешта всей остальной стране проявилось и у "народных писателей" в их споре с урбанистами.

Идейный лагерь урбанистов, яродолжавший традиции радикализма начала ХХ в., сложился в 30-е гг. как своего рода духовная оппозиция "народным писателям", реакция на их почвенническую идеологию той части венгерской демократической интеллигенции, устремлениям которой более соответствовала западническая ориентация. Урбанисты считали Венгрию прежде всего частью западного мира, задержавшейся в своем развитии в результате турецкого нашествия ХУІ в. и так до сих пор и не сумевшей преодолеть свое отставание от передовых европейских стран. Если Немет полагал, что венгерская нация в силу самообытности своего языка и культуры должна не копировать чужие модели, а искать собственный путь⁴⁰, то его оппоненты-урбанисты, даже и признавая специфику своей родины, все-таки неизменно акцентировали внимание на общем в развитии Венгрии и других стран западной цивилизации.

В отличие от "народных писателей", считавших опорой нации крестьянство, урбанисты делали ставку на мелкую буржуазию города /особенно торговую/, квалифицированную и высоко оплачиваемую часть пролетариата^Х. По мнению урбанис-

^Х Примечательно, что наряду с идеологами мелкой го-

тов, не село, а именно город был, начиная со средних веков главным двигателем национальной культуры. Будучи центрами торговли, ремесел, промышленности, города быстрее привлекали к себе и впитывали культуру Запада, на протяжении нескольких столетий здесь формировался особый городской уклад, во многом сходный с городскими укладами в других странах католико-протестантского мира. Сам внешний облик Будапешта и ряда других венгерских городов отразил всю смену стилей, происходившую в европейской архитектуре начиная от средневековой готики через ренессанс, барокко, классицизм к эклектике и модерну конца XIX - начала XX в.

Споры между западниками и почвенниками о движущих силах развития нации и ее культуры не были, естественно, сугубо венгерским явлением, они заняли видное место в истории общественной мысли всех восточно-европейских стран. Но в Венгрии присущая этим спорам антитеза "деревня - город" приобрела особую остроту. Главной причиной тому стал исторически сложившийся разительный контраст между развитым, европеизированным Будапештом и полуфеодальной, отсталой венгерской провинцией. Капиталистические отношения, издавна ассоциировавшиеся в национальном сознании венгров прежде всего со столицей, у "народных писателей" нередко трактовались как занесенные извне, чуждые венгерскому "национальному духу". Писатель И. Дарваш, формировавшийся в 1920-е гг. под влиянием национально-радикальной идеологии Д. Сабо, писал, вспоминая свое юношеское мировосприятие, - "Моим кумиром был тогда Деже Сабо, и я на все смотрел его глазами. Пешт в моих глазах был "преступным и развратным городом", который с изощренностью опытной сводницы расставил свои сети, чтобы поймать и проглотить нетронутую, невинную душу деревенского юноши... Это был "чужестранный" город, которому чуждо было все венгерское. Страна для него была жалкой колонией. Непримируемый противник эксплуа-

родской буржуазии к урбанистскому лагерю тиготела и значительная часть социал-демократической интеллигенции, социалистическая идея имела широкое хождение в урбанистской среде.

тируемой деревни, он развалился вдоль берегов Дуная, точно очиревший иноземный тиран... Казалось, даже простое любованье его достопримечательностями граничит с позорным предательством⁴¹. В основе подобного мировосприятия лежали не только социальные, но и неотделимые от них реально существовавшие национальные противоречия. Инонациональное — немецкое и еврейское — происхождение значительной части венгерской буржуазии во многом способствовало тому, что критика капитализма в венгерской общественной мысли зачастую переносилась в ту плоскость, где все дело сводилось к выявлению его национальных корней^X.

Культурная программа урбанистов противостояла любым проявлениям национализма и культурного изоляционизма, их отличало стремление расширить духовные горизонты венгерской нации, приобщить ее ко всему ценному, что было создано другими народами. Здесь у урбанистов могли быть серьезные расхождения, главным образом, с эпитогами, но не с идейными вождями движения "народных писателей". Основные идеологи народников не будучи апологетами ни западных систем, ни советского строя, вместе с тем высоко ценили лучшее, что дала культура других народов. Д.Ирэш, живший одно время во Франции, был большим знатоком современной французской культуры. Л.Немет известен не только как выдающийся мастер психологической прозы, но и как блестящий переводчик русской классической литературы XIX в. Вобщем в поисках "своего" пути "народные писатели" отнюдь не отгораживались от изучения и критического осмысления опыта других народов. Разногласия между "народными

^X Ассимилированная еврейская буржуазия Гудапешта породила к началу XX в. свою интеллигенцию, отнюдь не оторванную от венгерской национальной почвы, как стремились показать Д.Сабо, а за ним и некоторые из "народных писателей", но лишенную националистической узости, отличавшуюся глубокой восприимчивостью к духовным богатствам всей мировой культуры. Из этой среды вышло немало крупных деятелей культуры, в том числе такие мыслители мирового масштаба, как Дьердь Лукач и Карой /Карл/ Маянхейм.

писателями" и урбанистами не означали, таким образом, отсутствия точек соприкосновения в их позициях, возможности конструктивного, плодотворного диалога между двумя этими тенденциями в общественной мысли всегда существовали.

Наряду с "народными писателями", урбанистами, социал-демократами на левом фланге политической и духовной жизни межвоенной Венгрии находились коммунисты. Если во время Венгерской Советской республики произошло кратковременное слияние ВКП и СДПВ, то в дальнейшем пути этих партий резко разошлись. Разгул контрреволюционного террора, обрушенный на страну в 1919-1921 гг., поставил в тяжелейшие условия обе рабочие партии. Хортистские власти в этот период не видели большого различия между коммунистами и социал-демократами, жертвами насилия становились и те, и другие, и многие люди, никогда не состоявшие в этих партиях, но поддерживавшие диктатуру пролетариата. Тысячи людей успели своевременно эмигрировать и лишь благодаря этому избежали застенков. Когда в 1922 г. волна террора схлынула, СДП ценой принципиальных уступок властям добилась все же права на легальную деятельность в ограниченных пределах⁴². Что же касается ВКП, то ей по-прежнему приходилось функционировать, главным образом, в подполье. Некоторые возможности для ведения открытой политической борьбы коммунисты получали лишь участвуя в работе профсоюзов, ряда других легальных пролетарских организаций. Несколько раз им на короткий срок удавалось наладить выпуск легальной прессы. Все же марксистская мысль занимала периферийное место в духовной жизни межвоенной Венгрии. Распространению марксизма внутри страны наряду с преследуемыми хортистов долгое время препятствовала сектантская позиция руководства ВКП. Вплоть до второй половины 30-х гг. в своей стратегии коммунисты исходили из ложного тезиса о том, что в стране, где однажды уже произошла социалистическая революция, на будущее дня может стоять лишь задача ее повторного осуществления. Борьба за демократическое государство, улучшение экономического положения проле-

тариата - все это приносилось в жертву подготовке пролетарской революции. Только в 1936-1937 гг., когда фашизм уже утвердился в Германии и поднял голову во многих других странах, сектантская линия несколько ослабевает, партия берет на вооружение идеи УП Конгресса Коминтерна /1935 г./ о единстве демократических сил в антифашистской борьбе. Концепция антифашистского народного фронта, его практического осуществления в специфических венгерских условиях получила в конце 30-х гг. разработку в трудах Д.Лукача, Й.Реваи, А.Надя, работавших в московской эмиграции.

Сектантская политическая линия, долгие годы довлевшая над руководством ВКП, сказывалась и на ее культурной политике. Одно из характерных тому свидетельств - отношение в партийных кругах к Аттиле Йожефу, крупнейшему пролетарскому поэту Венгрии. Йожеф в начале 30-х гг. был исключен из ВКП за несогласие с раскольничьей тактикой ее лидеров, их курсом на подрыв единства сил демократии. Московское эмигрантское издание "Шарло эш калапач", известное своей нетерпимостью к инакомыслящим, подвергает поэта оскорбительным выпадам, доходившим до обвинений в прямом пособничестве фашистам⁴³. Затравленный своими недавними собратьями поэт глубоко разочаровался в коммунистическом движении и сделал выбор в пользу СДПВ. Но разрыв с коммунистами способствовал острому душевному надлому. В 1937 г. А.Йожеф покончил жизнь самоубийством.

Поворот мирового коммунистического движения к идее Народного фронта был слишком запоздалым, чтобы существенно повлиять на наступление фашизма в Европе. Утверждение гитлеризма в Германии сделало реальной опасность новой мировой войны. Но хортистская Венгрия, оказавшись во враждебном окружении молодых государств /так называемой "Малой Антанты"/, уже с 1920-х гг. ориентировалась в своей внешней политике прежде всего на Германию, тоже глубоко не удовлетворенную установившейся Версальской системой и жаждущую revanche. Мечтая заключить обратно Трансильванию, другие отторгнутые земли, Хорти и его окружение не-

изменно рассчитывали на понимание всегда могущественной, хотя теперь и ущемленной державы, также стремившейся к пересмотру границ в Европе.

С установлением в Германии фашизма в Венгрии усиливаются позиции крайне правых сил, толкавших страну ко все большему сближению с "третьим рейхом". С началом второй мировой войны хортистский режим превращается в вассала Германии, втягивается в боевые действия на ее стороне^х. Несмотря на героические усилия отдельных групп в Венгрии так и не удалось создать мощного антивоенного лагеря. Сознание значительной части населения было отравлено милитаристским угаром. Территории, полученные Венгрией при содействии Германии в результате венских арбитражей 1939–1940 гг. /большая часть Трансильвании, часть Словакии, Закарпатье, Воеводина/, создавали видимость восстановления исторической справедливости, понижали антифашистский настрой в стране.

Перелом в общественном сознании стал намечаться только в 1943 г. после серьезных неудач Германии и ее сателлитов на восточном фронте. На заключительном этапе различные политические силы /не только оппозиционные, но и прохортистские/ усиленно искали пути разрыва с Германией, установления контактов с западными демократиями. Боясь потерять своего союзника, Германия в марте 1944 г. оккупировала Венгрию, разместив на ее территории один из крупных контингентов своей армии. Это существенно затрудняло складывание национального сопротивления, лишало шансов на успех любую попытку хортистов вовремя выскочить из разогнавшейся по наклонной плоскости колесницы германского милитаризма. В то же время присутствие немецких войск облег-

^х О том, насколько силен был шантаж со стороны Гитлера и насколько неоднозначным было в высшем хортистском эшелоне отношение к участию Венгрии в войне в качестве союзника Германии, свидетельствует самоубийство премьер-министра графа П. Телеки в апреле 1941 г. на следующий день после фактического вступления Венгрии в войну.

чало в октябре 1944 г. захват власти крайне правой силой, нилашистами. Под их властью Венгрия оставалась сателлитом Германии даже тогда, когда все прочие ее европейские союзники один за другим перешли в противоположный лагерь. нилашисты развязали беспрецедентный террор. Но их власть в Будапеште продлилась менее 4 месяцев, до февраля 1945 г. Зимой 1944–1945 гг. венгерская территория превратилась в арену ожесточенных боевых действий между СССР и Германией. Бои продолжались здесь с конца ноября 1944 г. до 4 апреля 1945 г., когда последний фашистский солдат был изгнан с венгерской земли.

Война нанесла Венгрии колоссальный урон. Более 800 тыс. человек стало жертвами бомбардировок, боевых действий, террористических акций нилашистов⁴⁴. Экономические потери составили 22 млрд. пенге, что в 5 раз превышало национальный доход за предвоенный 1938 г.⁴⁵ 40% национального богатства оказалось утраченным. В 1945 г. уровень промышленного производства составлял всего 20–25% довоенного⁴⁶.

В ходе 3-месячных боев за Будапешт были подвергнуты разрушению многие столичные учреждения культуры – Национальный музей, университет, библиотеки, концертные залы, театры, кинотеатры, не осталось ни одного абсолютно неповрежденного школьного здания⁴⁷. Хотя острая нехватка помещений и не помешала начать в сентябре 1945 г. новый учебный год практически во всех школах, военная разруха еще долго сказывалась на состоянии материальной базы системы образования. Так, в 1947 г. в отремонтированных классах смогли принять своих учеников всего две трети школ⁴⁸. В связи с острой необходимостью восстанавливать в первую очередь промышленные предприятия и жилища процесс отстройки культурных институтов был резко замедлен. Будапештский театр "Вигсандхаз", например, принял первых послевоенных зрителей только в 1951 г. Но ущерб, нанесенный войной венгерской культуре, едва ли может быть оценен в экономических параметрах, поскольку выразился прежде всего в человеческих утратах /в числе жертв писатели М.Радвотц, А.Серб, А.Геллерт, Д.Ла-

линт, скульптор Д. Гольдман, композитор и хормейстер Ш. Вандор, многие другие/.

Таким образом, весной 1945 г. Венгрия находилась в состоянии глубочайшего экономического, политического и морально-психологического кризиса. Первый же документ антифашистской правительственной коалиции, Программа экономического восстановления и подъема Венгрии, оценивая положение страны, проводил исторические параллели с 1526 г., когда после сокрушительного поражения от турок под Мохачем Венгрия оказалась в кризисе, последствия которого сказывались не одно столетие⁴⁹. На повестке дня в 1945 г. стояли прежде всего задачи экономического восстановления, дефашизации общества, демократизации политической системы. Осуществлению этих задач препятствовало то обстоятельство, что антифашистская революция не была подготовлена внутренним развитием венгерского общества, явилась следствием действий внешней силы, СССР. Как и другие страны Восточной Европы, Венгрия находилась под оккупацией советских войск, должна была исходить из этой реальности, вырабатывая свой внешнеполитический курс. В то же время роль Венгрии в войне не давала ей оснований рассчитывать на благосклонное к себе отношение со стороны западных держав при решении вопроса о ее статусе в послевоенной Европе. Парижский мирный договор 1947 г. подтвердил границы, установленные Трианоном.

Но несмотря на советскую оккупацию, импортированную революцию, не удовлетворенные, как и в начале 1920-х гг., территориальные претязания, — освобождение от фашизма, ^{все же} открыло перед Венгрией и венгерской культурой определенные перспективы исторического развития.

ГЛАВА II. "ЗА НОВУЮ ВЕНГЕРСКУЮ КУЛЬТУРУ!"

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1945-1947 гг.
И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНГРИИ

Осенью 1944 - весной 1945 гг. по мере освобождения Венгрии от гитлеровских оккупантов в стране происходила смена власти. В декабре 1944 г. в Дебрецене было сформировано Временное национальное правительство, ключевые позиции в котором заняли представители 4 антифашистских партий, образовавших Венгерский национальный фронт независимости /ВНФ/, - коммунистической /КП/, социал-демократической /СП/, национально-крестьянской /НКС/ и независимой партии мелких сельских хозяев /НМСХ/. Программа ВНФ была направлена на искоренение фашизма, преодоление экономической разрухи, проведение антифеодальной аграрной реформы, политическую демократизацию.

В ходе аграрной реформы к лету 1945 г. было в основном ликвидировано помещичье землевладение, бывшая феодальная собственность передава во владение более 3 млн крестьян. Широким шагом проходила политическая демократизация - с высвобождением страны из-под виллашистского гнета возникали все новые партии и общественные организации, росло число периодических изданий, представлявших самый широкий спектр взглядов на перспективы дальнейшего развития страны. Острые и принимавшие открытый характер политические противоборства, охватившие в это время все сферы общественной жизни, нашли свое проявление и в культуре. Здесь, как и везде, линия водораздела проходила между фашистскими и антифашистскими силами. В правящей антифашистской коалиции не вызвал больших дискуссий вопрос о необходимости исключения из круга активного культурного наследия шовинистической, откровенно антиинтернационалистической духовной продукции. Принятая в декабре 1944 г. Программа демократического восстановления и культуры Венгрии провозглашала: "Фашистская культура, расовая и национальная ненависть должны быть устранены из печати, прос-

вещения, культуры и общественной жизни"¹. В феврале 1945г. решением правительства пропаганда фашизма была запрещена². Тем самым прекращают свое существование крайне правые печатные органы, культ насилия исчезает с театральных подмостков и киноэкранов. Отменяются государственные дотации на архитектурные проекты, скульптурные и фресковые композиции в русле художественных течений, носивших при хортизме официозный характер. Из открытых библиотечных фондов и с книжных прилавков изымается множество книг антигуманистического содержания, в том числе учебные пособия. Министерство просвещения и культов объявляет конкурс на создание новых учебников, "свободных от всякого рода шовинизма и национальной ограниченности"³. Таким образом, уже в первые месяцы революции произошел разрыв с наиболее антидемократической частью унаследованной от хортизма культурной традиции.

Политическое единство внутри обширного демократического лагеря было однако недолговечным. Блок правящих партий с самого начала отличался социальной и политической неоднородностью, хотя были и факторы, поддерживавшие единство, - общее противостояние фашизму, одинаковая заинтересованность всех в восстановлении разрушенной экономики. Но по мере дефашизации политической жизни, осуществления аграрной реформы и неотложных восстановительных работ действие этих консолидирующих факторов ослабевало, обострялись социальные противоречия, происходил процесс политической дифференциации. Осенью 1945 г. в ходе кампании по выборам в Государственное собрание разногласия внутри ВиФН обозначились с предельной отчетливостью. Предметом основных споров стал вопрос о перспективах венгерского общества, о том, должны ли преобразования ограничиться обеспечением традиционных для буржуазной демократии политических свобод или же распространиться и на экономические отношения, привести к принципиальному ограничению, а в перспективе и вытеснению крупной капиталистической собственности.

Идеологическая структура послевоенной Венгрии соответствовала ее социально-классовой структуре, во многом ти-

пичной для среднеразвитого аграрно-индустриального государства, стоящего на пороге превращения в индустриально-аграрное^х. С проведением аграрной реформы утрачивал свои позиции слой крупных землевладельцев, наиболее консервативная часть общества. Многие его представители начиная с 1945 г. эмигрируют. Та же судьба постигла наиболее реакционную, тесно связанную с правыми политическими силами часть буржуазии. Но экономические и политические позиции буржуазии в целом не были подорваны, и концепции, непосредственно выражающие интересы этого класса, были широко представлены в идеологической структуре общества. Политическая инициатива, однако, перешла уже в руки других слоев — пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии города. Концепции, вызревавшие в лоне пролетарских и мелкобуржуазных партий, отражали при этом широкий спектр возможностей дальнейшей социальной эволюции страны. Часть идеологов этих партий склонялась к поддержке, хотя и по-разному понимаемой, социалистической перспективы развития, другая делала выбор в пользу буржуазно-демократической альтернативы. Вместе с тем осмысление уроков фашизма вело к известному разочарованию в традиционной буржуазной демократии, направляло усилia идеологов на поиски новых, более совершенных ее форм. Поиски моделей совершенствования демократии происходили в Венгрии в том же русле, что и в других европейских странах. Так, на левом фланге СДПВ проявлялся интерес к доктринам демократического социализма^{откуда} английских лейбористов, находились христианско-демократические, а также аграристские концепции^и⁵.

Выбор новых путей общественного развития, осуществленный в 1945 г., неизбежно означал переоценку многих ценностей, казавшихся незыблемыми, осмысление под новым углом зрения всей национальной истории, смену акцентов в

^х По первой послевоенной переписи, проведенной в 1949 г., пролетариат составлял 41,2% населения, крестьянство, еще не кооперированное — 38%, мелкая буржуазия горо-

национальном культурном наследии и ориентации во внешних культурных связях. Так, отвержение идеологии германского фашизма повлекло за собой известное ослабление уз, издавна связывавших венгерскую нацию с немецкой культурой. Умноженные значительной частью интеллигенции отдалено определенное стремление преодолеть односторонность немецкого культурного влияния, расширить горизонты национальной культуры за счет приобщения ее к новым источникам развития, нахождения иных ориентиров в духовном опыте человечества. Большой интерес в интеллектуальных кругах проявлялся к налаживанию культурных связей с Англией, Францией, США⁶. Но нередко пути обновления венгерской культуры виделись в притоке свежих сил с Востока, из Советского Союза. "Перед нами распахнулись юрты Востока и мадьяры сейчас с освобожденной и жадной душой обратились к источникам своей древней родины", - писал в 1945 г. далекий от симпатий к марксизму и впоследствии эмигрировавший литератор Л. Залаи⁷.

Интерес к русской и советской культуре, который всего через несколько лет стал искусственно подогреваться режимом Ракоши, насильственно насаждавшим в Венгрии эту культуру в ее далеко не лучших образцах, был в первые послевоенные годы более естественным, проистекавшим из глубоких потребностей венгерской нации в переломный момент истории заново осмыслить свое место в Центральной Европе, на перепутье между Востоком и Западом, православным и католическим миром. Фотовыставку об СССР уже в день открытия, 14 июля 1945 г., посетило 2,5 тыс. человек⁸. Журнал советско-венгерского культурного общества уже в первые месяцы своего существования достиг большого по тому времени тиража 50 000 экземпляров /необходимо иметь в виду, что это было в еще относительно свободном от сталинского диктата 1946 г., когда подписка на прессу, пропагандирующую реальные и мнимые достижения СССР, пока еще не носила

да - 9,1%, интеллигенция и служащие - 8,7%, численность крупной буржуазии и земельной аристократии, с 1945 г. неуклонно сокращавшаяся, составила 1,7% (4).

кампанейского характера⁹. Немало внимания привлекали происходившие с лета 1945 г. гастроли советских артистов /не только александровского ансамбля, но и балерины Г. Улановой/¹⁰.

Но говоря обо всем этом, следует также учитывать, что сталинский режим, расширяя объем направляемой в Венгрию советской духовной продукции, преследовал свои политические цели. С самого начала книжный рынок изводился обилием продукции сугубо пропагандистского назначения – портретами "отца народов", брошюрами и картинными репродукциями, в искаженном свете представляющими жизнь советских людей. В то же время Всесоюзное общество культурных связей с заграницей /ВОКС/ негативно отвечало на многие запросы венгерской стороны по присылке в страну серьезной литературы. Так, на просьбу составить для публикации в Венгрии сборник рассказов А. Платонова ВОКС никак не отреагировал, поскольку великий писатель был отлучен Сталиным от публикаций¹¹. Сходная ситуация сложилась и в других областях культуры. Нам "нужны произведения Прокофьева, Шостаковича и Мясковского. Опыт показал, что именно эти композиторы смогут привлечь наибольшее внимание и сделать советскую музыку популярной", – писал в Москву секретарь венгерско-советского культурного общества Д. Хай¹². Но именно эти композиторы подвергались в те годы гонениям за "формализм" и потому, с точки зрения сталинских экспортеров культуры, их произведения явно не могли считаться образцовыми. Известный киновед и драматург Б. Балаж в переписке с одним из советских коллег с горечью сетовал на то, что венгерский кинозритель лишен возможности видеть шедевры советского немого кино 1920-х гг., а те картины, что поступают из СССР, художественно слабы и не находят отклика, заметно уступают в популярности продукции Голливуда. "Я веду здесь упорный бой за советское кино и искусство вообще", – писал Балаж¹³. Удаче в этом бою мешала та система идеологических, но отнюдь не художественных критериев, по которой в Советском Союзе осуществлялся отбор художественных произведений для экспорта

нения за рубежом. Конечно, было бы упрощением говорить о том, что из СССР в эти годы переправлялись только парадные портреты Сталина, напичканные унылой дидактикой романы о передовиках производства и начисто лишенные конфликта современные пьесы и фильмы. Во второй половине 1940-х гг. значительно большими, чем ранее, тиражами выходит русская литературная классика XIX в. И все же в обширном культурном потоке из СССР уже в 1945–1947 гг. главное место занимала отнюдь не классическая, а современная продукция, безусловно соответствующая текущим идейным установкам, но абсолютно лишенная художественного содержания. Многие венгры, проявлявшие интерес к русской культуре советского периода, могли получить о ней весьма одностороннее представление – за бортом оставалось все то, что не соответствовало сталинско-ждановским представлениям об искусстве "социалистического реализма".

Любый расклад сил на международной арене по окончании второй мировой войны дал возможность по-новому взглянуть и на место Венгрии в Европе. В отдельных концепциях стране отводилась роль одного из связующих каналов в предстоящем культурном обмене между Западом и Востоком. "Культура с огромной силой двинется с Востока на Запад, с Запада на Восток, и в этом потоке мы будем одним из важнейших форпостов на границе Европы и Азии", – заявлял летом 1945 г. уже упоминавшийся Л. Зилахи¹⁴.

Надо сказать, что трактовка исторического призвания Венгрии как своего рода "моста" между Востоком и Западом имела глубоко укоренившиеся, восходящие к мыслителю XIX в. д. Кемени традиции в венгерской общественной мысли. Конечно, эта простая метафорическая формула не была способна передать всю специфичность положения венгров в ряду европейских народов, и нередко вызвала к себе скептическое отношение. Так, великий поэт Эндре Ади, обостренно переживавший провинциальную захолустьность, отсталость Венгрии эпохи дуализма, с горечью и сарказмом уподобил свою родину не мосту, а "парому", который плывет "взад-вперед меж двух берегов: от восточного к западному, но

охотней - обратно"¹⁵. Тем не менее формула "моста" продолжала жить в общественном сознании нации, а в середине 1940-х гг., в атмосфере усиленных поисков новых путей общественного развития, получила свежий импульс - ее питали и стремление найти выход из тупика, в котором оказалась соскользнувшая к фашизму западная демократия, и в не меньшей мере страх перед возможной эволюцией коалиционного режима в сталинский тоталитаризм. "Мы хотим стать мостом между Востоком и Западом, хотим способствовать тому, чтобы между восточными и западными идеями устанавливался синтез", - заявлял председатель СДП А.Сакашич¹⁶. Еще более определенно высказался известный ученый-политолог И.Бибо из НКП, писавший: "Если в Венгрии сможет функционировать демократическая коалиция, синтезирующая в себе демократию англо-саксонского типа и советский строй, она послужит практическим примером для ... демократических коалиций всей Европы"¹⁷. Отдавая предпочтение западным демократиям перед сталинизмом там, где речь шла о гарантиях свободы личности, Бибо в то же время считал целесообразным заимствовать у советского режима отдельные механизмы обеспечения социальной защищенности, предотвращения безработицы и т.д. Подобный синтез в случае своей удачи имел бы, по мнению Бибо, не только внутривенгерское значение. В силу своего географического положения на границе Западной и Восточной Европы Венгрия, как он считал, смогла бы стать "важным и позитивным фактором" формирования связей между Западом и Востоком, своего рода мостом между ними¹⁸.

Но начавшаяся с весны 1946 г. резкая конфронтация между СССР и его недавними союзниками по антифашистскому блоку развеяла все иллюзии относительно посреднической миссии Венгрии в двустороннем культурном потоке. С тем большей силой венгерская интеллигенция искала духовную опору во внутренних ресурсах национальной культуры. Для первых послевоенных лет было характерным активное обращение к глубинным истокам национальной истории, фольклорным корням венгерской культуры. Естественно, что здесь задавала тон "народническая" интеллигенция. Большой популярно-

стью пользовалась концепция педагога- "народника" Ш. Карачоня. Включение Венгрии в ХУП ^{века} ^в германский культурно-исторический ареал, по мнению Карачоня, оказалось губительным для венгерского "национального духа", в большей мере тяготевшего к Востоку /говоря о Востоке, Карачонь делал акцент на духовной общности мадьяр не со славянским миром, а скорее с древними кочевыми цивилизациями Центральной Азии, он уделял большое внимание первоистокам венгерской культуры, ее наиболее глубинным корням, роднящим венгров с другими угрофинскими народами/. "Если мы хотим возрождения в сфере культуры, - утверждал Карачонь, - ... мы должны сделать так, чтобы культура ХХ в. упиралась корнями в ХУП в. /в догабсбургскую эпоху. - А.С./, иначе мы не сделаем ничего... Все, что не берет истоки в венгерском фольклоре, ... есть низшая культура"¹⁹. Сохранить свое исконное начало в условиях утраты независимости венгерской нации, считал Карачонь, удалось благодаря протестантской церкви, которая действительно со времен Реформации долгое время выступала в качестве вдохновителя антигабсбургских движений, хотя после поражения революции 1848-1849 гг. постепенно утратила свою прогрессивную в этом отношении роль. Именно из протестантизма он пытался выводить корни творчества Ш. Петефи, ряда других корифеев венгерской культуры. Вместе с тем Карачоня отличала недооценка многих существенных пластов культурного наследия Венгрии XIX-XX вв.

Говоря о взглядах Карачоня, необходимо заметить, что столь крайние позиции в отстаивании национальной и культурной самобытности венгров, довольно характерные для духовной атмосферы тех лет, в какой-то мере объяснимы естественным для нации стремлением найти своего рода компенсацию тому колоссальному моральному ущербу, который был нанесен самосознанию венгров ошибочным выбором внешнеполитических ориентаций и конечным поражением в войне /не только триумфы, но и сокрушительные неудачи могут стимулировать подъем национального самосознания - в последнем случае происходит естественная защитная реакция нации на

перенесенное унижение своего национального достоинства/. Однако в гораздо большей мере в позиции Карачоня проявилась забота об исчезающей в современном индустриальном обществе самобытной крестьянской культуре, стремление использовать политическую демократизацию в интересах ее возрождения. При этом Карачонь отнюдь не идеализировал патриархальную отсталость определенной части крестьянства. Подобно многим другим мыслителям и политикам, писавшим в 1940-е гг. о неудовлетворительном положении дел с крестьянской культурой, он признавал, что задача преодоления разрыва между высокой элитарной культурой и культурной отсталостью крестьянства ^{стоит в Венгрии в качестве наиболее актуальной} /из задач культурной политики /это было действительно так, и это хорошо осознавало современниками, судя по многим публицистическим выступлениям тех лет, документам основных партий, включая партии мелких сельских хозяйств /²⁰. Однако по мнению Карачоня, механическое приобщение крестьянства к ценностям городской культуры /даже высокой элитарной, а не низкопробной массовой/ было бы неэффективным, подобно посадке семян на неводеланную почву. Подлинно высокая крестьянская культура, считал Карачонь, хотя и испытывает влияние высокой городской, все же будет принципиально отличаться от нее, она не просто сохранит свою связь с предшествующей фольклорной традицией, а будет органически вырастать из нее, продолжать ее. Поскольку Венгрия в соответствии со своими традициями должна остаться, полагал Карачонь, страной по преимуществу ориентированной на сельское хозяйство и связанные с ним отрасли промышленности, именно самобытная крестьянская, а не городская культура будет доминировать в новой Венгрии, составит основу всей национальной культуры.

Идея Карачоня о принципиальном различии городской и сельской культур хотя и находила в 1940-е гг. немало сторонников, господствующими все же не стали даже в кругах интеллигенции народнической ориентации. Так, один из ведущих венгерских ученых-этнографов Д.Остутан из левого крыла НГМСХ /министр посольства в 1947-1949 гг./ в про-

тивовес концепциям, несшим на себе отпечаток национальной ограниченности, указывал на необходимость включения в круг активного наследия новой венгерской /в том числе и крестьянской/ культуры всего ценного и значительного, что дали "античная Европа, христианская Европа", вся мировая цивилизация²¹. Журнал "народных писателей" "Балас", редактируемый Д.Ийешем, сохраняя почвеннические установки, также не замыкался на национальной идее, во многих публикациях обращался к опыту мировой культуры. А призывая к изучению и распространению ценностей народной культуры, идеологи крестьянских движений часто ссылались на авторитет композиторов Б.Бартока и З.Кодая, выдающихся теоретиков и практиков в области освоения, систематизации и творческой переработки музыкального фольклора, причем не только венгерского, а всех народов центрально-европейского и балканского региона. Если Барток скончался осенью 1945 г. в США, так и не успев возвратиться в новую Венгрию, то Кодай продолжал в эти годы активно работать и поддерживал тесные связи с духовно близкой ему "народнической" интеллигенцией.

После войны, в атмосфере поисков новых путей развития, полемика между почвенниками и западниками, "народниками" и урбанистами разгорелась с новой силой. Теперь она далеко вышла за рамки журнальных споров конца 1930-х гг., ставивших в центр внимания вопрос об источниках, движущих силах развития и внешних ориентациях венгерской национальной культуры. В новых условиях эта дискуссия органично вписалась в контекст политической борьбы между сторонниками западных моделей общественного устройства и поисков для Венгрии "своего", особого пути, причем этот свой, отличный от западного путь понимался неоднозначно, выступая в образе то крестьянского социализма /П.Вереш/, то "новой" демократии в ее различных вариантах^X. Очень неоднозначно

^X Такие совершенно разные мыслители, как И.Бибо, Д.Секкер, Д.Дунач писали – каждый по-своему – о демократии принципиально нового типа, отличной от традиционной западной демократии.

опениваясь и соотношение "своего", западного пути с советской альтернативой развития. Так, если Д.Немет, П.Вереш и П.Ковач проявляли опасения за судьбы венгерской нации в случае возможного утверждения в Венгрии коммунистической диктатуры, то их соратники по движению "народных писателей" и национально-крестьянской партии Ф.Эрдем и Й.Дарваш постепенно эволюционировали в своих взглядах к идеологии коммунистического движения.

В первые годы после второй мировой войны связь культуры /особенно литературы/ с политикой была чрезвычайно тесной: традиционный литературоцентризм духовной жизни Венгрии, огромная роль художественной словесности в формировании национального самосознания венгров предопределили большое внимание к ней со стороны большинства партий, сделали литературную жизнь одним из важных средоточий идейной борьбы.

Несколько первых послевоенных лет отличались высоким накалом творческой энергии, подлинным взлетом идейных, эстетических исканий. Посетивший в 1946 г. Будапешт после Белграда, Софии и Бухареста корреспондент английской газеты "Таймс" писал: "не может не удивить оживленная духовная жизнь сегодняшней Венгрии. Плоды неустанной работы духа видны и в публичной жизни, и в печати. В сравнении с соседними Балканами Венгрия может показаться настоящим оазисом культуры"²². От фиксации непосредственных впечатлений "по свежим следам" /в очерках, публицистической поэзии, графике, кинодокументалистике/ художественная культура постепенно эволюционировала к более углубленному осмыслению коллизий эпохи в более сложных и многосоставных жанровых структурах. Психологический роман Д.Немета "Отвращение" /1947/ и роман Д.Айша "Гуны в Париже" /1946/ явились первыми крупными достижениями венгерской литературы послевоенной эпохи. Плодотворно трудились во 2-ой половине 1940-х гг. прозаики старших поколений - Т.Дери, Л.Надь, П.Сабо, А.Тамаш, Й.Б.Тершански. Появляются и новые имена. Еще большего расцвета, чем проза, достигает поэзия. Новые сборники стихов Д.Айша, П.Вереш, Л.Сабо,

М. Фюшта, Л. Бенъямина надолго оставили след в истории национальной культуры. Талантливые молодые поэты группировались вокруг журнала "Уйход" /Я. Пилински и др./. Значительным фактом венгерской духовной жизни становятся также произведения, созданные ранее, но не имевшие возможности выйти в свет при хортизме - роман Т. Дери "Неоконченная фраза", литература московской эмиграции. Большой резонанс вызвала публикация последних стихов убитого фашистами М. Радноти, обнаруженных в кармане его шинели в братской могиле.

Многообразие творческих исканий отличало положение в изобразительном искусстве, где сосуществовали различные течения. Хотя некоторые из представителей официального искусства 20-30-х гг. смогли найти свое место в художественной жизни новой Венгрии, на первый план выходят течения, которые при хортизме были оттеснены на периферию. Виднейшее место в художественной жизни занимали художники-постимпрессионисты группы "Грешем" /А. Бернат, И. Сени, Й. Эгри, скульптор П. Паткаи /Духовная общность существовала между "народными писателями" и живописцами "альфельдской школы", между пролетарским авангардом в поэзии, с одной стороны, плакате и графике, с другой. Значительное по творческому потенциалу направление составляли приверженцы скреализма, абстракционизма, ряда других новейших течений. Эти художники образовали в 1945-1948 гг. единый лагерь - "европейскую школу", противопоставлявшую себя академизму и неоклассицизму. Важными событиями художественной жизни стали выставки картин Т. Чонтвари, Л. Вайды, Д. Дерковича, ряда других выдающихся мастеров прежних десятилетий, довольно мало известных при жизни.

Принятие I-го генерального плана Будапешта стимулировало творческие искания в архитектуре. В первую очередь архитектурная мысль была направлена на восстановление разрушенных войной зданий и целых кварталов, разрабатывались и оригинальные проекты. Все же лишь незначительная часть смелых градостроительных проектов 1945-1949 гг.

смогла получить реализацию в сложных материальных условиях тех лет.

Переживала подъем музыкальная жизнь Венгрии. Первый концерт классической музыки в Пеште состоялся 27 января 1945 г., когда на противоположном берегу Дуная, в Буде, шли ожесточенные бои. В марте в своем полуразрушенном здании приняла первых посетителей опера. Оперную труппу Будапешта в 1947–1950 гг. возглавлял всемирно известный дирижер Отто Клемперер. Очень плодотворно работала и балетная труппа – наряду с венграми Д.Харангозо и Ф.Иадьяши здесь ставили спектакли иностранные балетмейстеры Я.Цедланский из Польши и Ф.Шарра из Франции. В репертуаре будапештской балетной труппы вплоть до 1949 г. были такие шедевры балета XX в., как "Послеполуденный отдых фавна" К.Дебюсси и "Петрушка" И.Стравинского. Конкурс памяти Б.Бартока собрал в 1948 г. лучших пианистов мира. Весьма показательно также создание в 1945–1948 гг. нескольких новых симфонических оркестров в Будапеште и провинции²³.

Средоточием театральной жизни Венгрии оставалась прежде всего столица. До 1948 г. в Будапеште было 4 государственных театральных труппы и 32 частных. Для того, чтобы "выжить", частным театрам подчас приходилось давать 25–30 премьер в год, и это безусловно сказывалось на качестве постановок. Национальный театр, возглавляемый талантливыми мастерами сцены Т.Майором и Э.Геллертом, другие столичные труппы осуществляют ряд успешных постановок венгерской и мировой /в том числе русской/ классики. Меньше удач ожидало их при обращении к произведениям советских драматургов. Здесь далеко не оптимальным был выбор пьес для постановки. Конечно же, пьесы К.Симонова "Русский вопрос" и Л.Рахманова "Беспокойная старость" не могли принести славу советской драматургии.

Центральной фигурой венгерской кинематографической жизни был в 1940-е гг. Бела Балаж /1884–1949/. В молодости поэт-символист, драматург /либреттист знаменитых балетов Б.Бартока/ и философ, вместе со своим другом Д.Лукачем проделавший в 1910-е гг. путь от философии жизни че-

рез неокантианство к марксизму, Балаж в 1920-е гг., работая в веймарской Германии, получил всемирную известность как теоретик кино. Оказавшись в 1940 г. в Советском Союзе, он стал профессором ВГИКа, где работал до возвращения на родину в 1945 г. В течение всей жизни Балаж выступал и как кинодраматург. Созданный по его сценарию удивительно поэтический фильм "Где-то в Европе" /1947/, близкий по стилистике итальянскому неореализму, поднял венгерский кинематограф на высоту, которой тот никогда не достигал при хортизме. Молодые воспитанники созданной Балажем школы киноискусства /М.Габор, впоследствии крупнейший актер венгерского театра и кино, и др./ вместе с ветераном венгерской сцены А.Шомляй составили в фильме великолепный артистический ансамбль. Режиссером картины был Г.Радвани, также вернувшийся из эмиграции, но из итальянской. Поставив свой лучший фильм, он снова покинул родину на долгие годы.

После войны возвращаются из эмиграции многие видные деятели венгерской культуры. Правда, К.Маннхейм, получивший в 1945 г. приглашение возглавить кафедру социологии в Будапештском университете, не товолился покидать более благополучные берега Темзы, и преждевременная кончина в 1947 г. помешала ему еще раз увидеть родную землю. Зато другой крупнейший мыслитель, Д.Лукач, возвратился в Венгрию в августе 1945 г. и сразу же включился в духовную жизнь страны. Не вернулся из-за океана О.Яси, на склоне лет профессор политологии в университете штата Огайо. Но другой выдающийся венгр, граф М.Керофи, в 1946 г. был с триумфом встречен в Будапеште после 27-летней эмиграции, в последующие годы представлял свою родину в качестве дипломата. Из Москвы возвратились писатели А.Габор, Д.Хай, Б.Алеш и др., художники Б.Уитц, Ш.Эк, несколько писателей приехали из Англии, Франции, США, стран Латинской Америки.

Ведущий прозаик Л.Петет едва ли был неискренен, когда писал в 1946 г.: "... духовная жизнь Венгрии в наши дни приближалась к той полноте и широте, которые так

нужны большой прозе... После второй мировой войны мы получили новые горизонты"²⁴. С этими строками перекликаются слова другого классика венгерской литературы, Т. Дери, получившего впоследствии всемирное признание именно как непримиримого оппонента сталинизма: "То, чего я тщетно жаждал на протяжении трех десятилетий, сегодня близко к осуществлению: слово мое не останется мертвой буквой. Я получаю на него живой отклик, знак того, что ... мое признание служит большой общественной потребности"²⁵. Факты указывают, что в 1945-1947 гг. Венгрия действительно переживала большой общественный подъем. Численность основных партий составляла по несколько сот тысяч человек, политическая борьба шла не только в парламенте, но и в прессе, местных органах власти, в дискуссионных клубах, на уличных митингах. Как грибы плодились общественные организации - профессиональные, молодежные, студенческие и т.д.²⁶ Немало было среди них и обществ культурного профиля. Всевенгерский размах получило культурно-просветительское движение "свободного просвещения". Создание свободных школ явилось реализацией для взрослых крестьян "народнических" проектов, которые вынашивались еще при хортизме, но только после Освобождения получили возможность практического воплощения.

В Будапеште как совместный орган двух пролетарских партий функционировало Культурное общество рабочих. Лекции, самодеятельные спектакли, вечера, организованные обществом, посетило 200 тыс. человек, около 4 тыс. рабочих приобщались к творческой деятельности в театральных, музыкальных и художественных школах общества. На крупных заводах проводились художественные выставки под лозунгами "За новую венгерскую культуру!", "Свободному народу - свободное искусство". Социологические исследования свидетельствовали о значительно возросших в сравнении с хортистской эпохой масштабах посещения концертов, выставок, лекций²⁷. Все это говорило не только о более демократической, чем при хортизме, культурной политике, но и об определенном энтузиазме народа - ведь восстановление

отнимало в те годы немало сил и времени.

Большие изменения претерпела школьная система. Курс на глубокую демократизацию предполагал обеспечение равных возможностей доступа всех граждан в школы средней и высшей ступени. Важным фактором, стимулировавшим расширение масштабов общего образования явилось все более активное приобщение выходцев из рабоче-крестьянской среды к управлению обществом /к деятельности в местных органах власти, и т.д./. Выполнение трудящимися этой новой функции могло быть успешным только при условии освоения ими большого объема знаний. В обстановке глубокой экономической дестабилизации, обозначившей острую нехватку квалифицированных кадров, задача коренной модернизации школы требовала своего безотлагательного разрешения. Характерно, что в партиях правящей антифашистской коалиции /включая ЦМСХ/ практически не встретило противодействия принятие в августе 1945 г. закона, провозгласившего создание унифицированной системы 8-летнего образования²⁸. Среди влиятельных политических деятелей оппозицию школьной реформе составил прежде всего кардинал Миндсенти, который после вступления в октябре 1945 г. на пост главы католической церкви Венгрии задним числом предал анафеме уже утвержденный законопроект.

В 1947 г. правительство приняло закон, согласно которому гимназисты из бедных семей в случае успешной учебы не только не должны были вносить денег на обучение, но и получали небольшую стипендию²⁹. О демократическом характере школьной политики свидетельствовало также создание новых типов учебных заведений, специально рассчитанных на получение аттестата зрелости выходцами из трудящихся масс /с отрывом и без отрыва от производства/. Летом 1945 г. при Будапештском университете была создана первая в Венгрии вечерняя средняя школа. Обучение в ней было бесплатным. В 1946/1947 учебном году уже действовало 115 таких школ³⁰.

Особую роль в формировании демократической интеллигенции сыграли "народные коллегии". Это были своего рода

рбщежития для учащихся средних и студентов высших школ с дополнительной, общей для всех коллегистов независимо от их основной специальности учебно-воспитательной программой, предусматривавшей, в первую очередь, политическое образование. Все они имели развитую систему демократического самоуправления. Движение "народных коллегий" вело свой отсчет с довоенных лет, у его истоков стояли "народные писатели", которые с повсеместным созданием этих демократических "островков" в консервативной системе образования связывали надежды на духовный подъем крестьянства, главной, по их мнению, движущей силы нации. После войны движение приобрело широкий размах. В коллегиях читали лекции видные ученые-обществоведы Д.Лукач, Ф.Зрдеи, Д.Ортутая, Э.Молнар и др. Сами коллегисты регулярно выезжали на село, где участвовали в налаживании культурной работы. Венгерский опыт организации "народных коллегий" получил международное признание. К его изучению и использованию в других странах призвал даже тогдашний генеральный секретарь ЮНЕСКО Хаксли³¹. Роль "народных коллегий" в подготовке нового поколения венгерской интеллигенции чрезвычайно велика³².

Вопросы школьной политики во второй половине 40-х гг. часто выносились на парламентское обсуждение и возникавшие вокруг них дебаты вызывали широкий общественный отклик. Важным событием стала кампания по национализации церковных школ. До 1945 г. главным источником их финансирования были собственные экономические доходы церкви. Но потеряв в результате аграрной реформы свои обширные земельные владения, церкви лишились средств, необходимых для содержания столь большого количества школ. В 1945 г. правительство было вынуждено резко увеличить объем дотаций на финансирование церковных школ, церковь постепенно стала превращаться лишь в своего рода посредника между государством и системой обучения. Вопрос о том, имеет ли смысл посредническая деятельность церкви в управлении школьной системой, стал предметом бурных парламентских дискуссий с конца 1947 г. Министр просвещения и культов

Д.Ортутай высказался за национализацию школ, обосновав необходимость этой меры консервативной школьной политикой церковной администрации. Церковь, говорил Ортутай, тормозит внедрение новых учебных программ и пособий - так, учебники З.Кодая по музыке, получив всемирное признание, продолжали тем не менее упорно игнорироваться отечественными католическими ортодоксами. Но правительственные планы вывести из-под церковного подчинения основную массу учебных заведений вызвали крайнее недовольство кардинала Миндсенти и его окружения. Убеденный консерватор и монархист, настороженно относившийся к любым планам демократического переустройства унаследованной от хортизма системы отношений, Миндсенти не был склонен идти ни на малейшие уступки там, где дело касалось позиций церкви. Бескомпромиссность кардинала лишь накаляла обстановку в стране, провоцировала крайне левые силы внутри компартии на ответную меру - укрепление репрессивных органов. Организованная Миндсенти кампания не помешала однако государству провести /16 июня/ намеченный акт. Важно заметить, что ирвинский декрет в то время еще не отменил обязательного религиозного обучения в школах³³.

Острая политическая борьба первых послевоенных лет вкладывала, таким образом, свой отпечаток на культурные процессы. Каждая из партий имела свою концепцию культурной политики, отнюдь не во всем совладавшую с концепциями других партий. Вместе с тем все политические партии были едины в стремлении заручиться поддержкой интеллигенции, и далеко не в последнюю очередь творческой интеллигенции, слоя, активно формирующего общественное сознание. Не была исключен в этом смысле и Венгерская коммунистическая партия, прилагавшая большие усилия для завоевания на свою сторону деятелей культуры, уделявшая в силу этого большое внимание политике в области литературы, искусства, гуманитарных наук.

ГЛАВА III. В ПРОТЯВБОРСТВЕ ДВУХ ТЕНДЕНЦИЙ.

ЛЬЕРДЬ ЛУКАЧ В КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ВКП ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ

Известный историк и публицист Ференц Фейте, не оставивший непримиримым оппонентом коммунистической идеологии, все же был вынужден в 1957 г. признать: "в 1945-1948 гг. коммунистические руководители... проявили такое политическое здравомыслие и организационные способности, которых не могли бы отращать даже самые ярые их враги"¹. И действительно, занимавшие ответственные должности коммунисты внесли немалый вклад в восстановление разрушенных войной предприятий и школ, налаживание экономической и культурной жизни. Министру земледелия А. Радо принадлежала огромная заслуга в осуществлении аграрной реформы 1945 г., резко поднявшей производительность труда в крестьянских хозяйствах. Министр народного благосостояния Э. Молнар много сделал для улучшения материального обеспечения населения в трудные месяцы разрухи. Радо отметить также участие коммунистов в успешном проведении в августе 1946 г. финансовой реформы, способствовавшей преодолению глубочайшей инфляции. Что же касается политического здравомыслия, на которое обратил внимание Фейте, то оно проявилось в умении идти на компромисс со своими принципиальными идейными оппонентами при решении приобретающих общенациональную значимость задач.

Несомненное здравомыслие характеризовало и позицию ВКП по отношению к интеллигенции. Нужно сказать, что интеллектуальный слой общества в первые послевоенные месяцы часто оказывался мишенью для самых ожесточенных нападок - призывы привязать интеллигенцию к "позорному столбу" раздавались даже с парламентской трибуны. Антиинтеллигентские настроения проявились и в ВКП, и особенно в СДП. Среди коммунистов они также давали о себе знать. И все-таки руководство ВКП с самого начала заняло твердую позицию: главный идеолог партии Й. Ревчи еще в декабре 1944 г. в полемике с тем, кто предлагал посадить интеллигенцию "на

скамью подсудимых", заявил с трибуны Временного Национального собрания: "Новую Венгрию невозможно построить без интеллигенции или вопреки ее действиям. Место интеллигенции не на скамье подсудимых, а в лагере венгерской народной демократии"². Отношение к интеллигенции было одним из характерных показателей той дальновидной реалистической политики, которую проводили в эти годы лидеры ВКП, заботившиеся о пополнении рядов своей партии, укреплении ее социальной базы.

В основе политики ВКП в первые послевоенные годы лежала концепция народного фронта, разработанная Йозефом Гривай и другими идеологами партии в соответствии с идеями VII Конгресса Коминтерна /1935 г./. В годы второй мировой войны главный упор делался на задачах антифашистской борьбы, после победы над фашизмом – на дефашизации общества и общедемократических преобразованиях. Вплоть до конца 1947 – начала 1948 г. руководители компартии старались не акцентировать внимания на социалистической перспективе развития Венгрии. В тех случаях, когда речь все же заходила о социализме как конечной цели проводимых преобразований, они неизменно подчеркивали, что теперь путь Венгрии к социализму будет "несомненно дольше, чем тот, который мы избрали в 1919 г., но мы ... в интересах всего трудового народа готовы предпочесть скорее долгий, но безболезненный путь, чем быстрый, но через кровавую гражданскую войну"³. Подобно другим левым партиям, выступавшим за социалистическую перспективу развития, ИКП признавало, что ситуация, сложившаяся в мире по окончании второй мировой войны, открывает "возможность создания демократии нового типа". Если через развитие старой, чисто "буржуазной" демократии было "нельзя перейти к социализму", то теперь путь к социализму должен лежать именно через установление "новой демократии"⁴. Демократия нового типа служит тому, чтобы "общественные прослойки, охваченные рабочему классу в революции, без спешки, терпеливой работой убедиться в том, что социализм служит и их кровным интересам"⁵. В своем стремлении заручиться широкой поддерж-

кой коммунисты прилагали все усилия, чтобы отмежеваться от негативного опыта 1919 г., равно как и от своей сектантской практики 1920-1930-х гг. "Несколько лет после 1945 г. мы старались делать вид, будто партия основана не в 1918 г., а в 1935," - вспоминал впоследствии видный деятель ВКП М. Хорват⁵.

Для того, чтобы понять, что же стояло за уверениями коммунистов в их приверженности линии народного фронта и насколько эти уверения были серьезны, необходимо принять во внимание внутривнутриполитическую обстановку 1945-1947 гг. острое противоборство внутри антифашистской коалиции еще не завершилось в пользу ВКП. Претендуя на ведущую политическую роль в обществе, партия нуждалась в расширении своей социальной базы, повышении политического престижа. Поэтому она не могла не считаться с настроениями широких масс, отдававших несомненное предпочтение мирному развитию событий. Кроме того, ВКП должна была реагировать на распространившиеся в левом лагере уже с 1945 г. опасения, что с приходом коммунистов к единоличной власти Венгрия может повторить негативные экспессы, которые в 20-30-е годы пережил Советский Союз /М. Бибо, например, уже в конце 1945 г. писал: "Венгерская демократия жвет в страхе. Страх ее мучает двойной: перед реакцией и перед диктатурой пролетариата"⁷/.

Конечно, образ СССР в венгерском общественном сознании 40-х гг. был неадекватен реальности /и это было характерно отнюдь не только для коммунистов/. "В Советском Союзе нет ... господствующего класса, а есть ... полное и безусловное равноправие всего народа. Народная воля, идущая снизу, из малых автономий, вверх, к более крупным образованиям, сливаясь, образует те влиятельные форумы, которые выражают народную волю и оказывают воздействие на дела ... государства", - писал, например, социал-демократ З. Хорват⁸. Тот же Бибо, предлагавший синтезировать в общественном строе Венгрии "демократии англо-саксонского и советского типов"⁹, естественно, не имел представления о подлинных масштабах сталинских преступлений. Известно, что

даже у многих из тех иностранцев, кому приходилось в 30-х - начале 50-х гг. бывать в СССР, складывалось ложное впечатление о советской системе - сталинский режим умел держать за семью печатями свои тайны. Посол Венгрии в СССР в 1946-1948 гг., никогда не считавший себя коммунистом историк Д.Секфю в своей книге "После революции" /1947/ писал о преимуществах советской системы над западными демократиями, как гарантирующей право на труд, дающей людям обеспечение в старости и т.д.¹⁰ Подобно Б.Шоу, Г.Уэллсу, Д.Фэйхтвангеру, многим другим авторитетным иностранным визитерам, Секфю оказался не способен разглядеть, что за блеском парадных витрин скрывалась миллионы человеческих жертв. Тем не менее определенные опасения в венгерском обществе все же существовали. Писатель Л.Немет, например, еще летом 1943 г. на собрании антифашистских сил в Батафонсаро предостерегал своих соотечественников от возможного установления в Венгрии такого строя, где крестьянству приходится трудиться под надзором иноземных надсмотрщиков, любая свободная мысль находится под строжайшим запретом и т.д.¹¹ Но даже у многих из тех людей, у кого существовали какие-то иллюзии в отношении сталинской системы, были свежи в памяти левачьи перегибы 1919 г. в собственной стране. Известная своими отнюдь не только антифашистскими, но и сектантскими, экстремистскими традициями ВКП даже в тот период, когда в ее политике доминировали идеи широкого народного фронта, у многих вызвала настороженное отношение к себе как потенциальному претенденту на монопольный захват власти. Пытаясь развеять подобные опасения, лидеры партии уже из тактических соображений делали неизменный акцент на специфике продвижения Венгрии к социализму в сравнении с советским путем развития. Эта специфика виделась в постепенности, нефорсированности революционного процесса, поддержке единого фронта сил, выступавших за социалистическую альтернативу, сохранении институтов парламентаризма. Но при всей внешней приверженности лидеров ВКП линии народного фронта лишь только будущее могло показать, в какой мере курс партии 1946-1947 гг. определялся искренним

желанием части ее руководства сделать движение к социализму по возможности безболезненным для нации, а в какой фризология народного фронта была не более, чем привлекательной упаковкой, маскировавшей стремления лидеров ВКП к установлению монопартийной диктатуры^х.

Но каковы бы ни были истинные намерения руководителей компартии, политика народного фронта приносила свои плоды, престиж ВКП рос. С ноября 1944 по май 1945 гг. численность партии выросла в 5 раз, с 30 до 150 тыс. человек¹³. На выборах в Госсобрание в ноябре 1945 г. коммунисты набрали 17% голосов, столько же, сколько их старшие конкуренты социал-демократы. Хотя независимая партия мелких сельских хозяйств получила абсолютное большинство - 57%, ВКП могла расценивать результаты свободных выборов как свой успех, большой кредит доверия: ведь в отличие от социал-демократов и партии мелких хозяйств коммунисты, будучи при хортизме нелегальной партией, не имели ни опыта предвыборной борьбы, ни своего традиционного круга избирателей. Несмотря на свою абсолютную победу, ЦК ВКП не решилась пойти на формирование однопартийного правительства, в Венгрии продолжало сохраняться коалиционное правление, и занимавшие ряд важных постов коммунисты продолжали оказывать большое влияние на курс правительства.

Главной опорой ВКП /как и СДП/ был городской пролетариат. Процесс "завоевания" интеллигенции шел гораздо медленнее. В мае 1945 г. она составляла всего 2% численности партии. Расценив эту цифру как неудовлетворительную, майская конференция ВКП постановила активизировать пропагандистскую работу среди интеллигентов¹⁴. Решению

^х Хотя левый народный фронт до конца 1947 г. оставался в целом доминирующей, приглушая сектантские тенденции, последние отнюдь не были искоренены, были разве что отодвинуты на второй план. Характерно, что деятельность коммунистов в органах МВД, а также в контрольных комиссиях по очистке государственного аппарата от лиц, сотрудничавших с противниками коммунизма, вызвала в 1945-1946 гг. серьезные возражения даже со стороны их политических союзников из СДП и КДП (12).

этой задаче было подчинено создание дискуссионных клубов, выпуск прессы. Главный упор в политической пропаганде делался на обоснование возможности постепенного, безболезненного перехода к социализму. В своей работе коммунисты учитывали специфику различных прослоек интеллигенции, использовали в качестве каналов существующие профессиональные объединения /союз учителей и т.д./. Немало внимания приходилось уделять ученым-гуманитариям, литераторам, мастерам художественной культуры - как и другие партии, ВКП была заинтересована в поддержке со стороны гуманитарной и творческой интеллигенции. В разработке общей концепции культурной политики ВКП в эти годы наряду с И.Ревая принимал активное участие известный философ Д.Лукач. Являясь членом ВКП и депутатом Госсовета, видный философ не избирался в высшие органы своей партии, не занимал никаких должностей в государственном аппарате. Издавна сложными были его отношения с партийным руководством. Но привлекая Лукача к разработке культурной программы ВКП, Ракоши и его окружение стремились использовать в своих интересах и громадный интеллектуальный потенциал философа, а международную известность многих /прежде всего ранних/ его работ.

Надо сказать, что с переселением из Москвы в Будапешт Лукач мог гораздо активнее участвовать в интеллектуальной жизни Европы. В первую очередь влияние его идей распространялось на восточноевропейские страны^X. Но и на западе Европы деятельность Лукача находила отклик - венгерский философ был участником ряда послевоенных форумов европейской интеллигенции /в Женеве, Риме и др./, собиравших весь цвет интеллектуальной жизни того времени; его выступления вызвали серьезные дискуссии, привлекавшие

^X Работы Лукача во второй половине 40-х гг. выходили и в Польше, и в Чехословакии, а в Восточной Германии венгерский философ вообще был одной из центральных фигур духовной жизни - он постоянно выступал здесь с лекциями, участвовал в журнальных дискуссиях.

мыслителей разных ориентаций. По справедливому замечанию Ф. Фейтэ, "непримиримый враг упрощенчества, Лукач мог успешнее, чем кто бы то ни было, представлять марксизм "большого покроя" - во всем его отличии от вульгарного марксизма - перед "декадентскими философами" Ясперсом, Мерло-Понти и Сартром"¹⁵.

Феномен Дьердя Лукача /1885-1971/, парадоксы его длительной духовной эволюции уже не одно десятилетие не перестают удивлять западных исследователей новейшей философии¹⁶. В самом деле, почему сын богатейшего будапештского банкира, учившийся в лучших германских университетах у крупного представителя "философии жизни" Г. Зиммеля и классика неокантианской социологии М. Вебера, подававший огромные надежды литературный критик и эссеист, известный своими ранними работами не только в Венгрии, но и в Германии, после 1917 г. навсегда связал свою судьбу с международным коммунистическим движением? Не проследив хотя бы в общих чертах путь духовного развития Лукача в 1910-1940-е гг., невозможно понять, что лежало в основе союза философа и компартии в первые послевоенные годы, почему столь крупный и неортодоксальный мыслитель, оказавший своими работами влияние на экзистенциализм, франкфуртскую школу, другие важнейшие направления философии XX в., теперь, в условиях буржуазно-демократической Венгрии 1945-1946 гг. с ее широким спектром левых идейно-политических течений, вновь сделал выбор в пользу ВКП.

Лукач начал свой путь в философии в первое десятилетие XX в. В критике полуфеодальных экономических устоев и консервативной политической системы Венгрии эпохи дуализма он сходиллся с ведущими мыслителями радикального направления /О. Яси и др./. Но в отличие от большинства из них еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, молодой Лукач не питал больших иллюзий в отношении вестернизации Венгрии как основного пути разрешения социальных противоречий. Проблема отчуждения личности даже в наиболее развитом и благополучном капиталистическом обществе, занявшая впоследствии столь важное место в философском наследии Лу-

кача, затрагивалась им уже в ряде ранних работ. Напряжение как феодально-сословной, так и современной ему буржуазной системы ценностей порождало у Лукача настроения трагической беспочвенности, утраты опоры в реальности. Его сборник эссе "Душа и формы" /1910/, вызвавший большой резонанс и в Германии, насквозь пронизан ощущением ненадежности основ, тоской по "устойчивости, мере и норме"¹⁷, по духовным и нравственным абсолютам, необходимым для целостного постижения мира и его последующего переустройства. Преодолеть хаотичность, бесформенность, неопределенность, царящую в современной действительности /их наиболее адекватным художественным выражением Лукач считал стиль импрессионизма/, способен, считал Лукач, только искусство в его классических образцах. Вслед за своим учителем Зиммелем он утверждал активную, организующую, животворческую роль художественной формы, ее способность, в противовес повседневности и эмпирии, создать собственный, автономный, неравобобщенный мир.

Следующим этапом в духовной эволюции Лукача стали работы "История развития современной драмы" /1911/ и "Теория романа" /1914-1916/. В этих трудах Лукач, по собственному позднему признанию, впервые "пытался уловить сущность литературного явления с помощью ... определения главных линий общественного развития"¹⁸. Анализируя социально-исторические корни возникновения и последующую эволюцию литературных феноменов, Лукач широко использовал неокантианскую методологию М. Вебера, придававшую решающее значение не реальному бытию исследуемых объектов, а исходному углу зрения историка. Но наряду с неокантианством духовный мир молодого философа питали и другие источники. Большой интерес к этической проблематике подвел философа к углубленному изучению предтеч экзистенциализма - Кьеркегора и Достоевского. Их влияние становится особенно сильным с началом мировой войны, когда с предельной остротой встал вопрос о выборе позиции. Лукач решительно выступил против войны, что привело его к разрыву с некоторыми из недавних духовных собратьев. Война вообще

нанесла довольно сильный удар по буржуазно-демократическим идеалам, характерным для большинства прогрессивных интеллигентов Венгрии. Неприглядная роль Англии и Франции заставила поблекнуть образцы, на которые в предшествующие десятилетия неизменно ориентировалась передовая венгерская общественная мысль. Сознание венгерской интеллигенции заметно радикализуется, многие недавние сторонники буржуазно-демократических реформ теперь приходят к мысли о неразрешимости глубинных противоречий эпохи в рамках существующей буржуазной формации. Отсюда лежал путь к новым прочтениям Карла Маркса^х.

Возвратившись в 1916 г. в Будапешт, Лукач группирует вокруг себя молодых радикально настроенных интеллигентов /некоторые из них - социолог К. Маннгейм, эстетик А. Хаузер, теоретик кино Б. Балаж - получили впоследствии всемирную известность/. Участников "Воскресного общества" глубоко заботила судьба европейской культуры, поставленной под угрозу силами, развязавшими войну. Пытаясь найти ответы на вопросы, продиктованные эпохой, Лукач и его новое окружение обращается к современной социал-демократической литературе. Но идеология II Интернационала, делавшая упор на эволюционное, органическое развитие общества, не могла удовлетворить охваченных революционным нетерпением молодых интеллектуалов. В социал-демократических доктринах им виделась недооценка активного, субъективного фактора. Взгляды Лукача в эти годы приобрели ярко выраженный мессианский оттенок. грядущая мировая пролетарская революция понималась им как очистительная сила, способная

^х Лукач воспринимал в эти годы Маркса прежде всего как представителя гегельянской философской традиции. Духовная эволюция венгерского философа от философии жизни к нескантианству к марксизму проходила через глубокое научение философии Гегеля. Гегелевская диалектика с органически присущим ей историзмом в большой мере, исцелила кантианство, отвечала духовным запросам философа, глубоко неудовлетворенного результатами своей эпохи, ищущего способов разрешения ее глобальных противоречий.

смести "греховный" старый мир и установить справедливое общество на земле. В противовес идеологам социал-демократии Лукач переместил акцент именно на субъективную сторону; причем его трактовка субъекта истории носила в целом гегельянский, объективно-идеалистический характер: новое социальное бытие, социалистический миропорядок понималась как своего рода слепок классового сознания пролетариата, революционный процесс — как акт самопознания пролетариатом своей всемирно-исторической миссии, реализация своего духовного потенциала, претворение классовой воли. В статьях 1917-1919 гг. уже представлен был основной комплекс идей, получивших законченное воплощение в знаменитой книге "История и классовое сознание" /1923/^X.

В период Венгерской Советской Республики Лукач вместе с социал-демократом Ж.Кунфи возглавлял наркомат просвещения. Его общая политическая позиция в это время отличалась крайней левизной /во многом проистекавшей из его философских представлений тех лет, из утверждения им примата идеи, сознания над реальностью, общественным бытием/. Ю левая настроенность взглядов Лукача проявлялась, в основном, в его отношении к политическим и экономическим реформам и, как это ни парадоксально, мало касалась его отношения к культуре. "Культурная программа коммунистов делает различие только между хорошей и плохой литературой и не намерена отбросить ни Шекспира, ни Гете только потому, что они не были социалистами... Поддержкой наркомпроса будут пользоваться все бесспорные ценности литературы, кем бы они ни были созданы", — говорил он в одном из выступлений²⁰. В том, что венгерская творческая интеллигенция в значительной своей части приняла проле-

^X Работа Лукача привлекла внимание философов всего мира разработкой в гегельянской традиции категорий отчуждения, тотальности и т.п. впоследствии оказала влияние на франкфуртскую школу. В то же время сразу после публикации она вызвала острую критику со стороны идеологов Коминтерна (19).

тарскую власть, была несомненная заслуга как Лукача, так и Куффи^X.

После 1919 г. Лукач жил в Вене, затем в Берлине, участвовал в работе эмигрантских органов ВКП, затем стал членом германской компартии, в начале 30-х гг. был одним из руководителей германского Союза пролетарских революционных писателей. Переселившись в 1933 г. в СССР, он работал в Институте философии АН СССР, был вступившим автором журналов "Литературный критик" и "Интернациональная литература". В Москве им написаны значительные работы: "Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества" /перв. сов. изд. М., 1987/, "Литературные теории XIX века и марксизм" /М., 1937/, "К истории реализма" /М., 1939/ и др. Преломление в общественной мысли, философии, литературе разных эпох и наций основных противоречий социального развития занимало его при обращении к творчеству Гегеля, Гете, Шекспира, Бальзака, Толстого, Достоевского. При этом многие работы Лукача носили дискуссионный характер. Его теория "высокого" /или "большого"/ реализма, уже после войны, в 1940-е гг. нашедшая отклик во всех странах "народной демократии" и так или иначе повлиявшая на формирование в этих странах концепций культурной политики, возникла еще в 1930-е гг. и именно как реакция на вульгарный социологизм в литературоведении, искусствознании и истории философии, широко распространившийся перед этим не только в СССР, но отчасти и среди западных марксистов.

^X О широте подхода венгерского Наркомпроса к культурному наследию свидетельствует и такой факт. Весной 1919 г. было принято решение о публикации на венгерском языке не только собранной сочинений классиков марксизма, но и важнейших работ ведущих представителей современной немарксистской философии, в том числе Дильтея, Риккерта, Зиммеля, Маха (21). Многие эпитоки современной западной философии впервые получили доступ к преподаванию в вузах, хотя все они в равной мере разделяли идеинные установки коммунистов и даже социал-демократов.

Ю сложившись прежде всего в спорах со сторонниками вульгарно-социологического метода, рассматривавшими художественное творчество только как специфическое проявление классового сознания и не принимавшими во внимание образно-познавательной природы искусства, эта теория одновременно была обращена и против пролетарского авангарда, теории и практики которого также отрицали гносеологическую функцию искусства, в противовес художественному познанию ставили своей задачей художественное "конструирование" действительности, создание новой реальности в соответствии с определенными эстетическими принципами^х. В чем же заключалась теория "высокого реализма"?

Полемизируя еще в веймарской Германии с представителями пролетарского авангарда во главе с Б.Брехтом, Лукач упорно стремился перенести главный акцент в спорах о сущности искусства с субъекта /творца/ на объект эстетической деятельности. Присущей мастерам авангарда гипертрофии субъективно-авторского начала он противопоставил требование предельной объективности в искусстве, сделал основной упор именно на гносеологическом аспекте художественного творчества. И в дальнейшем его эстетическую платформу отличала ярко выраженная гносеологическая заостренность. Понятно в этой связи центральное положение в его концепции такой категории, как "реализм". Нередко она ставилась им в антитезу "антиреализму", к которому Лукач причислял весь широкий спектр течений, не ориентированных на решение первейшей, по его мнению, задачи художественной деятельности — познания объективной действительности во всей сложности ее взаимосвязей. Ю отдавая бесспорное предпочтение реалистическому методу, Лукач вместе с тем настойчи-

^х В формирование теории "высокого реализма" как целостной системы идей наряду с Д.Лукачем внесли немалый вклад его соратники по московскому журналу "Литературный критик", выходившему в 1933—1940 гг., особенно известный философ М.А.Лифшиц. Теория, составившая важный этап в развитии марксистской эстетики, по праву может быть названа теорией "высокого реализма" Лукача — Лифшица.

во предостерегал от упрощенных толкований реализма, сводящих все многообразие заключенных в нем выразительных возможностей к каким-то определенным формам и канонам. Только вульгарная социология, писал он, может утверждать, что реализм — это стиль. На самом деле вопрос о реализме есть вопрос "об отношении искусства к объективной действительности" и критику никогда не должны связывать пристрастие "к какому-либо определенному стилю или же неприятие его... Стилевое ограничение невозможно: как индивидуальный стиль, так и стиль эпохи возникают как результат сложного взаимодействия развития общества в конкретный период и конкретных художественных индивидуальностей... Никто не может и не должен сегодня писать так, как писали Шекспир или Бальзак"²².

Но решительно не принимая нормативной эстетики, стремящейся навязать художнику определенную систему канонов, Лукач в то же время указывал, что художник-реалист, выбирая эстетические средства, не может не испытывать на себе давления действительности. Выбор стиля — это отнюдь не проявление творческого произвола, он во многом предопределен предметом художественного изображения, познаваемой объективной реальностью. Каждая эпоха, по мнению Лукача, сама ограничивает круг выразительных средств, необходимых и достаточных для своего глубокого и адекватного познания. Так, применение символики может быть мотивировано только в определенных исторических условиях. Такие условия имелись, в частности, в Германии конца XVIII — первой половины XIX в., когда буржуазия переживала период своего восхождения при некотором видимом затихении классовой борьбы, и социальная действительность, представлявшая лишь в едва обозначившихся тенденциях, а не в непосредственно проявлении этих основных противоречий /как во Франции того же времени/, не давала художнику материала для создания полнокровной картины эпохи в формах самой жизни. Состояние немецкого общества в ту эпоху с наибольшей художественной полнотой могло быть схвачено и выражено в субъективно-лической рефлексии либо посредством

символики, в условных формах, не претендующих на воспроизведение конкретных явлений. Но способных осознать ход глубинных, подспудно происходящих в обществе процессов, представляющих на поверхности в виде неотчетливых знаков. Это давало Лукачу основание причислить к наследию "высокого реализма" творчество Гете, Шиллера, Гейне и с известными оговорками даже Гофмана, казалось бы явного романтика. О Гейне Лукач, в частности, писал: "Для образной критики немецких условий Гейне не мог найти на немецкой почве необходимый материал реалистически наглядного изображения. Поэтому... он избрал ... лирико-ироническую, фантастико-ироническую форму. Это не было показателем поэтической слабости, не было и личной причудой Гейне. Он избрал единственно возможную в то время для немецкого поэта форму ... высокого поэтического выражения общественных противоречий"²³.

Обращаясь к истории венгерской литературы, Лукач называл столь же исторически обусловленным символизм революционной лирики Ади в Венгрии кануна первой мировой войны. В то же время применительно к конкретно-исторической обстановке в Европе 1930-1940-х гг. он считал неоправданным широкое применение символики, других условных образительных приемов в литературе и искусстве ввиду того, что основное противоречие этой эпохи /между демократией и фашизмом/ предстало в виде открытого противоборства, доступного художественному освоению в формах своего непосредственного протекания. Этот тезис неизменно порождал споры, вызывал критику со стороны Б.Брехта и других постоянных оппонентов венгерского философа, ставивших Лукачу в вину преувеличение диктата действительности над художником и соответственно принижение роли автора в выборе художественных средств, абсолютизацию /применительно к современной эпохе/ принципа художественного освоения жизни в формах самой жизни. Брехта и его единомышленников больше всего заботил вопрос о свободе авторского выражения, поэтому отрицательное отношение Лукача к чисто формальным у экспериментаторству, самонадеянному применению сим-

волики и других условных приемов вызывало у них настороженность и даже протест. Надо, однако, иметь в виду, что их критика в адрес Лукача чаще всего велась с позиций явной недооценки художественного опыта классики, абсолютизации некоторых приемов новейшего искусства²⁴.

В той степени, в какой это было возможно в условиях СССР 1930-х гг., теория "высокого реализма" сыграла большую роль в реабилитации классического наследия перед лицом пролетарской культуры, после Октября устами идеологов Пролеткульта, РАППа и других организаций высокомерно провозглашавшей свое превосходство над искусством минувших эпох. Не меньшая заслуга этой теории состояла в опровержении распространенного вульгарно-социологического тезиса о прямой детерминированности творческого метода художника его классовым сознанием. Не отрицая взаимозависимости между мировоззрением и творческим методом, Лукач в то же время указывал на подвижную связь между ними. "Объективная высота писательской честности, способности вскрывать и изобразить существенные стороны жизни общества могла соединиться ... с мировоззрением, несущим в себе много реакционных предрассудков. В таких случаях художественная честность писателя приводила к отражению истины в той мере, в какой ... противоречия в мировоззрении писателя отражали существеннейшие противоречия объективной действительности". В конечном итоге это зависело, по мнению Лукача, от того, насколько велик размах общественно-го движения, к которому тяготеет данный художник, "насколько глубоки и значительны видываемые этим движением проблемы"²⁵. Л. Н. Толстой объективно разделял социальные иллюзии мощных крестьянских движений пореформенной России. Т. Манн, выделяемый Лукачем в мировой литературе XX в., связывался им с массовым европейским антифашистским движением, объединившим людей разных убеждений. Лукач признавал, что значительные явления мировой литературы иногда порождались и массовыми общественными движениями реакционной направленности (Р. Клодиг — творец британского колониализма). И все же это, скорее, исключение, чем

правило. Движение, не имеющее социальной перспективы, обреченное по большому счету на крах, неизбежно сужает горизонты художественного видения мира, заставляет приверженных ему талантливых художников либо впасть в утопию, создавать новые мифы, либо замыкаться на круге будничных, "растительных", не имеющих большого исторического содержания проблем.

В этой связи характерна оценка Лукачем всей культуры "позднего капитализма" /в его терминологии/. Общественная ситуация, сложившаяся во многих странах Европы после поражения революций 1848-1849 гг., объективно обрекала даже наиболее талантливых писателей на бедность художественного мира в сравнении с Бальзаком, который, хотя и не разделял прогрессивных идей своей эпохи, но в силу открытости жизни, верности правде /всегда понимаемой Лукачем не в поверхностно-натуралистическом, а в предельно-обобщенном смысле/ сумел перешагнуть через личные пристрастия и создать на материале современной ему Франции образцы подлинно "высокого" критического реализма, где "нет явлений, не включенных в общую связь; каждое явление ... переплетается многообразно и сложно с другими; личное и общественное, телесное и духовное, частное и общее соединяются на основе конкретных и богатых возможностей, заключенных в каждом реальном явлении"²⁶. После 1848 г. буржуазные движения в Западной Европе утратили свою прогрессивность, свой демократический потенциал, полагал Лукач, но пришедшие им на смену социалистические движения также отнюдь не сразу завоевали массовую базу, повели за собой миллионы людей. "Из буржуазного мира исчез героизм, исчезли подлинная инициативность и независимость. Настоящие писатели, изображающие это общество хотя бы и в оппозиционном духе, замечали перед собой только банальность окружающей жизни. Таким образом, сама действительность... обрекала их на художественную и идейную ... узость. Если из благородного стремления к большим идеям они пытались подняться над этой действительностью, то не находили опоры в реальных

образцах... Вследствие этого их стремление к величию не могло увенчаться успехом, становилось бессодержательным, абстрактно-утопическим или романтическим в дурном смысле слова²⁷. Эта тенденция, по мнению Лукача, сказалась на творчестве Г.Флобера, Э.Золя, Г.Мопассана, О.Уайлде, других крупнейших западных писателей второй половины XIX в. Проявилась она и у ведущих венгерских писателей того времени /К.Миксатя и др./ . Только лучшие писатели России и Скандинавских стран, где пока еще продолжалось развитие капитализма по восходящей, несли на прежней высоте знамя "высокого реализма".

В XX в., как считал Лукач, кризис литературы продолжал углубляться вслед за кризисом буржуазного общества, и это нашло выражение, в частности, в проявлениях иррационализма в художественном мышлении. Именно в силе иррационалистических философских течений, происходивший в буржуазном обществе процесс "развенчания ^{разума} порождения, по мнению философа, ту духовную атмосферу, на почве которой, прикрываясь поначалу лозунгами романтического антикапитализма, прорастали семена реакционной, а в конечном итоге фашистской, идеологии. Печать иррационализма, подчеркивал Лукач, отмечено так или иначе творчество многих крупных мастеров романа XX в. - М.Пруста, Ф.Кафки, Дж.Джойса. Отход художников, оторванных от прогрессивных движений своей эпохи, от рационального познания действительности, Лукач считал закономерным явлением, своего рода реакцией "позднего буржуазного" сознания на невозможность объяснить противоречия социальной действительности, найти пути преодоления общественного кризиса, не выходя за рамки буржуазного строя. Осознание перспективы общественного развития может быть достигнуто, по мнению Лукача, только при условии сближения с антифашистским, демократическим левым лагерем и его авангардом - рабочим движением. "Не удивительно, что наиболее прогрессивные писатели позднего капитализма, которые всегерь восприняли кризис культуры, все, начиная от Э.Золя и А.Франса и кончая Р.Ролланом и Р.Мартен-ду-Гаром, только на путях большого

или меньшего приближения к идеологии рабочего движения смогли увидеть новую перспективу, возможности разрешения противоречия нашей культуры"²⁸, - писал Лукач в 30-х гг., когда многие отнюдь не всегда симпатизировавшие Сталину деятели европейской культуры действительно видели в международном коммунизме и СССР потенциальный противовес фашизму, главной в то время опасности для человечества.

Кризис в развитии мировой литературы с конца XIX в. проявился, с точки зрения Лукача, и в разрушении классической эпопеи, жанра, как он считал, наилучшим образом способного отобразить действительность во всей ее целостности, максимальной полноте взаимосвязей. Эта сторона концепции Лукача была одной из наиболее уязвимых. Его главный оппонент Б.Брехт обоснованно считал неприемлемой предлагаемую Лукачем жанровую иерархию. Как писал Брехт, в XX в., в условиях заметного ускорения социальных процессов и усложнения отношений в обществе по сравнению с предыдущими столетиями, художник уже не может "втиснуть" действительность в рамки прежних классических эпопей, подобных тем, что создавали Бальзак и Толстой; требуются и поиски новых жанровых форм, и расширение границ художественной условности, и применение не характерных для традиционного реализма выразительных средств /"потока сознания" и т.д./²⁹. В конце 40-х - начале 50-х гг. идея Лукача о превосходстве крупных эпических форм над прочими в толковании его эпигонов обернулась канонизацией композиционных и стилевых принципов, присущих реализму в литературе XIX в.

Несомненно, что теория "высокого реализма" Лукача-Диффица, в целостном виде сформировавшаяся в СССР 30-х гг., несла на себе отпечаток и времени, и места своего создания. Безусловно, Д.Лукач целиком и полностью разделял точку зрения всех коммунистов /да и многих других своих современников/ о глубочайшем кризисе капитализма, свидетельствами которому представлялись "великая депрессия" 1929-1933 гг. и, в особенности, наступление фашизма. Выход из этого тотального кризиса Лукач однозначно свя-

звучал с социалистической перспективой. Став убежденным проводником идеи антифашистского народного фронта, он видел в нем все же только шаг на пути к созданию бесклассового общества по марксовской концепции. Его последовательная приверженность марксизму с начала 20-х гг. вызвала нередко недоумение и в самой Венгрии, и на Западе. Соотечественник философа Ф.Фейтш писал в 50-е гг. следующее: после критики, которую вызвала со стороны идеологов Коминтерна книга "История и классовое сознание", "Лукач непрестанно стремился засвидетельствовать свою безусловную ортодоксальность, выкорчевывая из своих трудов и мыслей все, что могло не понравиться его бдительным цензорам... Увы, стремление уничтожить в себе все оригинальное и самобытное наложило заметный отпечаток на его творчество. Интеллигент, воспитанный на немецкой философии, обладавший изысканным и утонченным умом, Лукач был прежде всего крупнейшим диалектиком. Чтобы угодить своим хозяевам, он отрекся от своих прошлых произведений и поставил всю свою эрудицию, все свое глубокое знание классической ... литературы на службу эстетике "социалистического реализма", сознавая при этом, насколько ограничен и неясен ее характер... Хотя в некоторых его работах еще встречались проблески интеллектуальной честности, ... последующие работы Лукача, посвященные доказательству того, что он сам считал недоказуемым, свидетельствуют об огромной жертве, принесенной этим блестящим, великим даже в своих заблуждениях умом на алтарь верности той весьма извилистой линии, которую наместили ведущие идеологи партии"³⁰.

Лукач действительно связывал будущее человечества с коммунизмом, а в советском строе видел единственную реально существующую общественную систему, не только способную стать противовесом фашистской угрозе, но и обладающую, по его мнению, перспективой роста. Конечно, живя в СССР в 30-е гг., он был свидетелем сталинских репрессий и сам провел несколько месяцев в бериевских застенках в 1941 г., будучи выпущенным в результате ходатайств руководства германской компартии в дни когда Гитлер был уже на подступах

к Москве. Критика сталинизма, его идейных основ и политической практики, сначала - в 40-е гг. - проявлявшаяся в латентной форме, а затем, после XX съезда КПСС, открытая и последовательная, заняла виднейшее место в наследии позднего Лукача. Но даже в последние годы жизни, подводя итоги, он не стыдился своей позиции 30-х гг.^х и считал, что при всем антидемократизме сталинской системы СССР был не только важнейшей антифашистской силой, но и единственным носителем социалистической перспективы, которая лишь одна была, по его мнению, способна вывести цивилизацию из тупика. Хотя в своем понимании социализма Лукач эволюционировал в 40-60-е гг. ко все более демократическим концепциям /его работы вдохновляли и идеологов "пражской весны", и итальянских еврокоммунистов/, веру в возможности социализма как посткапиталистического общества он сохранил до конца своих дней. Продолжало сохраняться и его скептическое отношение к перспективам западной демократии³².

В словах Фейтё вызывает несогласие попытка квалифицировать эстетику Лукача 30-40-х гг. /главная его работа в этой области, "Своеобразие эстетического" была завершена лишь к началу 60-х гг./ как эстетику "социалистического реализма". Непредвзятый анализ наследия Лукача тех десятилетий неминуемо обратит внимание на тот факт, что самой проблеме "социалистического реализма" уделено в его работах крайне мало внимания. В социалистическом реализме он видел ориентир, своего рода идеальную модель большой литературы будущего, способной столь же полнокровно выразить эпоху перехода к социализму в общечеловеческом масштабе,

^х В 30-е гг., писал он, "каждому мыслящему человеку нужно было исходить из тогдашней всемирно-исторической ситуации... Было видно, как пробивается вперед Гитлер, как он готовится к уничтожающей войне... Что бы ни делала в этой ситуации партия..., мы должны были безусловно солидаризироваться с ней в этой схватке, и эту солидарность нам надо было поставить выше всего" (31).

как творчество Гете и Бальзака, Толстого и Достоевского выразило во всех противоречиях эпоху становления буржуазного общества³³. В то же время Лукач никогда не идеализировал советской литературы, выполненной по канонам "социалистического реализма", за что подвергался резкой критике с позиций ортодоксальной сталинской эстетики /в том числе со стороны А.А.Фадеева/³⁴. Правда, в ряде своих работ /как 30-40-х гг., так и более поздних/ венгерский философ предпринял попытку связать с творчеством некоторых писателей XX в. зарождение "высокого реализма" уже новой эпохи. Среди этих писателей были Горький, ранний Шолохов, но не только они. Примечателен интерес венгерского философа к творчеству А.Платонова, для которого во второй половине 30-х гг. журнал Лукача и Лифшица "Литературный критик" был, как известно, практически единственным средством общения с читателями. В 1960-е гг. Лукач очень высоко оценил прозу А.Солженицына, посвятив ей специальную работу, вышедшую на многих языках³⁵. И все же главной задачей своей деятельности в области эстетики он считал не выработку некоей искусственной модели "социалистического реализма" на основе анализа творчества нескольких писателей, а освоение тех пластов классического наследия, на которое должно опираться искусство новой эпохи.

После 1945 г. Лукач в своих общих политических посылах исходил из того, что вторая мировая война, уничтожив фашизм как форму государственности, вместе с тем не устранила тотального кризиса капитализма, порождением которого и был фашизм как идейное и политическое явление. Развернувшиеся по окончании войны по всей Европе поиски новых форм демократии — это "попытка на основе хозяйственных, политических и общественных преобразований найти выход из ... общего кризиса, включающего в себя кризис в идеологии и эстетике"³⁶.

В основе концепции Лукача лежало противопоставление двух типов демократии — "формальной" и "реальной". "Сегодня разворачивается борьба между двумя различными типа-

ми демократии, вокруг вопроса, останется ли демократия только государственной ... и правовой формой или же превратится в действительный жизненный уклад народа"³⁷. Если формальная демократия вопреки всем провозглашенным ею демократическим принципам и свободам все же "исключает из всех сфер ... непосредственное проявление народной воли", поскольку в этом не заинтересован крупный капитал, то реальная демократия - "это не форма господства верхних "двух сот семей", она дает трудящимся возможность создать общество, в котором хотя еще и существует... капиталистическая собственность, но господствующими все же являются... интересы народа"³⁸. Гарантию господства народных интересов Лукач видел в том, чтобы "как можно больше сфер государственной, общественной и культурной жизни превратились в объекты непосредственной инициативы, охранения заинтересованных в них масс"³⁹. Речь таким образом шла о широком использовании непосредственных форм демократии. Наиболее благоприятные условия для формирования демократий нового типа сложились, по мнению Лукача, в странах с развитым движением Сопротивления, особенно в Югославии и Франции, где уже в процессе освободительных войн стали рождаться новые формы власти. Но, придавая первостепенное значение формам управления, созданным в результате революционной самостоятельности масс, Лукач в то же время указывал на необходимость преемствования довоенных демократических /в том числе парламентских/ институтов. Нам "надо выйти за рамки старого типа демократии, и тем не менее его завоевания следует оборонять от нападков реакции"⁴⁰. При этом Лукач осознавал, что создание новых форм демократии лишь в отдаленной перспективе способно привести к социализму. "Ключ настоящего положения, - отмечал он, - следует искать в том, что новая демократическая культура формируется по всей Европе при всем при том, что остается неизменной материальная основа общества, капиталистическая система производства"⁴¹.

^X Может быть, в силу того, что задачи построения социализма Лукач не считал стоящими на повестке дня, понимание социализма в его работах 40-х гг. не конкретизировано. Он

В тесной связи с представлениями Лукача о медленном поступательном движении к социализму через развитие реальной демократии находилась его культурная программа. Лукач не разделял точки зрения видного деятеля своей партии М.Хорвата, который уже весной 1945 г. призывал идеологические органы ВКП добиваться от художников не только "скорейшего овладения" марксистской идеологией, но и подчинения своего творчества задачам насущной политической пропаганды. Много выступая в прессе по вопросам литературы и искусства, Хорват исходил в своей оценке того или иного произведения прежде всего из его политической злободневности. Ясно, что при таком критерии ценности плакату отдавалось предпочтение перед другими формами изобразительного искусства, проза могла быть легко заменена публицистикой, а поэзия должна была уступить свое место стихотворным агиткам. При этом Хорват отнюдь не ограничивался общими фразами, а открыто нападал на тех художников, которые не были склонны подменять свое творчество иллюстрированием партийных постановлений⁴³.

Как реагировал на подобные выступления Лукач? Конечно, членство в компартии с ее железной дисциплиной, централизмом, отсутствием традиций внутрипартийной демократии ставило философа в довольно трудное положение. Сделав выбор в пользу ВКП, он не мог не считаться с уставом и традициями этой партии, так же как и с жесткими законами политической жизни в демократическом обществе /в условиях реальной, а не мнимой многопартийности требование партийного единства не является бессодержательным фантомом, приобретает серьезный смысл - от единства партии во

X /со стр. 79/ говорил лишь о тенденции общественного развития к преодолению капиталистической эксплуатации, делая при этом акцент на синтезе идеи демократии и идеи социализма /попытка более глубоко осмыслить феномен социализма была предпринята Лукачем уже позже, в 60-е гг., в контексте критики сталинизма/ (42).

многим зависит ее успех в политической борьбе, конкурентоспособность/. В работах Лукача 40-х гг. почти нет открытой полемики с Хорватом и его концепцией художественной культуры. Полемика с собратьями по партии неизбежно приобретала скрытый характер, протекала чаще всего не в форме прямой критики, а в форме корректировки, "уточнения" не разделяемых позиций. Так, не отвергая принципа партийности в искусстве, на котором в соответствии с коммунистической традицией настаивал Хорват, Лукач в то же время указывал на недопустимость позиции, согласно которой, во-первых, партийной должна быть вся поэзия и, во-вторых, "только поэт-плакатист может считаться партийным поэтом, а всякое отклонение от партийной линии провозглашается антипартийным"⁴⁴. Партийность "в сущности, означает то, что писатель занимает позицию в защиту культуры и против варварства, в защиту жизни и против болезни и смерти, в защиту восходящего и против умиравшего"⁴⁵. Речь шла, таким образом, об ангажированности художника идее социального прогресса /ведь именно в создании общества более совершенного, чем современный капитализм, и ни в чем ином, заключалась, по Лукачу, стратегическая задача партии/. Платформа Лукача была гораздо более гибкой в сравнении с "железной" линией Хорвата и более эффективной, поскольку давала компартии возможность сплотить на основе признания своего курса не только малочисленных художников-коммунистов, но многих деятелей культуры, выступавших за коренные социальные реформы и, в конечном итоге, принимавших социалистическую перспективу развития Венгрии. Уже в 1945 г. в ряды обескровленной за годы подполья ЭКП потянулись многие интеллигенты, ранее не связанные с этой партией. Среди вступивших в то время писателей - поэт А.Ваш, прозаик Л.Надь.

Отстаивая идею единства демократических сил в культуре, Лукач вступал в полемику не только со своими сектантами настроенными собратьями по партии, но и с определенными платформами в СДП. Среди социал-демократов было сильно преобладание против "народных писателей", причем

истоки противоречий между двумя течениями восходили еще к 30-м гг., когда идеологи СДП участвовали на стороне урбанистов в дискуссиях с "народными писателями", поскольку не могли согласиться с их оценкой роли крестьянства. Резкая и часто несправедливая критика деятельности "народных писателей" в годы хортизма была очень характерна для социал-демократической прессы второй половины 40-х гг. В этих условиях коммунистам даже подчас приходилось выступать в роли защитников "народничества"^Х. Вообще примечательно, что в 40-е гг. коммунисты, вторгаясь в споры между "народными писателями" и урбанистами, в отличие от большинства социал-демократов, неизменно брали сторону последних. Их разногласия с приверженцами "особого венгерского" пути развития были менее существенными, нежели с апологетами западных буржуазно-демократических моделей. Это не означало, конечно, отсутствия со стороны ведущих теоретиков-коммунистов критики в адрес идеологии "народных писателей". Лукач, называя последних "наиболее значительным течением" в межвоенной венгерской литературе, вместе с тем говорил о слабом иммунитете части "народников" против увлечения шовинистическими доктринами, которые в конечном итоге привели нацию к глубокой катастрофе. "Безжалостный разрыв с прошлым, со своими прежними грехами и заблуждениями есть обязательная предпосылка... национального обновления", - писал он, призывая народных писателей к расчету с прошлым, критическому анализу собственных ошибок⁴⁷. Акт покаяния, морального очищения имеет большое значение для духовного оздоровления нации, переболевшей в массе своей шовинистическим угаром, указывал Лукач.

^Х Социал-демократы "всегда считали нас леваками", однако мы не призываем привлекать "народных писателей" к суду как военных преступников только из-за того, что их отдельные выступления в 30-е гг. были созвучны шовинистической демагогии хортистского режима, и "в этом смысле ВКП занимает более правые позиции, чем СДП" - не без язвительности писал Ревая в августе 1945 г. (46).

Продолжая как и в 30-е гг. подчеркивать свою приверженность широко понимаемому реалистическому методу, Лукач не соглашался в то же время с теми критиками-марксистами, которые однозначно связывали нереалистические течения в культуре с политической реакцией. "Кто в каждом художнике реалистического склада непременно видит пылкого приверженца народной демократии, а любое проявление противоположной реализму тенденции считает враждебно направленным", тот искажает ситуацию, писал философ⁴⁸. Вместе с тем в условиях послевоенной Венгрии платформа Лукача продолжала сохранять свою антиавангардистскую полемическую направленность, в этом смысле противостоя эстетической концепции П. Кштуша, занимавшегося вопросами культуры в руководстве СДП. Кштуш считал, что народная демократия в первую очередь должна развивать пролетарскую традицию в культуре. Вопрос о художественном методе имел для него второстепенное значение: творчество классиков "буржуазного" реализма хотя и не отвергалось им с порога, но провозглашалось менее существенной частью культурного наследия, нежели пролетарское "левое искусство". Призывая право на существование реализма в качестве одного из равноправных течений^X, Кштуш все-таки отдавал предпочтение искусству, "создающему новую реальность, разрушающему старые формы и устанавливающему новые законы"⁴⁹.

Наряду с Кштушем на культурную политику СДП сильно влиял крупный поэт, прозаик, живописец и критик Лайош Кашшак (1887-1967), признанный мастер пролетарского авангарда в венгерской художественной культуре. Человек, лично знавший Пикассо и Матисса, с молодых лет впитавший в себя воздух парижской артистической богемы, Кашшак,

^X С реализмом венгерская социал-демократическая эстетика независимо от социальных условий связывала исключительно воспроизведение жизни в формах самой жизни. В этом было ее принципиальное отличие от концепции Лукача, который, как мы пытались показать, понимал реализм более широко.

хотя и считал себя пролетарским художником, имел меньше предубеждений против "буржуазного" наследия в культуре, отнюдь не собирался лишать рабочий класс плодов "буржуазной культуры" и вообще сознательно отмежевывался от пролеткультовской идеологии^х. Его призывы к пролетариату усваивать все ценное в мировой культуре на первый взгляд не противоречили утверждениям Лукача. И все же их позиции резко различались. Кашшак проявлял повышенный интерес к художественной культуре конца XIX - начала XX в. Лукач же, признавая талант за многими художниками, приверженными новейшим направлениям в западном искусстве, по-прежнему воспринимал художественные процессы на Западе прежде всего как проявление кризиса культуры "позднего капитализма", который, по его мнению, выражался в усилении иррационалистических тенденций. Этому искусству он противопоставлял художественную культуру "раннего капитализма", которой посвятил в эти годы немало работ⁵².

^х Интересно, что стоявшая на политической арене "правее" коммунистов СДП была, как правило, не "правее", а "левее" в своих концепциях искусства, если понимать под левизной в искусстве недооценку классического наследия, а не стремление ограничить свободу художника привязыванием его творчества к пропаганде задач, поставленных партией. Кстати, принцип партийности Иштуш вообще отвергал, решительно настаивая в то же время на классовом характере искусства. Партийные разногласия, писал он, никогда не должны заслонять более существенных классовых противоречий (50). Уже в 1945-1946 гг. Иштуш выдвигал на повестку дня лозунг не только пролетарского, но и социалистического искусства. Эта позиция вызвала критику со стороны Лукача, писавшего, что, пока в стране не сложились предпосылки социализма, говорить о социалистической культуре преждевременно (51).

Позиция Лукача нередко вызвала возражения аполитично настроенных сторонников нового искусства, увидевших в его программе попытку ущемления творческих свобод. Выступали против нее и приверженцы авангарда из социал-демократического лагеря⁵³. Но будучи принципиальным противником бессодержательности, самоцельного формотворчества в искусстве, Лукач отнюдь не призывал к подчинению художественного творчества жесткой системе формальных канонов. Так, проза Т.Дери, вобравшая в себя определенный опыт сюрреализма и романа "потока сознания", неизменно получала его высокую оценку. Венгерский философ сразу же оценил как выдающееся явление мировой культуры вышедший в 1947 г. роман Т.Манна "Доктор Фаустус" хотя по формальным характеристикам проза Т.Манна заметно отличается от "высокого реализма" XIX в. Главным критерием художественной ценности для Лукача продолжал оставаться критерий гносеологический, т.е. способность художника выразить в адекватной образной форме основные тенденции эпохи, наиболее глубинные социальные связи. Формальной стороне отводилась роль вторичная.

Сосредоточившись в эти годы прежде всего на пропаганде классического наследия, Лукач вместе с тем активно выступал и как критик, внимательно следящий не только за литературным процессом, но и за положением дел в изобразительном искусстве, театральной жизни⁵⁴. Особенно много строк посвятил он "народным писателям". Среди литераторов этого направления он отдавал предпочтение Д.Ирешу. В то же время философ весьма односторонне и тенденциозно оценивал творчество Л.Бемета, другого выдающегося мастера той же плеяды. Разстроения уладка сил, бесперспективности, проявившиеся не только у Л.Бемета, но и у ряда других видных писателей, Лукач расценивал как противоестественные — ведь социальная действительность после разгрома фашизма, в пору революционного обновления не дает, как он считал, художнику ни малейших оснований для выражения тех чувств, на которые имели право писатели в эпоху безвременья. Как и ранее, Лукач придавал большое значение

"диктату" действительности над художником, делал упор на predeterminedность его творчества объективными социальными условиями, и эта его позиция, как и 15 лет назад в Веймарской Германии, вызвала споры и даже упреки в недооценке права автора на самовыражение/. Все же эстетика Лукача вызвала к себе несомненный интерес даже тех интеллигентов, которые всегда были далеки от марксистской идеологии. С большим уважением как об "учителе демократии" и крупнейшем венгерском философе писал, например, о Лукаче урбанистский журнал "Мадьярок"⁵⁵. Ни платформа М.Хорвата, выступавшего за плакатное искусство, ни платформа социал-демократа П.Кштуша не могли конкурировать с концепцией Лукача в своей способности найти поддержку значительной части творческой интеллигенции. В условиях, когда ВКП уделяла первостепенное внимание укреплению своей социальной базы, в том числе "завоеванию" творческой интеллигенции, платформа Лукача /хотя и не лишенная спорных моментов, но все же отличавшаяся несомненной гибкостью, тонким пониманием специфики искусства/ получала поддержку руководства ВКП, философ пользовался несомненным покровительством главного идеолога партии Й.Реваи. Критически относящийся к творчеству позднего Лукача Ф.Фейтё не мог все же не признать: "Высокое диалектическое искусство, знание различных тенденций западной философии, тем более глубокое, что ему приходилось преодолевать их в самом себе, делали Лукача наиболее подходящей фигурой для роли адвоката *in extremis* ортодоксальной партии, которая еще не потеряла надежду привлечь на свою сторону интеллигентов, вкусивших сладость "декадентской культуры". Не был ли он воплощенным доказательством терпимости по отношению к ряду утонченных умов, доказательством того, что им предоставится возможность сохранить свои международные связи и определенный уровень мышления и творчества, который клеветники режима объявляли уже окончательно утерянными?"⁵⁶.

Ю и другая тенденция в культурной политике ВКП, связанная с именами М.Хорвата и прочих сторонников агитаци-

онного искусства, хотя и отошла в 1945-1947 гг. на второй план, тем не менее давала о себе знать, проявляясь и в деятельности культурных органов партии на местах /где нередко по вине коммунистов нарушалось единство в сотрудничестве левых сил по организации культурной жизни/, и в коммунистической публицистике, литературно-художественной критике. И все же будучи заинтересованной в укреплении своих позиций среди интеллигенции, компартия только в ущерб собственному престижу могла игнорировать интересы тех деятелей культуры, которые отнюдь не были склонны сводить свои творческие задачи к иллюстрированию ее газетных передовиц. "Львия Хорвата" несколько приглушалась, в "Линии Лукача" отдавалось предпочтение. Но сложившийся перевес в пользу более демократической концепции не был устойчивым. Достаточно было сектантским, антидемократическим тенденциям в венгерском коммунистическом движении получить внешний импульс в сложной внутриполитической и международной обстановке конца 40-х гг., как соотношение сил у руля культурной политики КНП могло резко измениться уже в их пользу. Этот поворот не заставил себя долго ждать.

ГЛАВА IV. ОТКРОСЛИ ПРЕЖНУЮ ТАКТИКУ. ВЕНГЕРСКАЯ ПАРТИЯ ТРУДЯЩАХСЯ: ОТ ПРИЗНАНИЯ ИДЕЙНОГО ПЛАРАЛИЗМА К МОНОПОЛИИ ОДНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Развитие событий в 1947 - начале 1948 гг. вывело Венгрию на новый виток революционного процесса. Выборы в Иссобрание в августе 1947 г. принесли успех ВКП и ее союзникам по Левому блоку. Этим выборам предшествовало /и во многом предопределило их результат/ сфабрикованное в коммунистических кругах дело о существовавшей якобы причастности премьер-министра Ф.Индя и ряда других лидеров ИТМСХ к антигосударственному заговору. Все же выборы 1947 г. носили пока еще относительно свободный характер, количество голосов, поданных непосредственно за ВКП /22% - на 5% больше, чем в 1945 г./ отражало степень ее реального политического влияния в стране. Укрепив свои позиции в парламенте и правительстве, коммунисты активизировали деятельность по вытеснению крупного капитала. С национализацией банков, ряда отраслей тяжелой промышленности, а затем /в марте 1948 г./ всех крупных предприятий подрываются экономические позиции буржуазии, резко сужается поле возможностей для выбора буржуазно-парламентарных политических моделей, все более реальной становится попытка прорыва к принципиально новому общественному состоянию, основанному на отрицании частной формы собственности и сопутствующих ей экономических отношений. Весной 1948 г. развернулась острая политическая борьба внутри СДП, где шел спор между правым крылом этой партии, ориентировавшимся на идеологию западной социал-демократии, и ее левым крылом, сблизившимся с коммунистами в отрицании прогрессивных потенций современной западной цивилизации. Эта борьба завершилась победой левого крыла, выразившего готовность к объединению с коммунистами в единой партии. Объединительный съезд /июнь 1948 г./ образовал Венгерскую партию трудящихся, сразу ставшую главной политической силой страны, и про-

возгласил курс на строительство основ социализма. К этому времени окончательно снимается антитеза "западная буржуазная демократия или социализм", на первый план выходит иной выбор: что понимать под социализмом и какие пути продвижения к нему предпочесть?

Решения Объединительного съезда еще не свидетельствовали о прямом отказе от прежней стратегии. Проблема обобществления земельной собственности ставилась в зависимости от успехов материально-технического обеспечения деревни, от степени решения продовольственной проблемы. Предполагалось, что перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы будет носить нефорсированный характер. В основе политической платформы ВЛТ лежали принципы народного фронта, который, как постоянно отмечалось на съезде, и в условиях социалистического строительства может быть использован в целях завоевания широких масс на сторону новой власти¹. Сектантская тенденция, однако, в эти месяцы проявлялась уже явственнее, чем в 1946—1947 гг. На съезде она дала о себе знать и в выступлении Ракоши, сделавшего упор на засилии "контрреволюционного" подполья в стране, необходимости укрепления чрезвычайных органов.

После съезда единой партии пролетариата предстояло наполнить социалистический выбор реальным содержанием, и это предполагало детальную разработку концепции строительства социализма в специфических венгерских условиях. Естественно, что вопрос о путях и формах перерастания демократической революции в социалистическую в 1946—1948 гг. привлекал внимание не только ВКП, но и компартий других государств региона. Выработка программы продвижения к социализму требовала от коммунистов огромных теоретических усилий, которые явно не поспевали за ходом политической борьбы. Творческой разработке концепций социалистического развития восточноевропейских стран во благоприятствовало и все большее услаждение советского двора.

Фактор советского двора влиял на политическую во-

туации в странах восточной Европы, начиная с последнего этапа войны, не оставаясь в то же время неизменным на протяжении первых послевоенных лет. Степень его воздействия была обусловлена как международной обстановкой, состоянием отношений между СССР и западными странами, так и раскладом политических сил внутри каждой из стран. В 1945-1947 гг., когда выбор дальнейших путей развития в большинстве из стран региона еще не состоялся окончательно в пользу социалистической ориентации и когда за буржуазной альтернативой еще стояли мощные внутренние силы, Сталин неуставно афишировал себя сторонником многовариантности перехода к социализму^х. В дальнейшем, когда вероятность капиталистической альтернативы в странах Восточной Европы заметно снижается, меняется и фразеология. Хотя дежурные фразы о "национальных особенностях" продолжали оставаться общим местом в заявлениях советской стороны, конкретное содержание специфики отдельных стран, как правило, не раскрывалось, в то же время основной акцент стал делаться на общем в социалистическом строительстве, необходимости заимствования советского опыта⁴. Об усилении гегемонистских тенденций в политике сталинского руководства особенно явно свидетельствовало Совещание представителей ряда коммунистических партий Европы в Польше /сент. 1947 г./. Вследствие советского диктата на совещании были приняты резолюции, подвергшие, в частнос-

^х "у нас нет и не может быть таких целей ..., как навязывание своей воли и своего режима... народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе ... и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят", - утверждал он в Потсдаме весной 1945 г. (2). Можно вспомнить также его интервью английской газете "Дейли гералд" в августе 1946 г. о возможности двух путей к социализму - "русского" /более короткого, но и более кровавого/, и "английского", более длительного (3).

ти, необъективным падением европейскую социал-демократию.

На принятие этих резолюций, несомненно, повлияла атмосфера начавшейся в 1946 г. "холодной войны". Головоломных причин ухудшения отношений между недавними союзниками по антифашистской коалиции, было бы, конечно, неправомерно сводить все только к "злой воле" Сталина. За позицией каждой из сторон стояли свои политические интересы, отраженные в соответствующих доктринах. Советское правительство после второй мировой войны заботилась о безопасности западных рубежей СССР. Согласно сталинской внешнеполитической доктрине существование в странах Восточной Европы буржуазно-демократических режимов, стремящихся к добрососедским отношениям с Советским Союзом и склонных учитывать в своей внешней политике государственные интересы СССР, было недостаточным гарантом безопасности. Идеальное решение вопроса виделось в установлении в этих странах режимов советского типа, находящихся в вассальном подчинении СССР и способных во имя действительных или мнимых интересов СССР пренебречь интересами собственных народов^X. Западные политики, не ритающие ад-

^X Вмешательство СССР в венгерские события 1956 г. и чехословацкие события 1968 г. свидетельствовали о том, что эта внешнеполитическая доктрина оставалась востребованной и в постсталинскую эру. Первым симптомом отклика от нее стала спокойная реакция горбачевского руководства на кардинальные внутрополитические изменения в странах Восточной Европы на рубеже 80-90-х гг. Та взаимосвязь советской внешнеполитической доктрины 40-80-х гг. даже с точки зрения интересов СССР указывали еще в 40-е гг. Некоторые наблюдатели не только на Западе, но и на Востоке Европы. Крупный венгерский политолог И. Ельбо писал в 1946 г.: "Правительство, не стремящееся во всем перенять советскую модель и в то же время опирающееся на полную поддержку населения самой страны, в большей мере отвлечено от интересов СССР, нежели то правительство, которое стремится во всем копировать советскую систему, не пользуясь той же внутренней поддержкой, и вызывает тем самым постоянную озабоченность СССР, требуя неизменного вмешательства советских войск" (5). Гасчети Ельбо не блистательные советских лидеров не обманулись бы тогда, что десятилетия спустя позже, когда тот же Ельбо деликатно критиковал в ряде вы-

любий в отношении сталинского режима /например, У.Черчилль, в марте 1946 г. выступивший со своей знаменитой дултонской речью/, в свою очередь, считали необходимым не допустить "сталинизации" Восточной Европы, видели в этом угрозу судьбам буржуазной демократии и на западе континента^х. Несомпроисность обеих сторон в претворении собственных внешнеполитических доктрин приводила к усилению конфронтации, причем в орбиту конфликта наряду с большими державами вовлекались на той или иной стороне и малые страны – будущие участницы двух противостоящих блоков – НАТО и Варшавского договора.

В обстановке резкой конфронтации любые попытки самостоятельного решения принципиальных вопросов национального развития в странах "народной демократии" наталкивались на все более жесткий прессинг со стороны советского руководства, все меньше ^{оставалось} возможностей для независимого выбора путей продвижения к социализму. Сталинскую нетерпимость к инакомыслию в едином союзе, стремление беспощадно подавить любые центробежные тенденции внутри единого лагеря особенно наглядно продемонстрировал советско-югославский конфликт 1948 г., преподавший странам "народной демократии" своего рода "урок послушания", показав, чем может для них обернуться даже самое элементарное, как в случае с Югославией, неподчинение сиюминутным сталинским требованиям, не говоря уже о принципиальных отклонениях от предписанных Сталиным моделей развития. Обеспокоенные руководители восточно-европейских компартий

ционном правительстве А.Надя/ повторил примерно те же слова в своем знаменитом меморандуме мировой общественности, сделанном от имени законного венгерского правительства сразу после советской оккупации 4 ноября 1956 г.

(6). х Именно в атмосфере страха перед возможной экспансией сталинского тоталитаризма на Запад в 1947 г. родился знаменитый роман Дж.Оруэлла "1984", одна из первых в мировой общественной мысли попыток исследовать механизмы тоталитаризма.

уже летом 1948 г. предпринимают попытки пересмотреть свои прежние концепции перехода к социализму в целях максимального приближения собственных программ к доктринам ВКП /б/. Ракоши уже в августе 1948 г. выступил с вынужденной самокритикой. По его словам, в Венгрии проявились в начальном форме те же тенденции, что "пышным цветом" расцвели в Югославия — речь шла о "сильных иллюзиях" относительно быстрого затухания классовой борьбы и мирного вращивания буржуазных слоев в социализм⁷. Хотя к моменту разрыва у югославского руководства не было принципиальных идейных разногласий с советским, Ракоши, в целях отвести от себя угрозу аналогичных действий со стороны СССР, идет вслед за Сталиным на фальсифицирование истинных позиций югославских лидеров летом 1948 г.

Несмотря на усилившийся советский диктат и продолжающееся пристегивание Венгрии к внешнеполитическим акциям СССР против Югославии, осенью 1948 г. в определенных кругах ВПТ еще наблюдалось известное стремление, пойдя на частичные компромиссы, в то же время в целом сохранить стратегию народного фронта⁸. Но идеи медленной, по возможности безболезненной эволюции к социализму не получили все же закрепления и развития, поскольку уже не соответствовали новым, унификационным устремлениям Сталина и его окружения, их планам утвердить в Венгрии родственный тоталитарный режим, находящийся в полном подчинении СССР. Не желая давать лучший повод для нападок со стороны восточного соседа, обвинений в ревизионизме и уклонизме, Политбюро Центрального Руководства ВПТ в декабре 1948 г. подвергло критике позицию Ревая, писавшего о том, что у Венгрии "нет необходимости перенимать все характерные черты диктатуры пролетариата"/в ее советском, сталинском варианте/. Э.Герё в этих словах увидел не что иное, как "пересмотр сути ленинизма"⁹. В выступлениях Ракоши и других лидеров ВПТ зимой 1949 г. прозвучал впервые сформулированный Г.Димитровым в Болгарии тезис о народной демократии как особой форме диктатуры пролетариата¹⁰. Но советская и народно-демократическая форма не считалась

равноправными. В выступлениях лидеров ВПГ отмечалось, что в Венгрии существует лишь "неполная", "частичная", "не последовательно социалистическая" пролетарская диктатура, и причем именно на том основании, что она сохраняет "родимые пятна" буржуазной демократии — многопартийность, элементы парламентаризма и т.д.¹¹ Отсюда был сделан естественный вывод: "наше государство по своей организации должно приблизиться к диктатуре пролетариата советского типа" как к классическому образцу "пролетарской власти".¹² Подобный призыв открывал дорогу механическому копированию советского опыта, ориентировал на свертывание форм власти, сложившихся в процессе демократической революции 1945–1947 гг. Как отмечал в марте 1949 г. пленум ЦР ВПГ, "народный фронт ... на сегодняшнем этапе неизбежен, ^{но} это лишь ступенька, ведущая от многопартийной системы буржуазной демократии к однопартийной системе диктатуры пролетариата".¹³ Ревал в обстановке давления быстро отстудает от прежней позиции, отныне его голос все больше сливается с общим хором. Именно устами Ревал провозглашается принципиальная мысль о том, что крестьянские и другие партии могут быть использованы в качестве пристанища врага и потому "не столько связывают нас с союзническими классами и слоями, сколько разделяют нас"¹⁴. Весь прежний курс народного фронта с середины 30-х по 1948 г. Ревал с исключительной откровенностью охарактеризовал теперь не как стратегическую необходимость в целях установления подлинного народовластия, а как "исторический обходной путь", на который коммунистов в свое время вынудил фашизм, и который теперь, выполнив свою миссию, потерял актуальность.¹⁵ "Наша ошибка, — отмечал также Ревал, — заключалась в том, что мы делали основной упор на различиях между развитием Советского Союза и стран на родной демократии, а не на сходстве".¹⁷ Акцентируя теперь гораздо большее внимание на сходстве, мартовский пленум

¹¹ За полгода до этого тот же Ревал квалифицировал как "сакральность" и "ультрарадикализм" позицию, когда стремятся ликвидировать политические партии, не дожидаясь стирания классовых различий (15).

закономерно поставил вопрос о необходимости укрепления репрессивного аппарата. В эти же месяцы, увенчав стремительное сползание руководства ВПТ к сталинской концепции социализма в ее чистом, неприкрашенном виде, в партийных документах получил распространение тезис об обязательном обострении классовой борьбы по мере продвижения к социалистическому обществу.

Существенные изменения вносятся и в концепцию экономической политики партии, в том числе ее аграрную часть. Отвергаются прежние планы постепенного перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы с использованием разных форм кооперации. Главной целью, которой "должны быть подчинены ... все прочие вопросы, в том числе и организация производства", провозглашается теперь "содействие ликвидации кулаков, ограничение их экономического и политического влияния"¹⁸. Учитывая, что сам термин "кулачество" понимался весьма расширительно, новый курс неминуемо должен был затронуть и широкие слои среднего крестьянства.

Претерпевает изменения программа действий в сфере промышленности. К началу 50-х гг. индустриальная политика приобретает все более волюнтаристский характер. Первый пятилетний план /1950-1954/ уже в первоначальной своей редакции отличался чрезмерно завышенными показателями в тяжелой промышленности, а в 1951 году эти показатели были скорректированы в сторону еще более резкого завышения. Теперь к концу пятилетки предполагалось увеличить объем промышленного производства не на 86%, как было запланировано ранее, а на 210% (по тяжелым отраслям на 280% вместо 104%)¹⁹. Планы превращения Венгрии в страну "железа и стали" в течение одной пятилетки, основанные на неадекватной оценке объективных возможностей, могли быть реализованы только в ущерб производству предметов потребления. Запланированные реформы неминуемо должны были повлечь за собой крайне болезненную ломку экономической структуры, обострить социальные противоречия, увеличить товарный дефицит.

Говоря о предпосылках разрыва со стратегией народного фронта, было бы, конечно же, неправомерно сводить все только к советскому давлению. На поворот к сектантству работал целый ряд факторов — как объективных, так и субъективных. Известно, что в конце 40-х гг. произошло резкое ухудшение международной обстановки, выразившееся в создании НАТО, развязывании локальных военных конфликтов (Корея, Вьетнам). Сталинское руководство, взяв на вооружение доктрину "осажденной крепости", не только не предпринимало конструктивных шагов к снятию напряженности, но напротив, искусственно драматизировало обстановку, прибегая к развязыванию шумных пропагандистских кампаний антизападной, а затем и антиюгославской направленности. Раскол антигитлеровской коалиции требовал от малых стран Европы ускоренного выбора внешнеполитических ориентаций. Геополитическое положение Венгрии на востоке Центральной Европы, в непосредственном соседстве с СССР, присутствие советских войск на венгерской территории резко подрывали шансы тех венгерских политиков, которые мечтали видеть свою страну составной частью западного мира. К тому же с отказом Венгрии и других восточно-Европейских стран участвовать в "плане Маршалла" США и другие западные державы лишали их сколько-нибудь значительной материальной помощи. Отныне в осуществлении своих экономических планов они могли рассчитывать только на помощь друг друга, Советского Союза и на свои собственные силы.

Возникает закономерный вопрос: в какой мере накалившаяся международная обстановка требовала от стран Восточной Европы повышения своей обороноспособности (что выдвигало в свою очередь на повестку дня проблему создания индустриальной базы в странах, ^{но в основном} не обладавших, с консолидацией политической власти)? Даже если принять большую долю ответственности сталинского окружения за нарастание международной напряженности, образованное в 1949 г. НАТО бросало СССР и его сателлитам вызов. Задача повышения обороноспособности региона имела под собой, таким образом, действительно, а не только внешне, основания (хотя масшта-

табы военной угрозы раздувались/Х. Именно в этой обстановке нашли для себя питательную почву планы форсированной индустриализации. Но ускорение экономического развития неизбежно стимулирует централизаторские тенденции в управлении, часто делает предпочтительными административные методы руководства, позволяющие быстрее мобилизовать ресурсы, концентрировать их на ключевых направлениях²⁰. Кроме того, любое сильное ускорение экономического роста, связанное также с резкими изменениями сложившейся структуры, ведет к нарушению естественного развития, вызывает в обществе перегрузки, сопровождаемые ухудшением уровня жизни, усилением социальных противоречий, ростом антиреформистских настроений, поляризацией политических сил. По мере нарастания в обществе сопротивления реформам их инициаторам объективно становится все труднее удержать ход развития в прежнем, демократическом русле, для преодоления сопротивления оказываются более действенными авторитарные методы. Превращение их в систему таит в себе угрозу демократии, особенно явную для стран со слабыми демократическими традициями, невысокой политической культурой.

Говоря о предпосылках утверждения тоталитарной политической системы непосредственно в Венгрии, надо принять

Х Начиная с осени 1949 г. в Венгрии резко усилилась военная истерия. Повсеместно создавались курсы военной подготовки. Возрастали военные расходы, ложившиеся тяжелым бременем на трудящихся. Но каковы бы ни были реальные масштабы военной опасности для Венгрии, главный источник этой опасности назывался абсолютно мифический — титовская Югославия. Хотя Югославия и отказалась вступить в НАТО, на венгро-югославской границе в 1949—1953 гг. существовала огромная напряженность. На подготовку общественного сознания к идее возможного столкновения с Югославией активно работала пресса. Искусственное создание механизма перманентной военной угрозы было использовано Ракоши и его окружением для нагнетания в стране атмосферы чрезвычайщины, необходимой для установления господства репрессивного аппарата.

во внимание и ряд объективных внутренних факторов. Среди них относительно высокая культурность управленческого персонала, рекрутированного на место старого чиновничества^х, способность его в силу этого лишь к сугубо исполнительским функциям; большой приток в ВПТ малограмотных, не имеющих должного политического опыта, но охваченных революционным нетерпением элементов, способных послужить объектом манипуляции со стороны захватившей власть верхушки; засилье сектантских настроений среди коммунистов старого призыва, занимавших многие ответственные посты в правящей партии и государстве. С началом в 1949–1950 гг. форсированной индустриализации в венгерские города большим потоком хлынуло сельское население. В лице пролетариата первого поколения образовался значительный маргинальный слой, уже оторванный от во многом еще патриархального крестьянского быта и порожденной им системы ценностей, но не успевший еще воспринять ценности высокой городской культуры. Этот слой составил благоприятную почву для проявлений нигилизма по отношению к демократическим институтам, культурному наследию и т. д.

Но при всем вышесказанном о предпосылках утверждения сталинизма в Венгрии необходимо подчеркнуть: существование объективных факторов, благоприятствовавших усилению антидемократических тенденций в венгерском обществе, не снимает личной ответственности с лидеров ВПТ и самого Ракоши, стремившегося сосредоточить в своих руках необъятную власть над обществом. Объективные факторы не обусловили неизбежность складывания сталинской модели в ее столь же жесткой, как и в Советском Союзе, форме, а лишь подготовили в высшей степени благоприятную атмосферу для оживления антидемократической тенденции, хотя и приглушенной, но отнюдь не изжитой в среде коммунистов за годы доминирования концепции народного фронта. В ва-

^х В 1949 г. 67% директоров предприятий составляли бывшие рабочие (21).

пряженной внутривполитической и международной обстановке сектантским силам в Венгрии удалось взять реванш за отступление в период антифашистской борьбы.

Таким образом, к рубежу 1940–1950-х гг. идеи постепенного продвижения к социализму отвергаются, им на смену приходит концепция форсированного построения нового общества. Роль главного механизма, инструмента в осуществлении преобразований отводилась сильному, централизованному государству. Интересы его укрепления приобрели самоцельный, самодовлеющий характер. Живой человек с его интересами, потребностями, запросами приносился в жертву гигантской государственной машине, формально провозгласившей себя носительницей рабоче-крестьянской власти.

Экономическую систему, установившуюся к началу 1950-х гг., характеризовала жесткий централизм, подавление инициативы снизу, господство директивных методов управления. Полный отказ от демократических начал произошел и в политической сфере. Была парализована деятельность Народного фронта, к 1951 г. свертывается работа обеих крестьянских партий, многих общественных организаций²². Что же касается малочисленных сохранившихся обществ, то они отныне не выражали специфических интересов тех или иных социальных групп, а служили лишь "приводными ремнями" для манипулирования этими группами правящей верхушкой. Пресса тоже перестает выступать в качестве рупора определенных, в том числе узкогрупповых, интересов, превращается в инструмент пропагандистского механизма правящей партии. Количество периферийных газет примерно за два года сократилось со 134 до 20²³, были закрыты и многие столичные издания. Ясно, что в результате этой меры многие категории населения, объединенные по профессиональному, возрастному и любому другому принципу, были лишены прежних возможностей выразить собственное мнение через прессу своих общественных организаций. Но негативные последствия массового закрытия периодических изданий не сводились только лишь к ущемлению одной из первых демократичес-

ких свобод. Органы управления лишались важного канала получения необходимой информации об обществе, который едва ли могла бы заменить непомерно разросшаяся и широко разветвленная сеть тайной полиции. Это сказывалось на процессах управления — аппарату часто приходилось действовать "вслепую", из-за недостатка информации принимать много необоснованных, волюнтаристских решений.

Ведущая роль в политической системе принадлежала правящей партии. Происходил процесс сращения государственного и партийного аппарата, формирования нового управленческого слоя. Нередко одно и то же лицо занимало ответственные посты и в Совете министров, и в секретариате ЦР ВПТ. Так, Г.Резая единолично курировал всю духовную сферу общества и как секретарь ЦР по идеологии и как министр, ведавший системой пропаганды и внешкольным просвещением. По мере вытеснения из политической жизни различных общественных организаций все их функции передавались бюрократическому аппарату, который непомерно раздувался. В 1949—1954 гг. его численность возросла на 164% и достигла 280 тыс. человек /на 9,5 млн населения тогдашней Венгрии²⁴/. Иногда единственным основанием для создания в Венгрии того или иного министерства было существование аналогичного в Советском Союзе — так был создан в 1952 г. венгерский Мянвуз, ведавший менее, чем половиной всех венгерских высших учебных заведений и через год, в силу абсурдности своего существования, упраздненный.

Политику ВПТ в идеологической сфере отличали острая нетерпимость к идейным оппонентам /к которым могли быть причислены не только приверженцы немарксистских течений общественной мысли, но и те марксисты, чьи взгляды, подобно взглядам Д.Лугача, не соответствовали официальной интерпретации марксизма, носившей все более вульгаризаторский характер/, фактическое приравнивание идеологического инакомыслия к подрывной политической деятельности.

Наконец, характерной чертой системы, сложившейся в Венгрии к рубежу 40—50-х гг., явился выход карательных органов из-под общественного контроля, подчинение их

непосредственно партийной верхушке – Ракоши и его ближайшим фаворитам – Герё и Фаркашу. Постановление ЦР ВПТ "О задачах кадровой политики" /1951/ ориентировало на поиски и обезвреживание врага как на главную задачу внутренней политики партии^X. По некоторым данным примерно за три года в стране было арестовано 387 тыс. человек²⁷, примерно каждый двадцать пятый. Среди подвергнутых репрессиям оказались видные деятели рабочего движения Л.Райк, генерал Д.Палфи /оба казнены/, а также А.Сакашич, П.Кштуш, Д.Каллаи, Я.Кадар. Особенно важным политическим событием стал фальсифицированный судебный процесс над Ласло Райком и рядом других видных коммунистов /сент. 1949 г./., очень напоминавший по своему сценарию большие московские процессы 1936–1938 гг. Поскольку Райк обвинялся в подрывной "контрреволюционной" деятельности в пользу Югославии, это дело /в полном соответствии с задуманным/ дало толчок еще большему разгиганию антиюгославской кампании, переходу ее как бы на новый виток, когда Югославия провозглашалась страной, находящейся во власти уже не ревизионистов, а "шпионов и убийц"^{XX}.

^X Эта задача в полной мере распространялась и на сферу культуры. Ракоши в мае 1949 г. заявил: "Мы далеко отстали от СССР в области культуры. Наше отставание привело к тому, что на культурном фронте враг может чувствовать себя спокойно. В нашей культурной жизни зияют щели, очень удобные для вылазок старой реакции и западного империализма" (25). Большой отсев рабоче-крестьянских детей из школ объяснялся, например, не материальными затруднениями в семьях, нехваткой общежитий, другими объективными причинами, а прежде всего подрывной деятельностью врага, который, "потерпев поражение" на политическом и экономическом "фронте", сосредоточил теперь все усилия в образовательной сфере, где умственно стремится к перегрузке учебного материала. Соответственно и главной задачей называлась борьба с вредительством (26).

^{XX} Процессу Райка предшествовал другой концепционный процесс, так же вызвавший большой международный отклик. Речь идет о суде над кардиналом Мандсенти, в феврале 1949 г. приговоренным к пожизненному тюремному заключению. В отличие от коммуниста Райка Мандсенти действительно был непримиримым противником существующего строя, вел против него активную борьбу (28). Но процесс над

Как сказалоcь установление диктатуры на культурной политике? Реформы 1949—1950 гг. в области культуры носили ярко выраженный централизаторский характер. С реорганизацией в 1949 г. министерства просвещения резко уменьшилась роль местных органов власти, профсоюзов, общественных организаций в клубной, театральной, книгоиздательской, концертной, выставочной деятельности, в библиотечном деле, кинопрокате, высший управленческий слой отныне всецело монополизировал отбор распространяемой духовной продукции. Образованные или реорганизованные в эти годы творческие союзы /писателей, журналистов, художников и т.д./ не влияли на формирование культурной политики. Формально принадлежат к разряду общественных организаций, они в то же время были не более, чем удобными инструментами подчинения творческой интеллигенции партийным органам, мобилизации ее на выполнение поставленных сверху задач. В 1948—1950 гг. были закрыты влиятельные литературно-общественные журналы "Валас", "Кортарш", "Форум" /фактически возглавляемый Д.Лукачем/, "Алкоташ", "Мадьярок", "Уйхолд" и др., представлявшие различные группировки более или менее лояльной по отношению к властям творческой интеллигенции. На место многообразия идейно-творческих установок приходит унылое единообразие — литературную периодику с этих пор в течение ряда лет представляли всего два столичных да два малотиражных периферийных издания. Отныне для того, чтобы выйти в свет, каждому произведению приходи-

Миндсенти также был основан на фальсификации следственных материалов. Кардиналу предъявлялись обвинения не в реальных проступках, выразившихся в нарушении законов, финансировании антигосударственных акций, подстрекательстве к насилию и т.д., а в том, чего он не совершал — шпионаже в пользу Америки, пособничестве фашистам /хотя известно, что Миндсенти в 1945 г. вступил в конфликт с иллицистами, пытавшимися отобрать у церкви часть земельных владений, и отбыл некоторое время в заключении/. Все это, несомненно, обладало кардинала в тогу невинности, создавало в сознании многих верующих явно неадекватный образ Миндсенти как борца против насилия и тоталитаризма.

лось преодолевать гораздо более трудные, чем ранее, препятствия. Жесткой централизацией управления культурой полностью заглушается инициатива снизу, духовная жизнь в стране заметно оскудевает.

Но нельзя не видеть и другого: статистические данные свидетельствуют о том, что в 1949–1953 гг. произошло резкое увеличение численности учащихся в школах практически всех типов²⁹. Одновременно, согласно статистике, возрастали и другие показатели приобщения населения к культуре. Общий тираж выпущенных за год книг возрос с 21 млн. экземпляров в 1948 г. до 47 млн. в 1953 г.³⁰ Количество библиотек с 1950 по 1953 гг. увеличилось с 4 333 до 10 360, число их читателей выросло в 3 раза³¹. Число кинозрителей в 1955 г. составило 115 млн. человек, тогда как в 1949 г. их было 42 млн.³² В те же годы был создан ряд новых театров, в том числе ТЮЗ, кукол, передвижной. Естественно, возникает ряд вопросов. Во-первых, всегда ли достоверна статистика начала 50-х гг.? Во-вторых, если рост показателей распространения культуры действительно происходил, то какими причинами /в первую очередь, социально-экономическими/ он был обусловлен? В-третьих, и это самое важное, какой объем и какое качество получаемых знаний, информации стояло в реальности за ростом цифровых показателей?

Некоторые венгерские исследователи в 80-е гг. доказали, что статистические данные начала 50-х гг., автоматически переходившие впоследствии в справочники кадровской эпохи, во многих случаях носили фальсифицированный характер. "Строительство нового сельского клуба в лучшем случае означало лишь покраску, в худшем случае вообще ничего", — пишет известный социолог И. Витавьи³³. Многие клубы, библиотеки, кинотеатры /так же, как и их посетители/ существовали только на бумаге. То же самое иногда касалось и сельских школ. Кроме того, данные об увеличении количества учащихся еще не говорят о том, что все они закончили свои учебные заведения. Проблема большого отсева из школ стояла в те годы очень остро. В 1950-м г.

лишь 46% детей 14 лет окончило, как и положено, в срок 8-летку³⁴. Причины отсева заключались и в материальных трудностях семей, и в том, что в условиях индустриализации, когда существовала большая потребность в рабочих кадрах, многие подростки могли пойти в профессиональные училища без окончания 8-летки.

Данные о масштабах вовлечения населения в работу клубов, библиотек, домов культуры, о подписке на печать также требуют некоторых комментариев. Часто это вовлечение носило принудительный характер. По свидетельствам того времени, многие люди только во избежание серьезных неприятностей посещали пропагандистские лекции, участвовали в политсеминарах, подписывались на общественно-политическую литературу^X. И говоря о росте общего тиража книг, никак нельзя упускать из виду то обстоятельство, что столь внушительный тираж достигался прежде всего за счет пропагандистской литературы - издания работ Сталина и Ракоши, партийных, правительственных документов. В декабре 1949 г. к юбилею генералиссимуса была выпущена специальная брошюра невиданным для Венгрии миллионным тиражом³⁵. Увеличение общего объема книжной продукции происходило также за счет учебных пособий³⁷. Но что представляли собой эти пособия? В учебнике по всеобщей истории для техникумов из 180 страниц 120 было посвящено истории России и Советского Союза³⁸. В учебнике по географии зарубежных стран 5 страниц отводилось Франции, 10 - США и 56 - СССР³⁹. В пособии "Идейные предтечи исторического материализма" содержались 133 цитаты из работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и всего одна цитата из Гегеля⁴⁰. Даже тогдашний министр образования и религии Й. Дарваш был вынужден как-то заявить: правдивость авторов учебных пособий марксистской методологии должна

^X"Тоталитарный режим требует не пассивного подчинения и лояльности по отношению к себе, а активного проявления преданности и поддержки", - справедливо пишет А. Миграция (35).

проявляться отнюдь не в том, чтобы на каждой второй странице учебника по химии или физике можно было найти цитаты из классиков марксизма⁴¹.

Все-таки рост многих показателей приобщения к культуре остается несомненным. Что заставляло режим Ракоши не только расширять сеть политической пропаганды, но и создать много общеобразовательных и профессиональных школ? Курс на форсированную индустриализацию остро поставил проблему соответствующих кадров. Потребность в рабочей силе могла быть удовлетворена за счет избыточного сельского населения /с началом индустриализации в города хлынул большой поток бывших крестьян, причем начавшееся раскулачивание середняка явилось одним из источников возникновения потенциальной рабочей силы для промышленности/. Но переключение недавних крестьян на промышленное производство требовало от них не только овладения профессией, но и достижения общеобразовательного уровня, необходимого для современной машинной индустрии⁴². В докладах и выступлениях Ревая, материалах II съезда ВПТ /февр. 1951 г./ в качестве первоочередной ставилась задача превращения "десятков тысяч необразованных рабочих в специалистов высокой квалификации", расширении "культурного и политического кругозора десятков и сотен тысяч людей"⁴³. В 1950 г. диплом о приобретении рабочей специальности /как в профессиональных училищах, так и непосредственно на производстве/ получило около 80 тыс. человек /в 4,5 раза больше, чем в предыдущем году⁴⁴/. Резко возрастает количество учащихся и в средних специальных училищах промышленного профиля /примерно с 4 тыс. в 1947 г. до 27 тыс. в 1954 г.⁴⁵/, больше стали готовить и инженеров: втрое — увеличилось число студентов в технических вузах⁴⁶. Помимо представителей технических специальностей рос выпуск экономистов, специалистов для сельского хозяйства, педагогов^X.

^X Постоянные корректировки в 1950-1951 гг. 5-лет-

но грандиозный количественный рост сопровождался в эти годы резким снижением качества подготовки. Срок обучения инженеров в ряде вузов сократился с 5 до 4 $\frac{1}{2}$ то и до 3/ лет. Из программы были удалены многие фундаментальные дисциплины, введена чрезмерно узкая специализация. Современная советская педагогическая ортодоксия выдавалась за наиболее передовой опыт, который противопоставлялся опыту других педагогических направлений. Многие учебные заведения были организованы по советской модели без должного учета венгерских национальных традиций. С другой стороны, отвергается то действительно ценное, что принесли с собой в венгерскую школу реформы 1945–1947 гг. "Народные коллегии", к середине 1948 г. охватывавшие около 10 тыс. учащихся, были распущены в сентябре 1948 г. решением сверху. Пытаясь найти мотивацию этому решению, Ракоши в одной из бесед, по свидетельству современника, заявил: "я изучал в свое время марксизм по одной толстой книге /речь шла о Кратком курсе истории ВКП /с/. – А.С./, но нигде в ней, ни на одной ее странице не было сказано, что при строительстве социализма никак нельзя обойтись без "народных коллегий"⁴⁹.

_____ного плана снова и снова влекли за собой пересмотр показателей подготовки кадров. Так, увеличение количества студентов, первоначально планировавшееся на 8 тыс., в 1951 г. решено было предпринять на 30 тыс. человек (47). Конечно, у страны не было возможностей для того, чтобы достичь этого показателя. Надо сказать также, что реформы высшей школы как основного механизма воспроизводства интеллигенции явились фактором, заметно повлиявшим на процессы изменения социально-классовой структуры. Статистика показывает, что к середине 1950-х гг. значительно увеличилось количество лиц, имеющих инженерное, экономическое, педагогическое, сельскохозяйственное образование (48). С другой стороны, в эпоху Ракоши резко сократился прием на юридические факультеты, и это несмотря на раздувание бюрократического аппарата. Последний в большой мере пополнялся людьми, имеющими дипломы технических, экономических, педагогических вузов, а иногда и довольствовавшихся прохождением системы партучебы.

Но дело, конечно, не только в этом. Среди коллегистов пользовалась большим влиянием идеология крестьянского социализма. Разгон "народных коллегий" совпал осенью 1948 г. с массивной идеологической кампанией против тех из "народных писателей", которые по-прежнему отстаивали идеи поисков особого "венгерского" пути к социализму^X.

На рубеже 40-50-х гг. была упразднена университетская автономия. На смену выборности и коллегиальности в вузах приходят единоначалие, мелочная опека со стороны министерства. Все это сильно ударило по университетам и другим вузам не только как по учебным, но и как по научным, издательским центрам. На снижении научного потенциала университетов сказалась также реорганизация ВАН в 1949 г. Многие видные ученые перешли из вузов в только что созданные академические институты. В 1953 г. в стране насчитывалось 464 академических и отраслевых научных учреждения, тогда как при Хорти их было менее 100⁵¹. Реорганизация ВАН сопровождалась большим увеличением ассигнований на научные исследования и в какой-то мере способствовала укреплению материальной базы некоторых, прежде всего прикладных, отраслей науки. Но значительно большими были потери. Высшая школа лишилась своих наиболее квалифицированных кадров. Ученые, утратив связь с вузами, потеряли прежние возможности формировать свои научные школы, собирая вокруг себя способных студентов^{XX}.

^X Большим нападкам в это время подверглась книга П.Вереша "Крестьянское будущее" (50). Ее автор связывал будущее венгерской деревни не с колхозной системой по советскому образцу, а с многообразием форм собственности на селе.

^{XX} Реорганизация ВАН к тому же сопровождалась исключением из ее состава целого ряда крупных ученых, что явилось актом элементарного произвола, свидетельствовавшим о том, что ВАН перестала быть независимой самоуправляющейся организацией, превратилась в одну из государственных структур.

Некоторые меры, принятые на рубеже 40-50-х гг., способствовали укреплению социальных гарантий на получение общего образования выходцами из малообеспеченных социальных слоев /речь идет об увеличении стипендиального фонда, расширении сети общежитий и т.д./. Надо однако видеть и другое. Взятый правительством курс на то, чтобы довести долю рабоче-крестьянских детей в вузах до 65-70% /до войны они составляли там около 4%/ оставляя за пределами высшей школы многих детей из бывших привилегированных слоев - выходцев из буржуазии, кулачества, средних слоев города и даже старой интеллигенции. Старое, "буржуазное" неравенство сменилось новым. Учитывая, что эти дети часто были лучше подготовлены, такое ущемление нанесло немалый ущерб развитию венгерского общества в последующие десятилетия.

Усиленное внедрение советского опыта в школьную систему Венгрии явилось лишь одним из проявлений того политического курса, который западная литература еще в 1950-е гг. назвала "советизацией" культур восточноевропейских народов⁵². Советские фильмы составляли до 85% кинопроката⁵³. В апреле 1952 г. на сценах театров Венгрии состоялось 110 спектаклей по пьесам русских и советских авторов /на долю венгерских авторов пришлось 52 спектакля/⁵⁴. 1 апреля 1952 г. из прозвучавших по венгерскому радио музыкальных произведений 38 принадлежало русским и советским авторам, 36 - композиторам из других стран /включая саму Венгрию с ее богатейшей музыкальной традицией/⁵⁵. В дни декад и месячников советской культуры в концертных залах и по радио исполнялась исключительно русская и советская музыка.

Открывая в октябре 1949 г. выставку советского изобразительного искусства, Ревая произнес: "Наше главное требование к работникам культуры ... состоит в том, чтобы они учились у советской культуры, чтобы отныне не на Париж, а на Москву обращали свои взоры"⁵⁶. Эти слова послужили директивой всей венгерской культурной политике. Конечно, новые постановки "Бориса Годунова" и "Князя Иго-

ря" в опере, издание многотысячными тиражами произведений Пушкина и Толстого имели позитивное значение. Один из зарубежных исследователей венгерской культуры 1950-х гг. признавал: "Коммунисты умеют извлекать пользу из действительных достижений русской культуры прошлого с тем, чтобы повышать свой собственный престиж, делать более эффективной пропаганду своей идеологии"⁵⁷. И все же главный упор в пропаганде делался отнюдь не на классику. В 1950-1952 гг. на сценах основных будапештских театров шли пьесы Сурова и братьев Тур, но не было в репертуаре ни одной пьесы Чехова. И если А.П.Чехов все же относился к той традиции, которая принималась сталинской концепцией культурного наследия, то на издание произведений Ф.М.Достоевского было наложено негласное вето. Вообще русская культура провозглашалась образцом очень абстрактно, безотносительно к конкретным достоинствам и недостаткам тех или иных конкретных произведений. А это приводило к тому, что наряду с подлинными ценностями /а очень часто и вместо них/ за образцы выдавались бесчисленные конъюнктурные поделки, рожденные в атмосфере сталинизма. Так, роман Бабаевского "Свет над землей", состряпанный по рецептам "теории бесконфликтности", за считанные годы выдержал 4 издания⁵⁸. Ни в коей мере не ставя в один ряд с Бабаевским М.Горького, мы должны однако признать: 48 изданий его произведений всего за 8 лет /1948-1956/ с учетом огромных тиражей большинства из них⁵⁹ привели к чрезмерному наводнению рынка и библиотеки книгами этого писателя. В то же время некоторые отнюдь не менее достойные авторы /М.Зощенко, М.Булгаков и др./ не удостоивались чести быть опубликованными ни разу. Отношение к их творчеству в Венгрии вполне определялось соответствующими сталинско-жdanовскими характеристиками. Таким образом, венгерский читатель, зритель, слушатель явно не мог получить представление о подлинных ценностях советской культуры.

Параллельно с резким повышением интенсивности советского культурного влияния столь же резко сужаются

масштабы воздействия иных, более традиционных для Венгрии культур. Прекращается показ западных фильмов, из театральных репертуаров и книгоиздательских планов выключаются многие произведения западных авторов. При этом наряду с продукцией коммерческой культуры в "запретную зону" попадали большие ценности. Вот один лишь факт. Среди книг, подлежавших изъятию из библиотек согласно распоряжению 1950 г., оказались "Калевала", произведения М. Сервантеса, А. Дюма, братьев Гримм, Г. Уэллса, С. Цвейга, ряда других крупных писателей разных времен и народов⁶⁰. Нередко /например, в случае с "Дон Кихотом"/ основанием для изъятия книги являлась "контрреволюционная сущность" составителей и авторов предисловий, однако гораздо чаще речь шла о принципиальном неприятии того или иного явления с позиций сталинской эстетической ортодоксии. В этой связи очень важно подчеркнуть: советизация венгерской культуры означала не только и не столько ее русификацию, сколько определенную ее идеологизацию. Характерно, что т. н. "русский институт", функционировавший в Будапештском университете на правах самостоятельного факультета, готовил одновременно и преподавателей русского языка, и преподавателей "марксизма-ленинизма". Все философские кафедры университета были сосредоточены именно здесь, марксизм в его сталинской интерпретации занял монопольное положение. В 1950 г. в Венгрии вышло 20 книг по философии /не считая произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина/, из них 19 принадлежало современным советским авторам.

Исключительная идеологизация учебного материала была характерна для школьных программ. Политическая пропаганда проникала и на занятия по естественным наукам, что вело к вульгаризации. В 1951 г. даже министр образования Й. Дарваш вынужден был отметить: "Знания основных дисциплин у учащихся недостаточны. Наши студенты очень слабы в математике, в венгерском языке и литературе, физике. Слишком часто настоящее образование приносится в жертву бессмысленной политизации"⁶¹. Важно заметить

при этом, что пропагандируемые догмы не оставались неизменными, на смену одним лозунгам приходили другие, то, что вчера провозглашалось истиной, сегодня объявлялось ложью. Так, Югославия в течение одного года из дружественного соседнего государства, идущего в ногу с Венгрией по пути к социализму, превратилась с точки зрения официальной идеологии в страну с фашистской диктатурой. Недавние товарищи по партии Райк и Сакашич вдруг становились "шпионами" и "убийцами"^Х.

Духовная атмосфера диктатуры сильно сказалась не только на школе, но и на научной жизни Венгрии. Политический волюнтаризм, не считавшийся на практике с реальной действительностью, неизбежно порождал пренебрежительное отношение и к научным фактам: Опора на изучение объективной реальности во всей целостности ее взаимосвязей объявлялась свойственной "буржуазному объективизму", партийность по сути дела противопоставлялась выявлению объективной истины.

В особенно жалком положении оказались гуманитарные науки. Задача обществоведения сводилась к обоснованию текущей политической программы, тех или иных шагов правительства при помощи подбора соответствующих цитат из работ классиков марксизма. Не политика шла за наукой, опираясь в своих действиях на анализ реальных социальных процессов, а наука волочилась за политикой, реагируя на каждый ее изгиб и подыскивая /нередко задним числом/ апологетические объяснения всему происходящему, будь то дело Райка или массовое раскулачивание середняка. В сложившихся условиях, в обстановке непрекращающейся травли приходилось работать не только крупным гуманитариям-немарксистам Л.Филепу, Б.Саболчи, Я.Хорвату и др.,

^Х Доктрины тоталитаризма, писал Дж.Оруэлл, "человеку надлежит принимать под страхом отлучения, однако, с другой стороны, быть всегда готовым к тому, что они в одну минуту могут перемениться" (62).

но и неортодоксальным марксистам типа Д. Лукача. Многие видные ученые увольнялись. Так, И. Бибо, лишенный кафедры в Сегедском университете, смог найти себе работу только в качестве библиотечного гардеробщика. В 1949–1950 гг. предпринимается разгром прикладной социологии, науки, имевшей к тому времени в Венгрии полувековую традицию.

Не меньший удар был нанесен по исторической науке, когда Ракоши был провозглашен "не только выдающимся борцом и руководителем, но и крупнейшим историком нашей славной эпохи"⁶³. Конечно, и в начале 50-х гг. выходили ценные исторические исследования. И все же венгерская историография едва ли знает другой период своего развития, сопоставимый по масштабам исторических фальсификаций с годами правления Ракоши с 1949 г. до "оттепели" в середине 1953 г. Естественно, что более всего фальсификаций приходилось на историю новейшего времени. Извращалась не только политическая история хортистской эпохи, но и вся картина венгерского рабочего движения. Так, неуспех Венгерской Советской республики объяснялся ни чем иным, как засильем "врагов народа" в ее руководстве, где "троцкист" Бела Кун нашел общий язык с "социал-предателями". В то же время одному далеко не самому значительному эпизоду в истории ВСР уделялось непропорционально большое внимание. Речь идет о шалготарьянском сражении, где якобы под руководством Ракоши была одержана "героическая победа" над численно превосходящим противником⁶⁴. Прогрессивные левобуржуазные политические деятели М. Каройи и О. Яси однозначно преподносились как агенты американского империализма⁶⁵. Каройи, кстати, до 1949 г. был венгерским послом во Франции, но в знак протеста против "дела" Райка порвал со своим правительством и навсегда остался в Париже/. Схожее обвинение предъявлялось социал-демократам. "Большинство социал-демократических вождей" были английскими шпионами", — утверждалось в одном из докладов Венгерского съезда историков в 1953 г.⁶⁶ Разрыв с Югославией заставил офици-

ознуд историографию пересмотреть многие существенные страницы истории второй мировой войны, так или иначе связанные с Венгрией. На упомянутом съезде, в частности, отмечалось, что уже в 1943-1944 г. "англо-американские империалисты в своих планах, направленных на порабощение Юго-Восточной Европы, намечали важную роль титовской Югославии и своим агентам в отдельных компартиях"⁶⁷. Л. Райк уже в это время "вовсю работал" на "клику Тито" и ее "заокеанских покровителей".

В угоду политической конъюнктуре переписывались и более ранние страницы истории. На II съезде ВПТ /февраль 1951 г./ ее вожди Ракоши, Ревай и Фаркаш призывали историков обращать больше внимания на национально-патриотические традиции венгерского народа. Известно, что все развитие венгерской исторической науки начиная с XIX в. проходило в борьбе двух главных тенденций - прогабсбургской и антигабсбургской. К одной из них так или иначе тяготела каждая из историографических школ. Официозная историография начала 50-х гг. унаследовала не лучшие, а худшие традиции второго из этих направлений - подчеркнутый негативизм в оценке западных влияний/особенно немецких/, односторонняя трактовка национальной истории прежде всего как истории борьбы за национальное освобождение, некритический подход к источникам, приоритет схемы над фактографией, возвеличивание вождей в ущерб показу роли массовых движений. Было однако и существенное различие, которое очень наглядно проявилось в оценке Ференца Ракоши, вождя освободительной войны венгерского народа в 1703-1711 гг. /ожидаемый в 1953 г. 250-летний юбилей со дня начала этой войны привлек внимание партийных стратегов именно к этой фигуре/. Представители национально-романтической школы XIX - начала XX в. видели в Ракоши вождя патриотически настроенного дворянства, а народные массы не удостоивали серьезным вниманием. Историография начала 50-х гг., напротив, делала акцент на союзе вождя и народа, без должной дифференциации противопоставляя этому союзу дворянство как прогабсбургскую и ретроградную силу.

"Наиболее родовитый и знатный представитель класса венгерских феодалов", Ракоци, писал один из исследователей, единственный, кто был способен "распалить тлеющий жар прежних боев за независимость". Глубоко переживая судьбу своей нации, Ракоци "принял протянутую руку своих крепостных, чтобы с ними начать борьбу за свободу, которая должна была решить судьбу всей нации". В свою очередь и "народ стал достойным доверия Ракоци"⁶⁸.

Известно, что в СССР в начале 30-х гг. вульгарно-классовый подход в марксистской историографии, связанный с деятельностью школы М. Н. Покровского, почти полностью сменился не менее вульгарным имперским /государственно-центристским/ подходом с характерными для него абсолютизацией национального единства, культом вождей и сильным централизованного государства. В венгерской историографии тот же имперский подход утвердился на рубеже 40-50-х гг. под непосредственным влиянием советской исторической науки, выдаваемой за образец. Поскольку в эпоху М. Ракоши фигура вождя была призвана символизировать всю мощь тоталитарной власти и господствующей идеологии, характерным стало требование к историкам и на материале прежних эпох показывать крупным планом вождей, поднимать их над основной массой участников движений. При этом далеко не все национальные вожди удостоивались такой чести, как Ф. Ракоци или Л. Кошут. Для венгерской историографии начала 50-х гг. было характерно принижение позитивной роли короля Иштвана /основателя венгерского государства/ и короля Матьяша, при котором во второй половине XV в. венгерское государство достигло своего расцвета. Третировались выдающиеся государственные деятели XIX в. И. Сечени и Ф. Деак, сторонники союза с Австрией и не революционного, а реформаторского пути развития /кстати, деятельность именно этих людей, а не Ракоци или Кошута, особенно высоко оценивалась официальной хортистской историографией, носившей по преимущест-

ву прогабсбургский характер*.

Вульгарное осовременивание истории, насильственная актуализация давно минувших событий в угоду текущему политическому моменту в полной мере проявились и при рассмотрении контактов Венгрии с другими странами. Из СССР была импортирована кампания "борьбы с космополитизмом", и жертвами этой кампании становились историки, придававшие позитивное значение связям Венгрии с западными державами в те или иные эпохи. С другой стороны, обелялась непростая история взаимоотношений русского и венгерского народов. В 1948-1949 гг. Венгрия отмечала 100-летие своей великой революции; празднества, посвященные этому юбилею, приобрели общенациональный характер, вышло множество работ, иногда и ценных. Но по мере прохождений юбилейных торжеств политическая обстановка в стране неуклонно менялась. В 1949 г. уже было труднее, чем в 1948 г., объективно рассматривать роль русского царизма в подавлении венгерской революции. В стремлении не задеть могучего восточного соседа историкам приходилось прибегать к замалчиванию фактов, а то и к прямой фальсификации.

* Шовинизм идеологии хортистского режима проявлялся лишь в отношении славянских и восточноевропейских народов, в 1867-1918 гг. находившихся в положении национально-меньшинств в составе венгерского королевства, и насколько не противоречил идее австро-венгерского единства. Говоря же о господстве вульгарного имперского подхода в венгерской историографии эпохи Ракоши, нельзя, конечно, забывать, что советские и венгерские историки находились не в одинаковом положении. Пренебрежительное отношение официальной венгерской историографии к королям Иштвану и Матьяшу, находившееся в таком контрасте с культом Ивана Грозного и Петра Великого при Сталине, хорошо показывает, что в малых странах Восточной Европы задача историков часто сводилась к тому, чтобы пропагандировать былую мощь не столько своего собственного государства, сколько соседней России, и одновременно проводить идею о необходимости тесного союза своего народа с русским /для славянских стран - идею славянского единства/.

Не менее плачевной, чем в исторической науке, была ситуация в философской жизни, где серьезная научная полемика с немарксистскими философами в силу слабой профессиональной подготовленности многих марксистов подменялась обычно бездоказательной бранью и навешиванием ярлыков. В условиях, когда оппонентам не было дано право полнокровно участвовать в дискуссиях, марксисты и не могли повысить свой уровень. Для характеристики духовной ситуации, сложившейся в Венгрии начала 50-х гг. /очень сходной с духовной ситуацией в СССР сталинской эпохи/ было бы уместно, на наш взгляд, привести слова В.И.Вернадского, который еще на заре сталинизма, в 1928 г. писал: "...то привилегированное положение, в каком диалектический материализм находится в нашей стране, неизбежно ставит его в тепличные условия, приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда и неизбежно происходило со всеми охраняемыми - официальными - философскими учениями. Свободная мысль - есть основа философского творчества; она не терпит и не сносит оков"⁶⁹.

Атмосфера идейной нетерпимости сказалась и на естественных науках. Сыграли свою негативную роль характерные для того времени представления о якобы происходящем по мере углубления "общего кризиса капитализма" тотальном упадке науки в западных странах. В ходе борьбы с "космополитизмом" отвергались целые отрасли современного знания - генетика, кибернетика. Биологи уже в июне 1949 г. получили предписание брать за основу своей методологии идеи академика Лысенко⁷⁰. Все это не могло не отбросить венгерскую науку далеко назад даже в тех областях, в которых у венгров были богатые традиции /например, в агрономии/^X.

^X Все-таки развитие естественных наук в 50-е гг. сопровождалось и некоторыми достижениями в теоретической физике, астрономии, аналитической химии, физиологии и т.д.

Но не менее, а подчас и более пагубно, чем на развитии школы и науки, атмосфера жесткой диктатуры сказалась на процессах, происходивших в художественной культуре - ведь в этой сфере успехи зависели только от бережного отношения к таланту, создания необходимых условий для свободного приложения творческих сил.

ГЛАВА У. "ВСЕ ВЗОРЫ — НА МОСКВУ!" РЕЖИМ РАКОШИ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Проблемы художественной культуры и особенно литературы привлекали в начале 50-х гг. огромное внимание лидеров ВЛГ. Традиционный "литературоцентризм" духовной жизни Венгрии, большая роль художественного слова в формировании национального самосознания венгров — все это учитывалось Ракоши и его окружением при выработке общей концепции культурной политики партии. Литературе в этой концепции отводилось одно из важнейших мест среди инструментов формирования массового сознания на основе монополюс господствующей идеологии. Но придав литературе и — шире — всей художественной культуре подобные социальные функции, режим Ракоши стоял перед необходимостью оценить степень готовности унаследованной системы культурных институтов и существующей творческой интеллигенции к выполнению предписываемого им нового заказа. Что же представляла собой к 1948–1949 гг. венгерская творческая интеллигенция?

К рубежу 1940–1950-х гг. этот слой объединял деятелей искусств разных поколений, резко различавшихся между собой как по идейно-политическим убеждениям, так и по приверженности тому или иному художественному методу. Особенно большой дифференцированностью творческих сил отличалась художественная литература. Занимавший привилегированное положение в годы хортизма консервативно-националистический лагерь литераторов, которых при всех различиях в творческой манере роднили между собой приверженность /в той или иной степени/ великоадыарскому шовинизму, антидемократизм и отсутствие интереса к социальным проблемам, довольно быстро сдал свой позиции. Литераторы, так или иначе тяготевшие к этому лагерю /Ф. Херцег и др./ либо покинули страну, либо оказались на глубокой периферии духовной жизни. Среди эмигрантов оказалось и несколько писателей, в разные годы поддерживавших оппозиционные хортизму движения, но явно не при-

Их всех все отчетливее обозначавшейся начиная с 1947 г. социалистической перспективы /Д.Зилахи, Ш.Марш //. Эмиграция однако была небольшой даже в 1948-1949 гг., основная масса литераторов осталась в Венгрии, причем писатели, с большей или меньшей последовательностью стоявшие на антифашистских, демократических, гуманистических позициях, в 1945 г. и тем более в 1948 г. составляли большинство. Все это однако ни в коей мере не означало отсутствия серьезных идейно-политических и эстетических разногласий между разными группировками литераторов. Можно было бы выделить несколько групп в литературной среде, не избегнув при этом известного схематизма /ведь в каждой из условно выделяемых нами групп сосуществовали непохожие творческие индивидуальности/.

Виднейшее место в литературно-общественной жизни продолжали занимать "народные писатели". Среди них были не очень многочисленные, но последовательные и политически активные оппоненты социализма, как правило, сторонники различных аграристских течений с явно выраженной национальной окраской /Г.Фейа, Я.Кодолани/. Более противоречивой была позиция Л.Немета, П.Вереша, Д.Айеша, Ч.Сябо, А.Тамаша и др. Вступая то и дело в полемику с коммунистами, довольно жестко и часто справедливо их критикуя за "наднациональный" характер идейных установок, недооценку венгерской национальной специфики, эти люди все же искренне причисляли себя к сторонникам социализма, принимали в той или иной мере курс на ограничение капитала и даже его вытеснение. Наконец, Ф.Зрдей и И.Дарваш уже в 1945-1947 гг. имели мало разногласий с руководством ВКП, а начиная с 1948 г. полностью солидаризировались с политикой этой партии.

Немало приверженцев социализма было и в противостоящем урбанистском лагере, некоторые его представители были связаны с СДП. Существовала еще, наконец, не столь уж малочисленная к 1948-1949 гг. и очень неоднородная по своему составу коммунистическая "дворянка" в литературной жизни Венгрии. Часть писателей, возвратившихся из СССР

после многолетней эмиграции /Б. Аллеш, Ш. Гергей и др./ сформировалась в 20–30-е гг. в среде РАППа и близкой к нему Международной организации революционных писателей, столь же печально известной своими сектантскими традициями /Б. Аллеш был одно время генеральным секретарем МОРП/. Эти люди, будучи фанатически преданы идее пролетарской революционности, в такой же степени унаследовали от РАППа сектантскую нетерпимость к инакомыслию, недоверие к союзникам по народному фронту. Именно эта группа наилучшим образом была подготовлена для выполнения посреднических функций при перенесении на венгерскую почву методов культурной политики, апробированных в СССР. Другое, не столь сектантски настроенное крыло бывшей московской литературной эмиграции представляли Д. Лукач, А. Габор, Б. Балаж, Д. Хай. Названные литераторы, длительное время работавшие в Германии и Австрии, яснее осознавали необходимость единства всех демократических сил в борьбе с фашизмом, а будучи убежденными сторонниками социализма, они все же отдавали несомненное предпочтение ненасильственным путям его достижения. Из писателей-коммунистов, не имевших отношения к советской эмиграции, выделялись видные прозаики Л. Надь и Т. Дери. Тибор Дери /1894–1977/ был связан с рабочим движением еще в 20-е гг. В дальнейшем он пережил глубокое разочарование в сектантской политической практике и, не утратив верности социалистическим идеалам, пришел к переосмыслению многих прежних ценностей, к отрицанию бесчеловечного, антигуманистического социализма сталинско-ракоцистского типа. Об этом свидетельствовали и проза Дери, ставшая одним из выших достижений венгерской художественной литературы, и четкая политическая позиция писателя как сразу после войны, так и в середине 1950-х гг.

Другие отряды художественной интеллигенции также характеризовала сложная идейно-мировоззренческая дифференциация. И все же в изобразительном искусстве, музыке, театре /в сравнении с литературой и кино/ идейно-политические расхождения между художниками не заслоняли в такой

степени собственно эстетические разногласия. В живописи, скульптуре, архитектуре также теряют свои ведущие позиции направления, получавшие при хортизме официальную поддержку, на первый план выходят художники, далекие от официозного искусства хортистской эпохи. Значительная часть художников /как и музыкантов/ была весьма аполитична и далека от каких-либо общественных движений, но все же принимала установившуюся после 1945 г. власть, поскольку та до 1948—1949 гг., как правило, создавала более благоприятные условия для нормальной творческой деятельности, нежели существовали при режиме Хорти.

Особая ситуация сложилась в театральном искусстве. С оттоком аристократии и части буржуазии за рубеж многие будапештские частные театры теряют своего зрителя, находятся в преддверии финансового банкротства. Решение о национализации театров, принятое весной 1948 г. получило в силу этого определенную поддержку среди артистов¹.

Таким образом, в среде венгерской художественной интеллигенции к концу 40-х гг. существовали заметные идейно-мировоззренческие, равно как и художественно-стилевые разногласия, лишь относительно небольшая часть художников сформировалась под решающим влиянием марксистской идеологии и эстетики. Вместе с тем число деятелей искусств, занимавших откровенно враждебные глубинным социальным преобразованиям позиции, было невелико, опасения возможных ужесточений диктатуры сочетались в сознании многих художников с сильной тягой к социалистическим идеалам /в марксистской или немарксистской, а в частности, народнической интерпретации социализма/. Предприняв курс на форсированную индустриализацию и почти полное обобществление собственности, ВЛГ в первые годы еще могла заручиться лояльным отношением немалой части творческой интеллигенции. Это требовало, однако, от руководителей культурной политики глубоко дифференцированного подхода к творческим работникам, понимая того, насколько сложен в данных условиях выбор пути для художников, дале-

ких от коммунистической идеологии, насколько они нуждаются в создании благоприятной для дискуссий атмосферы, в исключительной терпимости к индивидуальным творческим манерам. Между тем культурная политика ВПГ была чрезвычайно далека от этих в сущности элементарных требований, ее отличали абсолютное господство административных методов, острое неприятие инакомыслия, отнюдь не благоприятствовавшие упрочению союза власти и интеллигенции.

Событием, сильно повлиявшим на формирование новой концепции культурной политики, явилась "дискуссия о Лукаче", развернувшаяся в 1949–1950 гг.² Эта дискуссия, затронувшая широкий круг не только эстетических, но и политических проблем, имела широкий международный резонанс, дав многочисленным зарубежным наблюдателям все основания увидеть в нападках на Лукача один из характернейших симптомов полной победы в Венгрии сталинской модели социализма³. Откликнулась она и в СССР, где критика в адрес Лукача стала звучать в ходе проработочных кампаний, направленных на повышение "коммунистической идейности" литературы⁴.

Как писал один из участников "дискуссии" М.Хорват, "ошибки товарища Лукача в течение ряда лет искажали политику нашей партии в области литературы, в неправильном направлении воздействовали на значительную часть ... писателей"⁵. Главная из "ошибок" Лукача состояла, по мнению Ревай, в том, что "переходное и временное состояние он выдал за абсолютное и конечное", допустив, что поступательное движение Венгрии к социализму и дальше, после Объединительного съезда, будет происходить без диктатуры пролетариата, полного и форсированного обобществления капиталистической собственности⁶. Именно в дискуссии о взглядах Лукача Ревай впервые четко сформулировал ряд принципиальных для новой платформы ВПГ теоретических положений – о необходимости максимального приближения к сталинской модели пролетарской диктатуры, о политике народного фронта не как о стратегическом, а всего лишь как

об обходном пути, утратившем свое значение с победой над фашизмом. Хотя в основной своей части дискуссия сосредоточилась вокруг эстетических вопросов, критика эстетической позиции Лукача /и в частности, его теории "высокого реализма" с ее антисектантским пафосом /явилась всего лишь прикрытием, к которому прибегли оппоненты философа М.Рудаш, М.Хорват, Й.Реваи/, не сразу решившиеся на лобовую атаку его общеполитической концепции "реальной демократии". Эстетической "вуали" однако не удалось скрыть принципиальные идейно-политические расхождения. С первых же публикаций дискуссия заметно переросла рамки культурного события, стала феноменом общественной жизни.

Необходимо иметь в виду, что концепция "реальной демократии" Лукача в том виде, в каком она сложилась к 1948-1949 гг., определяла лишь общую стратегию развития, не затрагивая многие частные вопросы. Конечно же, она нуждалась в дальнейшей разработке, углублении, серьезных корректировках в меняющихся внешних условиях /апогеей "холодной войны", усилении советского давления/. Но оппоненты Лукача менее всего ставили своей целью развитие и совершенствование его общественно-политической концепции при сохранении того, что составляло ее ядро - нацеленности на демократический путь продвижения к новому обществу. По мере того, как в общественной жизни Венгрии все явственнее проступала антидемократическая тенденция, упорное отстаивание Лукачем принципов народного фронта все более вступало в конфликт с официальным курсом. Критика Лукача определенно велась с позиций сталинской концепции социализма.

Главной мишенью в критике собственно эстетической платформы Лукача явилось его понимание партийности в искусстве, а также соотношения между мировоззрением и творческим методом. Если ранее, до установления монополии ВЛК, руководство партии вынуждено было считаться с идеологическим плюрализмом среди творческой интеллигенции и в силу этого не гнушалось использовать в своих интересах довольно гибкую лукачевскую концепцию культурной политики,

то теперь оно уже не испытывало прежней тактической необходимости в этом. "Мавр сделал свое дело, мавр может уходить", - так словами известного шекспировского героя откомментировал впоследствии философ произошедшее в 1949 г. свое унижительное отлучение от участия в разработке линии партии в отношении творческой интеллигенции⁷. В новых условиях, когда политическая гегемония ВПТ была неоспорима, а выборы в Госсобрание стали пустой формальностью, партийное руководство без видимого ущерба для своей монополии на власть уже могло вопреки Лукачу позволить себе провозглашение курса на "единомыслие" в литературной среде. "Мы требуем от писателей точного знания марксизма-ленинизма", - утверждал М.Хорват, теперь, после полного отстранения Лукача, всецело наряду с Й.Реваи определявший направление культурной политики ВПТ⁸. Формулируя подобным образом новую установку, лидеры ВПТ не учитывали, с каких исходных позиций предстояло идти к марксизму тем или иным художникам, какой путь они успели проделать в своем духовном развитии всего за несколько послевоенных лет. Реваи отмечал, что в силу специфики конкретных венгерских условий /отсутствие гражданской войны и т.д./ утверждение "гегемонии" социалистического искусства в Венгрии "может быть относительно более мирным", чем в СССР, и "в целом... более ускоренным"⁹, оно не будет сопровождаться столь же острой групповой борьбой, как в СССР, "попутчики" займут значительно меньшее место в художественной жизни. Пребывание в попутчиках может быть только временным состоянием, писал Реваи, "развиваться по пути к социалистическому реализму, к партийной литературе не только мы побуждаем, сама жизнь"¹⁰.

Что же представляла собой в действительности та новая концепция человека, то новое мировоззрение, к овладению которым, выступая от имени "самой жизни", так настойчиво призывал Й.Реваи? Общее для всех граждан "строящегося социалистического общества" требование усвоить марксизм /конечно же, в его официальном толковании/ находило свой эстетический эквивалент в требовании овладеть мето-

дом "социалистического реализма" как наиболее "передовым"; в полной мере соответствующим "высоте поставленных перед обществом задач". Курсу Ракоши и его окружения на установление в Венгрии тоталитарного режима по сталинским образцам наилучшим образом соответствовала концепция социалистического реализма, сформировавшаяся в 30-40-е гг. в СССР. Еще до Объединительного съезда, весной 1948 г., Ракоши упрекает марксистскую интеллигенцию Венгрии за приверженность многим "устаревшим" теориям /я в частности, теории народного фронта/, тогда как марксистская мысль СССР обогатилась за последнее время, по его мнению, "новыми достижениями", среди которых партийный лидер, в первую очередь, выделил небезызвестные постановления ВКП /б/ по вопросам литературы и искусства 1946-1948гг.¹¹

В последующие месяцы прессе неустанно выдает эти постановления за своего рода эталон, за взвную составляющую советского опыта "социалистического строительства", требующего активного внедрения в практику венгерской культурной революции. Метод социалистического реализма в его ждановской интерпретации монополизировался, признается всеобъемлющим: для нового венгерского искусства. На место недавнему плюрализму приходит полная регламентация творческой деятельности, подчинение ее своду обязательных эстетических канонов, спущенных "сверху". Что же провозглашала господствующая концепция?

Прежде всего вопреки слову "реализм" в ее дефиниции она ориентировалась отнюдь не на отображение объективно данной действительности во всем многообразии ее глубинных социальных связей, а на создание некоей идеальной "картины мира", соответствующей представлениям лидеров ВКП о должном общественном состоянии. Характерно признание Хорватца, сделанное впоследствии, в мемуарах 70-х гг.: "Искусственность /для художников.- А.С./ была такой, какой мы, политики, ее хотели видеть"¹². Реалистический характер метода не переставал однако декларироваться, и внедряемые в массовое сознание идеальные образы представлялись отнюдь не как удаляемые от жизни. Известные, выдаю-

была тенденция стирать грань между реальностью и идеалом, изображать идеальное состояние как уже достигнутое или близкое к достижению. Здесь приходил на помощь заимствованный из арсенала современной советской эстетики тезис о революционном романтизме как "составной части" метода социалистического реализма. "Уже давно позади то время, когда литература ... догоняла жизнь", теперь она должна опережать ее, писал редактор литературного еженедельника "Иродальми уйшаг" Б.Илlesh¹³. "Надо показывать те тенденции в действительности, которые сегодня еще не стали везде господствующими, но завтра, несомненно, станут", - отмечалось в резолюции съезда писателей в 1951 г.¹⁴ Конечно, прогностическая функция искусства существует наряду с другими. Это не означает, однако, что она подменяет другие его функции и, в частности, познавательную. Размывание граней между наличествующим и должным, искусственное привнесение перспективы в изображаемую реальность подавляли реалистическую тенденцию, таили в себе угрозу приукрашивания действительности^X. При таком понимании задач художественного творчества попытки некоторых литераторов /Т.Дери, П.Вереша, И.Эркена и др./ глубже вникнуть в суть происходящих социальных перемен, увидеть в действительности сложные, неоднозначные тенденции, принимались критикой в штыки, вызывая обвинения в очернительстве.

Идеальная действительность заведомо была заселена идеальными людьми. Кто может быть героем художественной литературы, отвечающей критериям социалистического реализма? - спрашивал Ревая и сам же отвечал; "стахановец, тракторист, партийный работник, воин, добросовестная работница"¹⁶, но прежде всего "рабочий человек, выполняю-

^X Характерно, что Д.Лукач предостерегал от подобного смещения ориентиров в реалистической литературе. "Правдивый художник ... не выдвигает перспективу за уже воплощенную реальность"; - писал он в конце 40-х гг. Основа литературы, отмечал также Лукач, есть "реальное появление нового в общественной жизни" (15).

ший 5-летний план, нашедший свое место в общественной жизни ... и полностью владеющий своим внутренним миром"¹⁷ Последнее особенно важно — только тот, кто "без всякого сомнения служит партии, целям социалистического строительства"¹⁸, достоин, по мнению Ревая, быть "положительным" персонажем литературы социалистического реализма. Не менее характерны слова одного из критиков: "колеблющегося героя я всегда связывал ... с реакционным буржуазным декадвансом"¹⁹. Подобные предписания призывали художников создавать персонажи без каких-либо душевных изъянов, т.е. образы одномерные, схематичные, а значит и художественно неубедительные при изначально провозглашенных реалистических установках автора. Одной из причин резкой критики Ревая в адрес романа Т.Дери "Ответ" была симпатия автора к одному из своих персонажей — рефлексирующему, исполненному душевных метаний интеллигенту²⁰. Требование максимально упростить духовный мир своих героев, освободить их от естественных человеческих слабостей, страстей, внутренних противоречий становится чуть ли не общим местом литературной критики. Вот рецензия газеты "Сабад неп", главного органа ВЛТ, на роман писателя И.Шаркади "Путь Яноша Гаала"²¹. Герой этого романа — крестьянин, после долгих "исканий" принявший новую власть. В принципе официальной эстетикой не возбранялось показывать положительного героя не в уже сложившемся виде, а в процессе становления, превращения "угнетенного и забытого" пролетария в бесстрашного "борца за свободу". Поэтому в выборе темы, фабуле романа Шаркади нет, казалось бы, противоречия с нормами социалистического реализма. И все-таки рецензент высказывает автору ряд упреков. Почему герой романа очень долго ... испытывал какое-то сомнение, недоверие, все никак не решался встать на сторону пролетарской власти? "Писатель не обратил должного внимания на то, что это чувство скепсиса надо показать как недостаток Гаала, как следствие его несознательности", в то время как у него оно предстает как "что-то закономерное"²² /?!/. Почему так мало ярких образов коммунистов, всего один, и то

под его воздействием Гал не сразу перерождается? Почему автор проследивает путь Гала только до порога "новой жизни" и в романе отсутствуют яркие картины современной действительности? Эти и многие другие вопросы рецензента свидетельствуют не только об узкой нормативности его исходных посылок в отношении художественного образа, но и о предельно упрощенном понимании им всей противоречивости процесса духовного перерождения человека в меняющихся социальных условиях. Так нормативная эстетика калечила здравый смысл, перечеркивала жизненный опыт людей, бывших свидетелями переломной эпохи во всей ее сложности и противоречивости и едва ли не осознававших разницу между реальной действительностью и тем искусственным, "парниковым" миром, который вставал со страниц произведений, выполненных по канонам социалистического реализма. Кстати, для подкрепления опытом из творческой практики столь упрощенных стереотипов положительного героя критика обращалась к далеко не лучшим произведениям советской литературы – книгам Ажаева, Бабаевского и др. Эти книги расценивались как образцовые, в то время как даже "Тихий Дон" М.Шолохова, герой которого так и не смог найти себя в новой жизни, оценивался Хорватом как роман, не достойный быть примером²³.

Персонажи художественных произведений, сделанных по рецептам эстетики социалистического реализма, не были индивидуализированы. Каждый из них выступал как носитель определенной социальной роли, функции, а за каждой из этих ролей стояла определенная система стереотипов. Вот какие, к примеру, претензии предъявлялись художнику Сентивани, выполнившему портрет рабочего-стахановца Пожони: "Кто для нас товарищ Пожони и что сделал из него Сентивани? ... Пожони наш герой. Почему же в его образе на картине нет героизма, почему он получился таким худым и хилым?... Почему его лицо, вид ... совсем не выражают того, что мы должны построить 220 000 квартир, каждые пять месяцев сдать один завод, должны построить нашу свободную дорожную социалистическую родину... Товарищ Сентивани

не прочувствовал особенностей стахановского метода"²⁴. Под этой публикацией стояла подпись рабочего — читатель должен был воспринять эту критику как голос народа, того, кому, перефразируя Ленина, отныне стало "принадлежать искусство". И в этой связи возникает важный вопрос: как влиял на искусство начала 50-х гг. /и на творцов, и на аудиторию/ социально-психологический климат, настрой эпохи, было ли это искусство только плодом лицемерия или же иногда отражало надежды, иллюзии, ожидания, характерные для тех лет?

Нам представляется, что атмосфера революционной эпохи с присущим ей острым противостоянием двух политических лагерей объективно располагала авторов к предельной тенденциозности, к определенности оценок вплоть до отсутствия "полутонов" в изображении, плакатного противопоставления позитивных и негативных, "своих" и "чужих" персонажей. При этом господствовавшее противоречие между двумя лагерями /буржуазной демократии и "как бы социализма"/, двумя системами ценностей нередко проецировалось в массовом сознании и на внутренние противоречия нового общества. Эти последние противоречия /и в частности, возникновение враждебного массам бюрократического нароста/ воспринимались как унаследованные от капитализма. Новое общественное состояние представало, таким образом, как лишенное своих собственных противоречий, что находило отражение и в художественной культуре. Говоря о настроении масс в переломную, революционную эпоху, надо иметь в виду и тот характерный, пока еще недостаточно изученный социально-психологический феномен, при котором происходящие коренные преобразования приближают в сознании многих людей идеальное состояние, делают более эбкими и подвижными границы между реальным и идеальным, так что сама действительность начинает восприниматься в идеализированных, романтических, утопических формах. Образ будущего /как правило, "светлого будущего"/ в такие эпохи доминирует в общественном сознании, в настоящее воспринимается в координатах идеального, видится не как ценное

само по себе, а только как временное, переходное положение, одна из ступеней на пути к идеалу. При таком восприятии реальности неизбежны искажение, абберация зрения, подмена сущего должным, и это в равной мере характерно и для обыденного, повседневного и для художественного сознания²⁵ /надо учитывать при этом также, что распространение марксизма вширь, на аудиторию, не обладающую развитым и подготовленным к полнокровному восприятию марксова экономического учения во всей его сложности и противоречивости политическим сознанием, было чревато —————
————— упрощенчеством восприятия, сопровождалось наивными представлениями о том, что победа в борьбе с эксплуататорами якобы немедленно приведет к осуществлению идеалов/.

Некоторые венгерские исследователи /например, И.Ки-рай/ пишут об эмоциональном подъеме, охватившем значительную часть населения страны в период экономических успехов 1946—1948 гг.²⁶ Этот настрой не мог не найти своего проявления и в художественной культуре. По свидетельству И.Кирая, искренний оптимизм, вера в "светлое будущее", скорое торжество социалистических идеалов на некоторое время овладели и многими зрелыми художниками /даже не столько "дело Райка" и политические репрессии 1949—1950 гг., сколько крах экономической политики Ракоши в 1951—1952 гг. смогли, считает Кирай, поколебать этот настрой/. Тем более такой оптимизм был характерен для молодых художников рабоче-крестьянского происхождения, после 1945 г. довольно активно вступавших в творческую жизнь^X. Но одно дело временный эмоциональный подъем, революционно-романтический настрой, питаемый быстрыми социальными переменами, видимым ускорением общественного развития. И совсем другое дело — сознательная эксплуатация этого

^X 60% учащихся высшей школы изобразительного искусства в 1955 г. составляли дети рабочих и крестьян, тогда как до войны их там были единицы (27).

социально-психологического феномена в целях создания эстетической системы, принципиально направленной на то, чтобы увести художника от познания социальной действительности. Впрочем, это касалось не только эстетики и художественной культуры. Авангардистские, революционно-романтические настроения определенной части общества нередко оказывались созвучными планам Ракоши и его окружения и применительно к другим областям общественной жизни, будь то массированное вытеснение частного товаропроизводителя или же превращение Венгрии в страну тяжелой индустрии.

"Картина мира", декларируемая официальной эстетикой, неизбежно носила иерархический характер. Верхнюю ступень лестницы занимал вождь, олицетворявший своей фигурой всю мощь тоталитарной власти. При этом положение Венгрии как страны зависимого тоталитаризма вносило в иерархическую модель сознания некоторую специфику в сравнении с СССР, делало вершину пирамиды своего рода двухступенчатой /над Ракоши возвышался "отец народов" Сталин/. Виднейшее место в системе жанров официального искусства занял парадный портрет - к образам вождей обращаются в эти годы многие художники и скульпторы. Из фонда культурного наследия актуализируется, в первую очередь, традиция академизма и неоклассицизма - не удивительно, ведь именно эти художественные течения лучше всего способны были выразить идею сильной централизованной власти, неизбежности государственного строя. В высшей степени символично, что один из придворных скульпторов регента Хорти Ж.Кишфалуди Штробль всего через каких-нибудь 7 - 8 лет вполне пришелся ко двору генсеку Ракоши.

Образ главного героя, наделенного сверхъестественными качествами, возвышающегося над рядовой массой, составляющей обычно лишь фон для его действий, вообще был весьма характерен для художественного сознания эпохи. Ревай, выступая в 1949 г. на открытии выставки современного советского искусства, говорил об умении советских художников отображать "историю в больших руководителях"²⁸ как об огромном достоинстве.

Его призывам последовали многие венгерские живописцы, обратившиеся к показу ключевых событий национальной истории исключительно через образы вождя. Но проблема вождя и народа, их соотношения в художественном произведении еще неоднократно всплывала в директивных установках. Так, посетивший одну из выставок Хорват, попытавшись оценить крупноформатную картину Д.Капара и Д.Конечны "Перед бурей" /о выступлении участников восстания Д.Дожи в 1514 г./, указал как на недостаток на то, что народные вожди не выделяются из основной массы. Хорошо изучив все реалии той эпохи, быт и одежду XVI в., живописцы однако показали непонимание "нашего текущего момента", особенностей нашей сегодняшней революции, отмечал Хорват²⁹ X. Еще одним "недостатком", отмеченным Хорватом, было отсутствие красной полосы на предутреннем небе, символа торжества конечной цели восставших – требование к художникам использовать в пропагандистских целях подобного рода примитивную символику также было характерным для тогдашней критики.

Помимо создания и поддержания в общественном сознании идеальной "картины мира" с вождем во главе официальному искусству приходилось выполнять и функцию более прагматическую. ————— Речь идет о необходимости реагировать на текущий "социальный" заказ, обслуживать меняющуюся политическую конъюнктуру. Обе эти функции были тесно связаны между собой. И внедряя в массовое сознание образ вождя, и призывая трудящихся отдать все силы на службу форсированной индустриализации, пропагандистский механизм ВПТ, поставивший искусство себе на службу, апеллировал больше не к разуму, а к чувствам, эмоциям, прибегая при этом к использованию многообразных средств внушения, манипуляции, суггестивного воздействия. Привязанность искусства к политической конъюнктуре определяла всю

^X В то же время ряд молодых поэтов, посвятивших свои стихи Сталину, были удостоены похвалы именно за "верное понимание нашей жизни" (30).

систему критериев, по которым оценивалось то или иное произведение. "Что политически плохо, то и в художественном отношении может быть только плохим", — отмечалось в одной из установочных статей того времени³¹. Другой автор, отзываясь о романе советского писателя В. Алаева, заявлял: "Далеко от Москвы" может быть потому наилучшее среди лучших произведений советской литературы, что оно наиболее явно показывает, насколько ценность художественного произведения зависит от важности изображенного в нем участка действительности и насколько не может быть выведена ... из индивидуальных особенностей художника"³² /?!. Главная для художника задача заключалась, таким образом, в самом выборе темы, а отнюдь не в ее художественном решении. Если Д. Лукач считал, что "вопрос о социалистическом реализме не есть вопрос о теме"³³, то М. Хорват, напротив, полагал, что круг "основных направлений" современной венгерской литературы определен 5-летним экономическим планом³⁴. Высказывалась также та точка зрения, что диктатура пролетариата применительно к искусству предполагает прежде всего гегемонию пролетарских тем над крестьянскими³⁵. Зачастую задачи художественной культуры низводились до иллюстрирования скороспелых политических лозунгов, перевода на образный язык текущих идеологических доктрин^X. Попытки придать каждой художественной "вещи" идеологическое и даже пропагандистское звучание происходили не только в литературе и изобразительном искусстве, но даже и в архитектуре, перенявшей в этих целях приемы неоклассицизма.

X. В этой связи характерно высокомерно-пренебрежительное отношение к изображению личной жизни, индивидуальных человеческих чувств, переживаний. "Наша поэзия, — писал Ревая, — должна выражать не личные эмоции, а большие общие чувства народа", для нас неприемлемо, когда "независимо от времени и места поэты пишут о весне, про роде, любви, вности"⁽³⁶⁾. Следуя указаниям своего главно-го идеолога, некоторые критики упрекали отдельных поэтов в том, что те в период войны в Корее позволяют себе писать стихи о любви⁽³⁷⁾.

До сих пор у нас шла речь, главным образом, о тех требованиях, которые предъявлялись к содержанию художественных произведений. Но не менее явно ущербная нормативность господствующей эстетической концепции проявлялась в отношении к форме, художественным средствам. Официальная теория стремилась навязать художнику узкий набор приемов, якобы пригодных для решения любой творческой задачи, поставленной в русле реалистического метода. Главным достижением советского изобразительного искусства 40-50-х гг. Ревая считал то, что на картинах "предметы не расплываются... они те же, что в действительности. Рисунок строгий и четкий, формы не разрушаются, соответствуют действительности"³⁸. Хорват со всей откровенностью говорил о фотографичности как основном критерии ценности искусства социалистического реализма³⁹. Принцип изображения жизни в формах самой жизни, таким образом, абсолютизировался, расширение художественной условности /даже в рамках реалистического метода/ считалось неоправданным. При этом обычно ссылались на требования общедоступности, близости народу^X. Конечно, начавшееся во второй половине 40-х гг. массовое приобщение к продуктам профессиональной художественной культуры людей, не имевших ранее доступа к ней, ориентировало художника прежде всего на формы, доступные эстетически малоподготовленному потребителю; этот фактор нельзя не учитывать как объективный. Но надо иметь также в виду, что только искусство, рассчитанное на самую широкую аудиторию, способно было выполнить предписанный ему сверху социальный, пропагандистский заказ. Задачи же совершенствования эстетического вкуса абсолютно игнорировались. Не удовлетворялись и художественные потребности тех категорий читателей, зрителей, слушателей, которым в искусстве были ближе более сложные и утонченные формы.

^X "Высокое идейное содержание, недвусмысленная твердая позиция, язык, стиль и форма настолько простые, чтобы... воздействовать в социалистическом духе на миллионы читателей" — именно в этом, по мнению Б. Иллеша, состоит задача литературы "социалистического реализма" (40).

Такова была эстетическая концепция, претендовавшая на монопольное положение в художественной жизни. Как отнеслись к ней в творческих кругах? Реакция не была однозначной. Многие художники, лишенные богатой творческой индивидуальности, а то и попросту склонные к конъюнктуре, с готовностью принялись следовать установленным нормам, получая за это всевозможные блага /Ракоши перенимает у Сталина систему поощрения деятелей культуры, уютных режиму. Венгерским аналогом Сталинских премий становятся премии имени Кошута. Формируется и международная система вознаграждения мастеров искусств за особые заслуги в деле пропаганды сталинского тоталитаризма – так, среди лауреатов Сталинской премии по литературе было несколько писателей из стран "народной демократии", в том числе и Венгрии/. Совсем по-другому отреагировали на поворот в культурной политике художники серьезные, ищущие новые пути в искусстве. Даже те из них, кто разделял многие иллюзии своего времени и в целом принимал программу социальных преобразований, предлагаемую лидерами ВПТ, были явно не настроены на отказ от своих творческих принципов, тем более в угоду столь нормативной, "безжизненной" концепции. Но простора для маневра становилось все меньше и меньше. Хотя Ревая и уверял, что "новую социалистическую литературу установить посредством административных постановлений невозможно"⁴¹, на практике все обстояло иначе. Художники, не разделявшие официальных установок, постепенно вытеснялись из культурной жизни – в результате закрытия журналов, пересмотра книгоиздательских планов, усиления цензуры в театре и кино. Так были заложены основы глубочайшего конфликта между партийно-политическим руководством и творческой интеллигенцией, которому суждено было вылиться на поверхность всего через несколько лет, в середине 1950-х гг.

На наш взгляд, не будет преувеличением говорить о глубоком упадке венгерской художественной культуры в 1949–1953 гг. На несколько лет оказались исключенными из духовной жизни /в лучшем случае оттесненными на ее периферии/

Ферию/ такие ведущие писатели, как Л.Кашшак, Ш.Вёреш, А. Тамаш, Е.Тершански, Л.Сабо, М.Фюшт, Г.Оттлик, Я.Пилински и др. Л.Немет выступал почти исключительно как переводчик русской классики. В труднейших условиях приходилось работать Т.Дери. С выходом в 1952 г. второй части романа "Ответ" писатель, и ранее критиковавшийся за "флюберовскую беспристрастность", "аристократизм", "неуважение" к вкусам массового читателя, становится объектом ожесточенной травли. Устами Реваз он был обвинен в очернении истории венгерского рабочего движения⁴² /основанием для этого послужил показ в романе сектантских тенденций в деятельности ВКП/х. Еще один большой прозаик, Л.Надь, преследовался критикой за "циничный" "буржуазный" объективизм, упорное нежелание вносить в свои произведения пафос революционной романтики. Усиленным критическим разносам подвергались Д.Илеш, П.Вереш, И.Эркень. Ряд молодых писателей, дебютировавших уже после войны, будучи поставленными перед жесткой необходимостью следовать официальным канонам, остановились в творческом росте. Удаляются из художественной жизни многие живописцы, скульпторы, графики, работавшие в русле новейших стилевых течений. Другим приходилось, ломая творческие индивидуальности, приспосабливаться к устаревшим канонам академизма, выдаваемого официозной эстетикой за "социалистический реализм". Переносится на венгерскую почву кампания по борьбе с формализмом в музыке. Был нанесен удар конструктивизму, функционализму и другим новейшим течениям в архи-

X "Тоталитарное государство, - пишет Дж.Оруэлл, - в сущности теократия, и его правящей касте, чтобы сохранить свое положение, следует выглядеть непогрешимой. А поскольку в действительности не бывает людей непогрешимых, то нередко возникает необходимость перекраивать прошлое, чтобы доказать, что той или иной ошибки не было или что те или иные воображаемые победы имели место на самом деле... Всякий значительный поворот в политике сопровождается соответствующим изменением в учении и переоценкой видных исторических деятелей... Тоталитаризм на практике требует непрерывного переписывания прошлого и в конечном счете, вероятно, потребует отказа от веры в самую возможность существования объективной истины" (43).

текстуре⁴⁴. Многие литераторы, живописцы, скульпторы, архитекторы, композиторы были лишены возможности зарабатывать себе на жизнь творческим трудом, перешли в категорию лиц со случайным заработком, своего рода люмпен-интеллигенцию, остро недовольную устоями режима и составляющую потенциальный источник повышенной социальной активности. Впрочем, процесс, о котором идет речь, в руководящих кругах представлялся как совершенно естественный. Как писал Ревая, с началом кардинальных перемен у многих художников ушла почва из-под ног и они только после основательной идейной переориентации смогут найти свое место в культурной жизни⁴⁵.

В 1950 г. М.Хорват с удовлетворением отмечал: на литературном фронте одержана победа – метод "социалистического реализма" занял господствующее положение⁴⁶. То обстоятельство, что в результате одержанной "победы" венгерская литература /и художественная культура в целом/ на время лишилась значительной части имен, составляющих ее гордость, не принималось во внимание. От подобного рода иллюзорных "побед" еще в 1946 г. предостерегал Д.Лукач. "Единство литературы, – писал он, – не механическая униформизация, не сглаживание – из тактических соображений – существенных противоречий, а идейное единство убежденных сторонников демократии"^{47х}.

Исключение из активной творческой жизни многих талантливых художников привело к резкому снижению ценностных критериев в литературе и искусстве. Этому способствовала и деятельность критики, выдававшей за образцы произведения, несшие на себе следы нормативных предписаний. Торжествовали лакировочные тенденции. Широким потоком входили романы, пьесы, фильмы, по преимуществу, на производственную тему, созданные по рецептам пресловутой "те-

^х Впрочем, не только Лукач, но и Хорват и ему подобные не могли не ощущать всей иллюзорности установленного сверху единомыслия. "Среди литераторов мы чувствовали себя подобно завоевателям в покоренном городе", – вспоминал Хорват впоследствии (48).

ории бесконфликтности". Нормой становятся парадность, сглаживание "острых углов", стремление всячески избегать показа негативных явлений, тенденция демонстрировать обнаженность авторской позиции путем плакатного противопоставления положительных и отрицательных персонажей. Поэзия отличалась чрезмерной повествовательностью, снижением лирического начала, а с другой стороны, выходило очень много стихов лозунгово-публицистического содержания, стереотипных по своему художественному решению. Сводятся на нет искания в области формы – по отношению ко всем видам искусства можно говорить о разрыве с позднейшей традицией мировой художественной культуры, о насильственном вытеснении из арсенала художественных средств того нового и ценного, что принесло искусство конца XIX–XX вв. Наиболее значительные произведения из числа созданных в эти годы и без большого замедления увидевших свет, как правило, не укладывались в прокрустово ложе схем нормативной эстетики, не отвечали ни содержательным установкам, ни формальным канонам. Тем самым, они, как роман Т.Дери "Ответ", его же рассказ "Белый мотылек", новелла И.Эркеня "Лиловые черни^{ла}" давали повод для самой разнузданной критики, направляемой сверху и не гнушавшейся серьезных политических обвинений.

Бульварный характер господствующих концепций художественной культуры проявился в начале 50-х гг. не только в попытках воздействия на текущие творческие процессы, но и в отношении к культурному наследию. Хотя Д.Лукач в начале 1950-х гг. и подвергся остракизму, идеологи культурной политики ВПГ так и не могли полностью освободиться от влияния его идей. Более того, при разработке своей концепции культурного наследия они нередко шли по пути абсолютизации, доведения до логического завершения, подчас до абсурда наиболее уязвимых мест теории Лукача. Так, весь обширный период в развитии западноевропейской художественной культуры начиная с последней трети XIX в. расценивался как полоса тотального упадка и деградации литературы и искусства, на фоне которых выделяются лишь про-

изведения художников, связанных с коммунистическим движением /или, во всяком случае, близких ему/. Статья, посвященная современной американской литературе, гласила: "Такие писатели, как Стейнбек, Хемингуэй, С. Льюис, Э. Синклер, Койдуэлл... верно угождают вкусам и требованиям своих покровителей, но ничего значимого с литературной точки зрения не могли создать"⁴⁹. Это утверждение однако вступало в острое противоречие с реальными фактами.

Недооценка эстетических и переоценка идейных критериев, предельно узкое понимание реалистического метода характеризовали и отношение к национальной культурной традиции. По инициативе Хорвата на рубеже 40-50-х гг. выдвигается лозунг "Наше знамя - Петёфи"⁵⁰. Основанием для этого послужила не только революционная страстность, но и простота языка, предельная ясность и пластичность образов великого поэта, провозглашенного в это время предтечей "социалистического реализма". Но наследие Петёфи трактовалось односторонне. В нем видели только революционного поэта. Петёфи-лирик оставался на втором плане. Кроме того, биография Петёфи насильственно освобождалась от органически присущих его творческому развитию внутренних душевных конфликтов.

Именем Петёфи иногда попрекали тех венгерских писателей, которые в ту или иную эпоху не смогли занять место в авангарде сил, выступающих за социальный прогресс в марксистском понимании. Крупных художников обвиняли в оторванности от рабочего движения или же в "недостаточно органичном слиянии" с ним по причине идейно-мировоззренческой "незрелости" /такой упрек ставился даже А. Йожефу и Дерковичу, преследовавшимся при хортизме за участие в коммунистическом движении/. Из активного наследия в начале 50-х гг. выключаются целые пласты национального культурного достояния - прежде всего, творчество крупных художников, работавших в конце XIX - первой половине XX в. /живописцев П. Сивей Мерше, Л. Меднянски, Т. Чонтвари, Й. Риппл Ронаи, писателей М. Бабича, Д. Костолани, Д. Круди, Ф. Каринти и др./. Руководителей культурной политики не устраи-

вали либо позиция общечеловеческого, в трактовке тех лет "внеклассового" и следовательно "буржуазного" гуманизма, присущая этим художникам, либо использование стилевых форм, противоречащих нормативной эстетике "социалистического реализма", либо и то, и другое. Только с середины 50-х гг. началось медленное возвращение многих имен, составляющих гордость венгерской национальной культуры.

Глубокий кризис, охвативший творческую жизнь Венгрии в начале 50-х гг., оказался настолько явным, что еще до поворотного июньского пленума ЦР ВПТ 1953 г. руководители культурной политики предприняли первые, очень робкие и непоследовательные попытки пересмотреть некоторые чересчур упрощенные представления о специфике художественного творчества, границах образного освоения действительности, выборе художественных средств. Под лозунгом "борьбы со схематизмом" прошел в 1951 г. съезд венгерских писателей. "Реалим нашего социалистического строительства намного сложнее, чем та картина, которую дает о них литература", - был вынужден признать Ревац⁵¹. За преодоление схематизма так или иначе высказались все, кто находился в центре литературной жизни тех лет. И все-таки непоследовательные, носившие кампанейский характер корректировки не изменили сколько-нибудь существенно положения дел в художественной культуре, поскольку исходные позиции официальной эстетической платформы коренным образом не менялись. Пропагандистское предназначение художественной деятельности, изображение жизни исключительно в формах самой жизни, нравственная стерильность положительного героя, иерархия тем в зависимости от политической конъюнктуры по-прежнему подразумевались, и уже это препятствовало стремлениям писателей и деятелей искусств создавать художественные образы "из плоти и крови". Поворот к принципиально новым тенденциям в развитии художественной культуры /как и всего венгерского общества/ начался только с лета 1953 г.

ГЛАВА VI. ОТ "ОТТЕПЕЛИ" К НОВЫМ "ЗАМОРОЗКАМ".
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНГРИИ В 1953-1955 гг.

В 1952-1953 гг. венгерская экономика переживала серьезные трудности. Далеко отставали от запланированных показатели основных отраслей индустрии. Снижался национальный доход, росли цены, происходило падение жизненного уровня населения. Политика, направленная на искусственное ограничение мелкого товаропроизводителя, принудительное вовлечение крестьян в кооперативы, не только вызывала недовольство в крестьянской среде, но и обостряла продовольственную проблему, поскольку лишенный стимула материальной заинтересованности крестьянин-единоличник начинал сворачивать производство.

Большие экономические неудачи начала 1950-х гг. все настоятельнее требовали отказа от идеи форсированного "построения социализма", составления планов, основанных на реалистической оценке исходной ситуации, возврата к более демократическим принципам организации внутривнутриполитической жизни. Сложное положение в экономике, равно как и ряд внешних обстоятельств /смерть Сталина, июньские события 1953 г. в ГДР/ вынудили Ракоши и его ближайшее окружение пойти на компромисс с теми силами внутри партии, которые с весны 1953 г. все активнее выступали за пересмотр политико-экономической стратегии.

27-28 июня 1953 г. состоялся пленум ЦК ВПГ, с которым наметился поворот в политике партии. Пленум признал ошибочным курс на форсирование индустриализации. Впервые подвергнутый острой критике Ракоши был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров, продолжая однако стоять во главе партии. Назначенный на его место Имре Надь выступил 4 июля с изложением новой экономической программы^х.

^х Имре Надь /1896-1958/ был известным экономистом-аграрником и видным деятелем ВКП начиная с 20-х гг. Среди других венгерских интернационалистов /бывших военно-

"Передышка, снижение темпов развития тяжелой индустрии ... и в то же время быстрое и крупномасштабное развитие сельского хозяйства составляют в совокупности наиболее характерные черты нового этапа" – отмечалось в партийных документах. Теперь "центральным вопросом для нас стало быстрое развитие сельского хозяйства, ... постоянное улучшение жизненного уровня трудящихся"¹. Запланированные в начале 50-х гг. показатели развития тяжелой промышленности были резко снижены, в то же время было намечено расширить объем капиталовложений в легкую индустрию и сельское хозяйство.

Новая экономическая политика предполагала материальное содействие мелким крестьянским хозяйствам, соблюдение демократических норм при организации кооперативов, обеспечение за крестьянами права свободного выхода из них. "Народная демократия ни из экономических, ни из политических соображений не может отказаться от ... укрепления союза с середняком", – справедливо указывал И. Надь². В документах отмечалась преемственность нового курса тому, который проводился ВКП до поворота 1948–1949 гг. "Мы возвращаемся к чрезмерно быстро перешагнутому нами этапу НЭПа, причем это означает отнюдь не сдачу "завоеванных позиций". Речь идет об ином, "относительно спокойном, безболезненном пути построения социализма. Мы ясно видели эту возможность уже в 1946 г., ... но позднее забыли о ней и, оставив без внимания особенности собственного развития, подменили использование опыта Советского Союза механическим копированием этого опыта"³. Таким образом,

пленных/ участвовал в гражданской войне в Советской России. Возвратившись в 20-е гг. в хорватскую Венгрию, подвергался арестам за революционную деятельность. В 1930–1945 гг. жил в СССР, одно время работал в Международном аграрном институте в Москве. В 1945 г. был министром земледелия во время аграрной реформы, в последующие годы занимал другие ответственные посты. В 1949 г. был выведен из Политбюро за "правоуклонистские" взгляды, затем, в 1951 г. восстановлен.

начиная с июньского пленума 1953 г. была предпринята попытка восстановить ту традицию в идеологии и политике компартии, которая делала акцент на необходимости медленного, безболезненного, нефорсированного продвижения к социализму. Не удивительно, что инициатором в этом выступил в партийном руководстве именно И.Надь, человек, хотя и несший определенную долю ответственности за действия режима Ракоши в начале 50-х гг., но всегда отличавшийся неортодоксальными взглядами на вопросы развития сельского хозяйства, неоднократно подвергавшийся за это серьезным "проработкам".

Внутриполитическая программа правительства И.Надя также во многом противостояла лево-сектантским доктринам предшествующего периода. В первую очередь, это касалось отношения к Отечественному народному фронту. Активизация деятельности его позволила бы, по мнению И.Надя, наладить более совершенный механизм представительства в политической жизни непролетарских социальных слоев, компенсировать отсутствие крестьянской партии. ВПТ, возникшую в результате объединения двух рабочих партий, И.Надь считал не более, чем выразителем узкоклассовых интересов пролетариата, который "не может подчинять всеобщие интересы нации своим классовым интересам"⁴.

Курс июньского пленума, бесспорно, открыл пути для преодоления наиболее вопиющих негативных явлений в экономике. Характерно и то, что за расширением экономических свобод начали проявляться и первые признаки идейно-политической "оттепели" - медленно, но неостановимо происходил процесс восстановления законности, в 1954 г. активизировалась деятельность общественных организаций. Вместе с тем решения пленума носили половинчатый характер. Виновники серьезных преступлений /за небольшим исключением/ остались на руководящих постах. Оттягивался пересмотр "концепционных" процессов 1949-1951 гг. О явном нежелании Ракоши порвать с прежним курсом лучше всего свидетельствовало его выступление на III съезде ВПТ /май 1954 г./, в котором он пытался представить дело так, буд-

то процесс преодоления "ошибок" уже завершен, задачи подъема жизненного уровня уже не стоят со всей остротой и не требуют кардинальных реформ экономического механизма⁵. Вместе с тем стремление удержаться у власти заставило Ракоши и его сторонников пойти на компромисс с И.Надем, представлявшим совсем иную концепцию социализма.

Июньский пленум вызвал не так уж и много непосредственных откликов в рядах творческой интеллигенции. Но по мере того, как в последующие месяцы поворот ВКП к более взвешенной, реалистической политике обозначался все более отчетливо, выжидание начинает сменяться поддержкой реформаторских тенденций⁶. Стремление осознать происходящие перемены сопровождалось попытками по-новому взглянуть и на общественное предназначение труда художника. Как писал И.Эркень, теперь "писатель может писать без приукрашивания ... именно он, и никто другой отвечает за написанное им; он получает право на эксперименты, без которых невозможно повышение мастерства, перестает быть всего лишь адлюстратором"⁷.

Со стороны руководителей культурной политики реакция на перемены была менее решительной, чем в творческих кругах. Лиц, виновных в допущенных искажениях, отличало явное стремление снять с себя ответственность. В этой связи характерно выступление И.Резая весной 1954 г. "Верно, что перегибы были в этой сфере, — писал он, — но они были неизбежны в тот период ... После переломного года было оправданным применение административных мер в целях подрыва позиций буржуазии на идеологическом фронте, выбивания почвы у врага из-под ног ... Мы можем сейчас предоставить литературе больше свободы только потому, что после переломного года в противовес анархии коалиционного периода укрепляли позиции наших идей твердой рукой"⁸.

Наряду с явным стремлением обелить себя в словах Резая проглядывало и нечто иное: становилось ясно, что непригодность в новых условиях прежней концепции культурной политики, необходимость ее пересмотра осознавались уже

и в верхних эшелонах партии. Как ответ на новые требования идеологические органы ВПТ готовят новую программу политики в отношении творческой интеллигенции, в сжатом виде опубликованную в прессе. В ней говорилось о необходимости уважать творческую индивидуальность писателя, исключать из литературной жизни "всякого рода бюрократизм, который видит в писателе ... лишь иллюстратора и тем самым ... парализует его творческие силы"⁹. "Больше свободы и самостоятельности предоставить творческим работникам" обещал и III съезд ВПТ /май 1954 г./¹⁰.

Эти обещания не были чистой демагогией. В 1954 г. правительство И.Надя, действительно, приняло ряд мер по децентрализации управления культурой. В ведение местных советов, а также профсоюзов, общественных организаций в это время переходят многие кинотеатры, клубы, дома культуры, библиотеки, выставочные залы, музеи, ранее подчинявшиеся непосредственно министерству¹¹. Ослабление контроля центральных органов, безусловно, благоприятствовало проявлению местной инициативы, способствовало оживлению культурной жизни.

Постепенная либерализация внутривластной жизни отразилась на положении дел во всех областях художественной культуры. В архитектуре намечается тенденция к преодолению неоклассических штампов. Основные искания архитектурной мысли направляются отныне не на пропаганду незыблемости "нового строя" посредством декоративной символики, а на решение проблем жилищного строительства. Плодотворно работают /и активнее, чем в начале 50-х гг., выставляются/ ведущие живописцы и скульпторы - Ф.Медведеви, Б.Цобел, Б.Ференци, Т.Вилт, П.Патцаи, А.Бернат, И.Сёни, Е.Барчаи, Е.Керени, Э.Доменовски. Высоким художественным уровнем отличаются театральные постановки режиссера Э.Геллерта в Национальном театре. Писатели и кинематографисты активнее обращаются к освоению ранее запретных тем, раскрытию на современном материале острых социальных и моральных конфликтов, неизбежно сопровождающих ломку старого, рождение нового общества. В прозе Дери

/"Ники"/. ряде фильмов З.Фабри, З.Варкони и других режиссеров эта тенденция приводит к художественным удачам, ярко контрастировавшим с бесконфликтным искусством предшествующих лет. Возрождается сатирический жанр в литературе /Л.Вереш и др./. Окончательно возвращаются на авансцену литературной жизни крупные писатели, ранее вытесненные с нее, в частности, Л.Немет и А.Тамаш. Выход в 1956 г. нового романа Л.Немета "Эстер Эгетё" становится событием литературной жизни. Помимо этого Немет /как и другой классик венгерской литературы - Д.Ийеш/ активно обращается в середине 50-х гг. к исторической драме, осмыслению на различном историческом материале извечного конфликта между жадной властью и чувством ответственности перед людьми. В прозе, где в предшествующие годы возобладала производственная тематика, происходит теперь расширение тематического диапазона, все отчетливее проявляется тяга к изображению личной жизни, осмыслению бытовых проблем /И.Шаркади и др./. В поэзии молодого поколения постепенно преодолевается нарочитая повествовательность и декларативность.

Обращение литературы к опыту минувшей войны, извлечение ее уроков все больше сопровождается стремлением выразить психологию рядового участника событий, что приводит к подрыву позиций прежних псевдоэпических форм, претендовавших на воссоздание всей панорамы боевых действий и жертвовавших ради этого глубинным раскрытием индивидуальных характеров. Значительные художественные достижения на этом пути последовали однако лишь позже. Развивается жанр очерка, обращенного к сельской тематике и продолжающего традиции социографии 30-х гг. Для всех видов искусства ставятся характерными экспериментирование в области формы, поиски новых средств, способных выразить драматические коллизии эпохи. Именно на середину 50-х гг. приходится возникновение многих стилистических тенденций, которые получили свое полнокровное воплощение в кинематографе, литературе, театре, живописи, скульптуре, музыке 60-х гг.

Начиная с 1954 г. повышается и политическая активность творческой интеллигенции. Решимость значительной части литераторов бороться за воплощение идей июньского пленума продемонстрировала бурная дискуссия осенью 1954 г. Попытка И. Дарваша, сменившего Я. Ревва на посту министра народного просвещения, упрекнуть современную литературу в господстве натуралистических тенденций, вызывает шквал эмоций. "Тезис об опасности натурализма проистекает из боязни обращения к действительности. Бесконечные попреки чреваты только тем, что могут отвлекать внимание писателя от его первейшей обязанности - раскрытия действительности", - утверждал на одном из активов своего творческого Союза писатель Т. Барань¹². Широкое распространение получает лозунг Т. Дери "нужно говорить правду, не принимая во внимание все остальное". Дарваш был вынужден признать односторонность своего выступления, хотя и продолжал упорно указывать на две "опасности" - "слева", исходящую от сторонников возврата к жесткому курсу, и "справа". В последней он видел естественное для многих интеллигентов стремление поставить под сомнение правомерность курса на социализм как общество посткапиталистического типа. События, развернувшиеся в последующие месяцы, показали, что главная угроза национальным интересам исходила, несомненно, от сталинистской линии, хотя и несколько приглушенной после июньского пленума, но жаждавшей реванша.

Начавшийся летом 1953 г. процесс демократизации так и не смог развернуться в полную силу, стать необратимым. Используя естественные экономические затруднения, вызванные изменением структуры производства, играя на недовольстве населения ростом цен, возникновением временных дефицитов и другими негативными явлениями, неизбежно сопутствующими переходу, пускай только начатому и очень неполному, к рыночным формам хозяйствования, Ракоши и его окружение предприняли весной 1955 г. контрнаступление. В марте И. Надь был отстранен со своего поста. Ответственность за пробуксовку экономических реформ целиком

была возложена на него. Кратковременная "оттепель" сменилась новым похолоданием": ужесточилась цензура в печати и театральном деле, были свернуты дискуссии по актуальным экономическим проблемам, в ряде публикаций реанимируется сталинский тезис об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму¹³. Все это не могло не вызвать острого недовольства и разочарования. Особенно явно эти настроения проявились в середине 1950-х гг. именно в творческой среде, прежде всего среди литераторов.

Почему именно творческая интеллигенция /писатели, публицисты, представители гуманитарного знания/ становится в это время авангардом сил, выступающих за обновление? Известно, что в Венгрии, как и во многих других странах Восточной Европы, существовала давняя традиция участия творческой интеллигенции в общественной жизни. Но, принимая во внимание традицию, было бы неверным сводить все только лишь к ней. Для того, чтобы традиция заработала на полную мощь, должна сложиться благоприятная для нее социально-политическая атмосфера. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о политической системе общества сталинского типа, ее кризисе, обозначившемся в середине 1950-х гг. При отсутствии развитой системы демократических институтов многие социальные слои не имеют возможности представлять свои интересы путем непосредственного волеизъявления. Малоэффективными в условиях господства авторитарной власти оказываются и различные формы парламентского представительства, как правило, при отсутствии подлинно демократических избирательных процедур вербующиеся из числа ставленников верхов. Функции истинных посланников низов, рупоров социальных /в том числе узкогрупповых/ интересов легче всего могут взять на себя в этих условиях органы прессы как наиболее мобильного, динамичного института, быстрее других реагирующего на изменение духовного климата в обществе, в большей степени, чем другие институты, способного /даже в обстановке жесткого цензурного произвола/ пробить брешь в стене тотального единомыслия, выйти из-под контроля

сверху. В условиях венгерской "оттепели" середины 1950-х гг. чаще всего именно пресса брала на себя роль перво-проходца в борьбе за демократию, вокруг печатных изданий /таких, как еженедельник "Ародалми уйшаг", журнал "Лювелт неп", молодежное издание "Сабад ифйушаг" и др./ формировались общественные движения, имели писателей и публицистов, отстаивающих оппозиционные взгляды, сразу становились известными широкой общественности. В конкретных условиях Венгрии 50-х гг. сыграл свою роль и еще один фактор. Характерно, что расклад неформальных группировок в Союзе писателей Венгрии в эти годы довольно точно отражал социальную структуру венгерского общества, так что эта организация была своеобразной системой представительства интересов различных социальных слоев, своего рода "народным фронтом в миниатюре" /по выражению Ф.Фейтё/¹⁴. Если "народные писатели", в середине 50-х гг. вновь заявившие о себе как особая группа, были известны как идеологи крестьянских движений, то политически активная часть урбанистов неизменно претендовала на выражение интересов городских средних слоев. Традиционно существовали и группировки пролетарских писателей. Никакие реформы начала 50-х гг. не могли ликвидировать существовавшего расклада группировок в писательской среде, в отдельных выступлениях 1954–1955 гг. уже проявляются отзвуки старых споров, в это же время наблюдаются попытки бывших народников, урбанистов, пролетарских писателей социал-демократической ориентации подорвать казавшийся неизблемым монолит единой "партийной" литературы, преодолеть искусственную нивелировку идейно-мировоззренческих противоречий, снова конституироваться в особые направления как по идейному, так и по творческому, стилевому принципам. Тем самым сохранялась и способность Союза писателей выступать как своего рода представительный орган, объединяющий выразителей интересов всех основных социальных слоев^x. В силу сложившихся обстоя-

^x Говоря об отзвуках прежних споров о движущих

льств именно большая группа литераторов во главе с Т.Дери осенью 1955 г. попыталась заполнить политический вакуум, взять на себя функции если пока еще не политической оппозиции, то по крайней мере главного критика авторитарных, антидемократических тенденций, исходивших от лидеров ВПТ.

Позицию реформистски настроенных писателей отличало естественное стремление подтолкнуть ЦР ВПТ к коренному пересмотру догматических установок, компрометирующих творческий характер марксизма. "До тех пор, пока наша критика всей своей тяжестью направлена против отдельных лиц, ошибочной политической практики и не исследует строго марксистско-ленинскими методами, нет ли определенных ошибок в системе наших идей, до тех пор мы неизбежно будем достигать лишь того скудного итога, что одно зло сменяется другим, меньшим злом" - заявлял Т.Дери, отнюдь не переставший считать себя марксистом и приверженцем социалистической идеи¹⁵. Главной своей задачей Дери и его окружение считали защиту решений июньского пленума 1953 г., противодействие попыткам возврата к курсу начала 50-х гг. Большое внимание уделялось ими критике экономической политики Ракоши в период форсированной индустриализации. Дери указывал на необходимость выработки целого комплекса мер /экономических, политико-идеологических/, гарантирующих необратимость движения к совершенно иной модели социализма, ставящей во главу угла интересы не государства, а личности.

Активизация демократического движения в среде литературной интеллигенции пришлось на осенние месяцы 1955 г.

силах развития нации, надо все же подчеркнуть, что эти споры не могли иметь прежней остроты. Теперь "народных писателей" и урбанистов гораздо больше объединяло, чем разъединяло: и те и другие имели общего противника - сталинизм. Вопрос о дальнейших путях развития мог стать актуальным только после победы над "главным врагом".

Толчок выступлениям литераторов дал ряд "драконовых мер", принятых правительством — изъятие номера газеты союза писателей "Ирдалми уйшаг" от 17 сентября, содержавшего несколько острых публикаций; увольнение редактора этой газеты Д.Хамоша; снятие со сцены в Национальном театре поставленной после 10-летнего перерыва "Трагедии человека" И.Мадача, классического произведения венгерской романтической драматургии XIX в., содержащего в себе критику уравнилельных тенденций в концепциях утопического социализма^х. Среди других правительственных мер, вызвавших закономерное недовольство творческой интеллигенции, надо назвать запрещение постановки пьесы Л.Немета "Галилей", затягивание с публикацией его же нового романа, а также ряда произведений других авторов. Поскольку первоначально робкие выступления писателей в защиту своего права критиковать негативные социальные явления не принесли в предшествующие месяцы серьезного эффекта, в октябре — ноябре группа литераторов решается на более смелый шаг. Правительству предъявляется составленный в ультимативной форме меморандум, содержащий в себе протест против отступления в марте 1955 г. от курса июньского пленума ЦР ВПГ.

^х Лукач, критически относившийся к знаменитой трагедии Мадача, делал упор в своей критике на скептическое отношение драматурга к идее прогресса (16). Большинство же участников "дискуссии" вокруг Мадача, развязанной в связи с постановкой и последующим запрещением его пьесы, меньше всего ставило своей задачей дать углубленный историко-философский анализ "Трагедии человека". Они были движимы более прагматическим стремлением, пытались вопреки всем очевидному доказать, что социалистический фаланстер у Мадача, где художник с талантом Микеланджело вынужден мастерить табуретки, не имеет ничего общего с реалиями современной Венгрии, а сама трагедия есть либо рязный пасквиль "на социалистическую идею, либо, в лучшем с учае плод заблуждений талантливого, но "буржуазно-ограниченного" художника.

Надо сказать, что Дери и его окружение отличало стремление вступить в диалог с руководством партии в целях совместной выработки политического курса. При этом писательская группа опять-таки исходила из осознания своей особой миссии в обществе, своего права на выражение общенародных интересов. "Представители писателей должны встретиться с представителями правительства и разработать программу действий", - заявлял Т.Дери¹⁷. Но согласия на диалог и сотрудничество не последовало. Ясно, что по причине слабости своих идейных позиций, обусловленной непреодолимым разрывом между сталинскими догмами и реалиями сложившейся в ВНР обстановки, группа Ракоши никак не могла рассчитывать на успех в дискуссиях с критиками своего курса. Единственным средством пресечь неугодные взгляды оставалось дальнейшее администрирование. В декабре 1955г. принимается партийное постановление "О правых явлениях в литературной жизни", выполненное, как обычно, в чернобелых тонах, содержащее малоубедительные обвинения писателей в ревизионизме, подрыве устоев и т.д.¹⁸

Линия на ужесточение проявилась в те же месяцы и в других областях культуры. Следует особо сказать о школьной политике. Провозглашенный правительством И.Надя летом 1953 г. новый курс затронул и систему подготовки кадров. В 1953-1954 гг. были пересмотрены завышенные показатели по подготовке специалистов для тяжелой индустрии, приняты меры по преодолению чрезмерно узкой специализации в вузах, не позволявшей дипломированным специалистам /в частности, инженерам/ работать по иной, пусть даже очень близкой, смежной специализации. Совершенствовались учебные пособия. Набор в вузы уже в 1953 г. сократился по сравнению с предыдущим годом¹⁹. Происходил отсев слабых учащихся. Общее число студентов в 1953/1954 учебном году уменьшилось на 30-35%²⁰, причем менялся и социальный состав студенчества.

Удельный вес рабочих и крестьян, доведенный прежде в вузах до 65-70%, уменьшился. Но с устраниением Имре Надя предпринимается попятное движение.

Постановление о работе высшей школы /иринь 1955 г./ призывало "положить конец гнилому либерализму" в отношении бывших эксплуататорских классов²¹, как и несколькими годами ранее происходят массовые исключения учащихся из вузов исключительно по мотивам социально-классового происхождения. А увлекшись борьбой за выявление социально чуждых элементов, правительство приостанавливает реформы, направленные на совершенствование учебного процесса. Так, постановление Госсовета о средних школах, нацеленное на сближение процесса обучения с производством, оставалось лишь на бумаге. Не решались насущные проблемы, связанные с нехваткой кадров для легкой промышленности, здравоохранения. Мало заботы проявлялось о материальном положении студентов.

Надо сказать, что сокращение за два года численности студентов на одну треть и более было слишком резким, не во всем продуманным, и частичную ответственность за это несло правительство И.Надя. Характерно, что тогдашний министр народного образования академик Т.Эрдей-Груз указывал на неоправданный характер планов Совета Министров о столь значительном сокращении студенчества и учащихся техникумов, несоответствии этой меры потребностям экономического развития в самой близкой перспективе. "Есть опасность, что через 5 - 6 лет мы будем иметь специалистов гораздо меньше необходимого", - предупреждал он²². Еще более усугубила ситуацию кампания 1955 г. по удалению из высшей школы "классового врага". Школьная политика середины 1950-х гг. повлекла за собой серьезные социальные диспропорции. Увеличилось число временно нетрудоустроенных, по сути дела люмпенских элементов, часть которых вела антиобщественный образ жизни. Остро недовольная своим общественным положением, эта категория молодежи составила питательную почву для восприятия призывов к борьбе против существующего строя. Известно, что многие ее представители в октябрьские дни 1956 г. устремились на баррикады.

Таким образом, в 1955 г. Ракоши и его окружение пре-

дприняли курс на ограничение демократии, восстановление сталинских норм внутривполитической жизни. Недовольство этим курсом как среди интеллигенции, так и в самых широких массах, с каждым месяцем становилось все сильнее, грозя обернуться резким обострением ситуации. В атмосфере все возрастающего накала внутривполитической обстановки, в феврале 1956 г. делегация ВПТ во главе с ее лидером М.Ракоши выехала в Москву для участия в работе XX съезда КПСС.

ГЛАВА УП. "ЗА ПОДЛИННЫЙ, ГУМАННЫЙ СОЦИАЛИЗМ!" СОБЫТИЯ 1956 ГОДА И КУЛЬТУРА

Решения XX съезда КПСС были восприняты Ракоши и его сторонниками не как начало коренного поворота в стратегии и тактике международного коммунистического движения, не как разрыв с сектантскими методами, компрометирующими идею социализма, а прежде всего как свидетельство временного ослабления собственных позиций, знак необходимости вынужденного отступления в целях перегруппировки сил и последующего контрнаступления. Весной 1956 г. генсек и его окружение стремились во что бы то ни стало оправдать свой прежний курс, затушевать принципиальные противоречия между собственными методами и идеями XX съезда, предельно ослабить тот резонанс, который это событие неизбежно должно было вызвать в Венгрии, как и во всем мире. Об этом свидетельствовало, в частности, выступление Ракоши на мартовском пленуме ЦР ВПТ. "В ходе работы XX съезда, — заявил он, — мы пришли к выводу, что генеральная линия нашей партии во всех отношениях является правильной, и ту политику, которую нашла Центральное Руководство определило в своем мартовском решении прошлого года /речь идет о пленуме, отстранившем И.Надя от руководящих должностей.— А.С./, следует усиленно продолжать"¹. Генеральный секретарь стремился также создать в общественном мнении иллюзию о ВПТ как о прочном, крепком монолите, лишенном внутренних противоречий. "Наша партия, — говорил он, — сильна и едина"². Для большинства людей, однако, были очевидными как явное нежелание Ракоши пойти на самый минимум демократических уступок, так и наличие в самой правящей партии серьезных идейных разногласий. Нельзя не согласиться с оценкой, сделанной кадаровским руководством на УП съезде ВСРП в 1959 г.³: "В марте 1956 г. поло-

¹ С созданием ВСРП была изменена нумерация партийных съездов. Отныне наряду с тремя съездами ВПТ /включая первый, объединительный 1948 г. учитывались три съезда ВКП до объединения с социал-демократами /1925, 1930 и 1946 г./.

жение стало критическим. Тогдашнее партийное руководство оказалось неспособно воспользоваться той колоссальной идейной помощью, которая была предоставлена историческим XX съездом КПСС всему международному коммунистическому движению, в том числе и венгерским коммунистам³.

Импульс, полученный из Москвы, не прошел, однако, бесследно. Не получив должного отклика в партийных верхах, он в то же время вызвал к жизни активизацию духовных исканий интеллигенции, поиски более оптимальных моделей общественного развития. Как и в предыдущие месяцы, весной 1956 г. основной авансценой идейной борьбы была литературная жизнь. Бурные отклики вызвала статья драматурга и критика Д.Хая в одном из майских номеров еженедельника "Иродалми уйшаг". Защищая право писателя на независимость своей позиции от официальных установок, Хай отмечал, что свобода творчества невозможна без политической демократизации, правового обеспечения принципа гласности. "Литература не живет обособленной жизнью, — писал он, — Если в нашей общественной жизни ... не произойдет коренных изменений, не начнется оздоровление под знаком идеалов XX съезда, тогда окажутся напрасными самые лучшие постановления в области литературы"⁴. Довольно смелое по тем временам, выступление Д.Хая инспирировало острые нападки консервативных литераторов /в частности, Ш.Гергея/, поддержанных в верхнем эшелоне партии⁵. Но голоса в защиту драматурга оказались все же сильнее. В "Иродалми уйшаг", других изданиях появляется целый ряд публикаций, авторы которых задаются целью освободить марксистскую эстетику от догматических наслоений, по-новому взглянуть на взаимоотношения писателя и власти⁶. Спор о свободе критики, свободе творчества, духовном плюрализме достиг своего апогея 27 июня в ходе дискуссии о печати, организованной кружком имени Петёфи, функционировавшим еще с конца 1955 г. в качестве органа политпросвещения в системе Союза трудящейся молодежи Венгрии. Участники этой дискуссии /Т.Дери и др./ выступили за отказ от чрезмерной централизации в информационной деятельности, передачу

части печатных органов в распоряжение общественных организаций, чтобы пресса и книжное дело превратились в подлинный рупор народной воли.

В конце мая – июне 1956 г. именно кружок Петефи становится эпицентром движения за демократическое обновление Венгрии. За месяц с небольшим здесь состоялось около десятка дискуссий, посвященных актуальным проблемам экономики, политических реформ, положению дел в идеологии, философии, гуманитарных науках, искусстве. Эти дискуссии неизменно привлекали весь цвет гуманитарной и творческой интеллигенции, собирали огромную аудиторию – до нескольких сот /в дискуссия о свободе печати более тысячи/ человек⁷. В советской /в отчасти и в венгерской/ историографии долгое время существовала устойчивая традиция оценивать дискуссии кружка им. Петефи как "ревизионистскую вылазку", ставшую важным звеном в процессе идейной подготовки "октябрьского путча"⁸. Поэтому столь важно непредвзятое рассмотрение материалов этих дискуссий. Конкретный анализ показывает, что подавляющее большинство их участников выступало с марксистских позиций, многие не уставали подчеркивать свою приверженность социалистическим идеалам, учению Маркса и "продолжателя его дела" Ленина как "наивысшему образцу" коммунистической идеологии. Весь пафос ораторов направлялся на обоснование возможности гуманного, демократического социализма, в равной мере противопоставлявшегося и западной буржуазной демократии, и антидемократическому социализму сталинского типа. Ни социал-демократический реформизм, ни тем более либерализм, христианско-демократическая доктрина, другие влиятельные несоциалистические идеологии XX в. в этих дискуссиях практически не были представлены. Из немарксистских идейных течений только идеология сторонников "крестьянского социализма" нашла определенный отклик у выступавших /тезис об особом призвании крестьянства, его до сих пор недооцененной роли в историческом процессе, о своеобразии венгерского социализма именно как социализма в идеале своем "крестьянского", ориентированного на приоритетное развитие

села и предполагающего возрождение традиционных институтов типа общины, получил немалый отклик, в частности, на встрече выпускников "народных коллегий", организованной летом 1956 г. кружком Петёфи/. Весьма характерно, что среди активистов многих дискуссий преобладали коммунисты с большим партийным стажем, те кто, подобно Т.Дери или Д.Хав вступил в компартию по своим убеждениям задолго до 1948 г.

На большинстве из дискуссий речь шла, главным образом, о преодолении лишь наиболее вопиющих искажений, связанных со сталинизмом. Так, на дискуссии о задачах исторической науки ставился как актуальный для современной историографии вопрос об элементарном признании роли западных союзников в борьбе с фашизмом /в начале 50-х гг. ракошистская историография вслед за советской оценивала их чуть ли не как скрытых пособников Гитлера/. Затрагивался также вопрос о необходимости более дифференцированного отношения к венгерской социал-демократии, где наряду с "ревизионистским" неизменно проявляло себя и "революционное" крыло. Весьма робко говорилось о сектантстве в коммунистическом движении 20-30-х гг., о восстановлении справедливости в отношении тех, кто как поэт А.Йожеф, исключался из партии за критику сектантской практики. Никто не пытался подвергнуть сомнению сложившиеся стереотипы об авангардной роли ВКП в антифашистской борьбе и в демократических процессах 1945-1947 гг. о том, что установление диктатуры пролетариата явилось шагом вперед в сравнении с коалиционной демократией 1945-1948 гг. Наиболее смелым было, пожалуй, выступление историка Л.Жигмонда, который возложил на Сталина и Коминформ некоторую часть ответственности за ухудшения международной обстановки в конце 1940-х гг. Главную задачу, стоящую перед наукой, историки видели в освобождении от догматизма, совершенствовании марксистской методологии, заполнении "белых пятен" в национальной истории. Из старых историков-марксистов только Э.Андич увидела в выступлениях некоторых молодых коллег "опасное", с ее точки зрения, стремление реаними-

ровать отдельные методологические подходы, выработанные немарксистской историографией. Но и она, и другие историки-марксисты первого призыва /Э.Мольнар, А.Мод, Д.Немеш/ в то время оценили дискуссию как позитивное явление, способствующее высвобождению венгерской исторической науки из мертвящих оков сталинской ортодоксии. Официальное отношение к дискуссии изменилось лишь после октября - ноября 1956 г., когда утвердившемуся на советских штыках правительству приходилось задним числом выискивать факты "подрывной" антигосударственной деятельности "ревизионистов".

Глубокий кризис официальной интерпретации марксизма, все более явно обозначившийся на волне XX съезда КПСС, требовал от руководства страны решительного пересмотра прежней стратегии, поворота к принципиальному обновлению всей концепции социалистического строительства. Но сталинистские силы по-прежнему задавали тон в партийных верхах, и это не дало возможности своевременно разрешить накопившиеся идеологические противоречия дискуссионным путем, привело к резкому обострению внутриполитической обстановки.

События разворачивались с головокружительной быстротой. 30 июня пленум ЦР ВПТ с традиционных сталинистских позиций осудил "демагогические поползновения" некоторых писателей и публицистов на "руководящую роль" партии, исключил из ВПТ Т.Дери и Т.Тардоша за выступления на дискуссии о печати 27 июня на кружке им. Петёфи. Решением МВД деятельность кружка была приостановлена. В последующие недели, однако, в партийных верхах достигается компромисс между силами, боровшимися за обновление, и некоторыми представителями окружения Ракоши, ради сохранения прежней системы согласившихся пожертвовать своим вождем. 18 - 21 июля состоялся пленум ЦР ВПТ, освободивший Ракоши от обязанностей первого секретаря и кооптировавший в высшие органы партии ряд его политических оппонентов - Я.Кадаря, Д.Каллая, Ф.Мюнниха и др. /некоторые из них в начале 1950-х гг. прошли через репрессии/. Решения пле-

нума не отличались однако последовательностью. Провозгласив борьбу на два фронта – против сектантско-догматической тенденции и против правой опасности, пленум дал весьма расширительную трактовку этой последней, позволившую зачислить в ряды подрывных, антигосударственных сил всех тех, кто решительно требовал коренного демократического реформирования существующей социалистической системы. Многие виновники преступлений прежних лет сохранили ответственные посты. Один из них, Э.Герё, был избран первым секретарем. В его деятельности с самого начала проявилось нежелание идти на глубокие реформы.

В первые недели после пленума преобладали настроения выжидания, но в сентябре, когда стало ясно, что ^{надежды} не подкрепляются реальными делами, вновь активизируются дискуссии в прессе, возобновляет работу кружок им.Петёфи. Пленум Союза писателей от 17 сентября обновил руководство творческого союза, удалив из него консервативно настроенных литераторов и введя ряд последовательных сторонников демократизации. Возглавил Союз писателей Петер Вереш, широко известный в стране публицист-народник и политический деятель популистского склада, до 1948 г. председатель национально-крестьянской партии, занимавший ответственные посты/ в том числе пост министра обороны/ в коалиционных правительствах первых послевоенных лет. Подавляющее большинство выступивших на писательском пленуме сосредоточилось не на литературных, а на политических вопросах, остро дискутировались проблемы гласности, свободы печати, идейного плюрализма. Многие выступления пронизывал пафос идейного и морального обновления марксизма. "Самая справедливая философия не может стать автоматической гарантией против ошибок, заблуждений, нечестных поступков и даже преступлений. Марксист, как и все остальные, должен изо дня в день бороться за правду", – говорил Д.Хай⁹.

Все большую роль в политической жизни играла пресса. Центральные органы печатают острые материалы по самому широкому кругу проблем, выступают с критикой консерватив-

ных сил в партийном руководстве. Наибольший общественный резонанс вызвали публикации о незаконных репрессиях начала 50-х гг., в том числе о процессе по делу Л.Райка. "Мы внезапно осознали, что служили преступным политическим концепциям и были орудием клеветы и обмана. Нас, конечно, обманывали, но это не уменьшает всей тяжести нашей личной ответственности. У некоторых из нас это вызвало глубокое нервное потрясение. Другие же не могли облегчить себе душу даже слезами, они терзались гневом и погружались в самое мрачное отчаяние... Именно этот кризис привел к моральному сплочению писателей на основе торжественного обещания никогда больше не лгать и никогда больше не служить бесчеловечному делу. Говорить правду...". Эти полные эмоций строки из публицистического выступления литератора О.Майора в конце сентября хорошо передают тот глубокий моральный шок, который испытали в те месяцы многие интеллигенты, узнав о подлинных масштабах преступлений режима Ракоши¹⁰. 6 октября состоялось торжественное перезахоронение Л.Райка, собравшее большой митинг демократических сил. Все громче звучали требования о восстановлении справедливости в отношении И.Надя, в середине октября под давлением общественности он был восстановлен в рядах ВПТ.

Как оценивали современники и свидетели тех событий ситуацию, сложившуюся в стране накануне 23 октября? Насколько неожиданным был поворот от митинговых к насильственным формам борьбы за демократию? Интересно в этой связи интервью Д.Лукача, опубликованное в венгерской прессе 14 октября. "Нельзя тешить себя иллюзиями, что сейчас, после 7 - 8 лет отсутствия дискуссий в общественной жизни... за считанные недели возникнут дискуссии, участники которых выступали бы исключительно с марксистских позиций. Сейчас, когда в открытых дискуссиях вновь представлены буржуазные позиции и даже получили право голоса носители крайне правых взглядов... положение делает возможным побороть их в открытом споре при помощи чисто научной методологии. И если ситуация сейчас сложная, то

вовсе не неразрешимая и, приложив усилия, можно исправить ошибки последних 7 – 8 лет при условии, если с должной смелостью и решительностью сделать общие идеологические выводы из решений XX съезда КПСС" II. Лукач верно уловил тот поворот в общественных настроениях, который произошел именно в сентябре–октябре. Если ранее, весной–летом 1956 г. почти над всеми дискуссиями довлело стремление очистить марксизм–ленинизм от позднейших сталинских наслоений, то теперь по мере все большего разочарования масс в ВПТ ситуация несколько изменилась, на первый план выступили приверженцы антисоциалистических взглядов. И все же пафос идейного обновления марксизма продолжал оставаться доминирующим, сторонники социализма "с человеческим лицом" преобладали во всех дискуссиях над противниками социалистического строя.

В сложной внутривнутриполитической обстановке октября 1956 г. лидеры ВПТ во главе с Э.Герё оказались неспособны осуществить тот коренной поворот к демократизации, который мог бы предотвратить соскальзывание к вооруженной конфронтации. Возможности направить ход событий в русло мирного дискуссионного разрешения накопившихся политико-идеологических противоречий так и не были использованы, всеобщему недовольству политикой правящего режима предстояло вылиться в самые острые формы протеста. Предпринятая 23 октября массовая демонстрация в Будапеште в знак солидарности с польскими борцами за обновление социализма не удержалась в рамках мирной митинговой акции. Часть молодежи, вышедшей на улицы, взялась за оружие. Впервые в мировой истории демократическая революция произошла в стране, где был официально декларирован разрыв с капитализмом и переход к созданию общества иного, посткапиталистического /согласно существовавшим представлениям – социалистического/ типа.

Объективный непредвзятый анализ октябрьских событий 1956 г. в Венгрии не оставляет камня на камне от господствовавших на протяжении ряда десятилетий в официальной венгерской и советской историографии представлений о якобы

"изначально контрреволюционным" их характере. Студенты вышли 23 октября на улицы Будапешта под лозунгами демократического обновления социализма, а отнюдь не отказа от идеи социализма как таковой. Отчет рабочей комиссии ЦК ВСРП "Наш исторический путь", опубликованный весной 1989 г., весьма справедливо указал, что "силы возрождения в своих спонтанных поисках пошли гораздо дальше в сравнении с неуверенными и противоречивыми шагами партийного руководства. Студенческая молодежь наряду с требованием символического удаления памятника Сталину, назначения на пост премьер-министра И.Надя, предания суду ответственных за беззакония... требовала вывода советских войск с территории страны, а также восстановления многопартийной системы"¹². Выдвижение лозунгов национального содержания, и в частности, требования о выводе советских войск диктовалось закономерным недовольством венгров статусом своей страны в сложившейся еще при Сталине системе отношений между государствами "социалистического лагеря", ограничением национального суверенитета со стороны СССР во внешнеполитической практике конца 1940-х - середины 1950-х гг. /наиболее характерным свидетельством подобного ограничения, отсутствия подлинного равноправия в отношениях с "восточным соседом" явилось подключение Венгрии к антиюгославской кампании 1948-1953 гг., о которой речь уже шла выше/.

В документе, подготовленном весной 1989 г. реформаторским крылом тогдашней /еще до раскола/ ВСРП, далее отмечалось, что "стремление к переменам стало/в октябрьские дни 1956 г. - А.С./ всеобщим. Сформулированная в различных вариантах программа преобразований, требования сравнительно небольших, но все громче выступавших групп интеллигенции привлекли внимание пока что молчавших, но в основе своей обиженных, урезанных в правах и обделенных народных масс. В решающий момент эти массы, не имея четких представлений, ясности в устремлениях и целях, но полные решимости и однозначного желания перемен, встали на сторону нового". Между тем "власти, утратившие связь с

массами, так долго не хотели вступать в диалог с противостоящими силами, что это нивелировало различия между отдельными общественными группами /в рядах оппозиции - А.С./, объединило их в противостоянии окостеневшему, неспособному к переменам партийному руководству и правительству. Эта политическая лавина практически расколола надвое и саму партию, ... многие ее члены отвернулись от консервативного руководства"¹³. В этой обстановке вечером 23 октября, когда многотысячная толпа хлынула на улицы венгерской столицы и начала строить баррикады, прежнее "оружие критики" сменилось "критикой оружием". Немало масла в огонь подлило и скоропалительное советское вооруженное вмешательство утром 24 октября, оскорбившее национальные чувства венгров, вызвавшее всплеск патриотических настроений и давшее сотням людей основание выступить с оружием в руках теперь уже в защиту национального суверенитета Венгрии. На несколько дней Будапешт стал ареной настоящих боевых действий с применением танков и артиллерии. Их жертвами стала не одна тысяча людей. В огромных масштабах разрушались материальные ценности, так же как и духовные /сильно пострадал при обстреле, в частности, Национальный музей/. Даже многими из тех, кто поначалу выступал среди вдохновителей демократического движения, с течением времени была осознана опасность поворота событий к неуправляемому террору, разгулу экстремизма и насилия. Так, один из идейных вождей "народничества" Ласло Немет в эти дни со страниц свободной революционной прессы предостерегал от возможного повторения "белого террора" 1919-1920 гг., развязанного хортистами после падения Венгерской Советской республики¹⁴. Для проявления подобной озабоченности существовали, действительно, все основания. В октябре 1956 года выплыло на поверхность множество всякого рода экстремистов, прибегнувших к оружию ради наживы, сведения личных счетов, из прочих низменных побуждений. В ряде очагов боевых действий именно они, а не идейные, принципиальные борцы за демократию и национальный суверенитет оказались в центре событий,

определяли их течение". но и у сознательных, убежденных революционеров не было единой позитивной программы. "Разнородный и частично колеблющийся лагерь восставших был единым лишь в стремлении свергнуть и разрушить сталинскую модель социализма. Представления его участников о дальнейших путях расходились", - справедливо отмечено в уже цитировавшемся нами документе начала 1989 г. ¹⁶

24 октября в самый разгар революционных событий венгерское правительство возглавил Имре Надь /требование его возвращения на пост премьер-министра громко звучало в те дни на многотысячных митингах/. Состав правительства менялся. С воссозданием в последние дни октября ряда партий, существовавших в годы коалиции /ПМСХ, НКП, СДПВ/, их представители вошли в кабинет министров, после 8 лет монопартийной диктатуры Венгрия вернулась к коалиционной форме правления.

Новое революционное правительство отличал высокий интеллектуальный потенциал, среди его членов были виднейшие представители венгерской гуманитарной интеллигенции - философ Д.Лукач /на посту министра культуры/, политолог И.Бибо, историк Э.Мольнар, экономист Ф.Эрдеи. Важную роль в новом правительстве играл первый президент послевоенной Венгерской Республики /в 1946-1948 гг./ З.Тилди, член партии мелких сельских хозяев. Как и некоторые другие лидеры этой партии, Тилди прошел через репрессии ре-

X "Никогда в стихии революции ... не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. Принципы демократии годны для мирной жизни... а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре", - писал Н.А.Бердяев (15). Задача дегромантизации революционного насилия не представляется излишней и применительно к венгерской революции 1956 г. - именно сейчас, когда на смену старой, не выдерживающей критики версии о контрреволюционном характере тех событий все больше приходят попытки увидеть в них одно только светлое начало. Едва ли возможна настоящая /не мирная - подобно чехословацкой 1989 г./ революция, по отношению к которой можно было бы говорить о ничем не запятнанной чистоте идеалов.

Има Ракоши и возвратился к политической деятельности только в 1956 г. Ряд заявлений Тилди, сделанных в те дни от имени правительства, дают представление о программе нового кабинета министров. "В политическом плане, - отмечая он, - мы склоняемся к тому, чтобы стать парламентской демократией западного образца, но что касается экономического и социального строя страны, то все партии единодушно считают, что не следует пересматривать ни одной из реформ, осуществленных в послевоенный период. Аграрная реформа представляет собой уже свершившийся факт. Исхолоз, конечно, не будет, но земля останется у крестьян. Банки и шахты останутся национализированными, а заводы по-прежнему будут принадлежать рабочим. Мы осуществили не реставрацию и не контрреволюцию, а революцию"¹⁷. А вот как Тилди представлял себе внешнюю политику новой Венгрии: "Если только будет признан наш нейтралитет, мы не имеем никакого намерения связывать себя с другим блоком и отнюдь не собираемся вступать в НАТО. Нас окружают 4 коммунистических государства, мы должны поддерживать с ними хорошие отношения и, само собой разумеется, тесные экономические связи"¹⁸. Идея о достижении Венгрией нейтралитета /и соответственно о ее возможном выходе из Организации Варшавского Договора/ получила более полное развитие в ряде статей и выступлений самого И.Надя в те дни, впервые опубликованных в 1957 г. на Западе. "Вопросом жизни для таких малых стран, как Венгрия, является правильное определение их места в системе межгосударственных отношений. Необходимо избежать того, чтобы страна стала активным участником столкновения блоков различных держав," - писал премьер-министр¹⁹. Не без давления со стороны лидеров вновь образованных коалиционных партий И.Надь склонился в конце октября к той точке зрения, что участие Венгрии в Организации Варшавского Договора не соответствует ее национальным интересам. Вхождению своей страны в военный союз государств, провозгласивших себя социалистическими, он противопоставил "тесное единение Венгрии с соседними народами в рамках равноправного союза /федера-

ции/ свободных народов"20. Этот предполагаемый политико-экономический союз, призванный защищать интересы малых стран Восточной Европы, быть гарантом их подлинного суверенитета, способности противостоять давлению сверхдержав, не предполагал включить СССР, зато предусматривал вхождение Австрии. Сделанное 31 октября заявление И.Надя о нейтралитете Венгрии явилось именно тем яблоком раздора, которое вызвало серьезный раскол в революционном лагере, поставило недавних союзников по разные стороны баррикад /характерно, что И.Надь и Я.Кадар 31 октября имели между собой серьезных политических разногласий, работая вместе в правительстве/. Некоторые члены кабинета /в их числе был и Д.Лукач/ сразу отрицательно отнеслись к предложению И.Надя, увидев в провозглашении нейтралитета Венгрии явно преждевременную акцию, плохо учитывающую геополитические реалии тогдашней Европы, способную вызвать не только крайне негативную реакцию Советского Союза, но и нарушить политическое равновесие в Центральной Европе, привести к обострению международной напряженности. /Если принять во внимание политические условия того времени, состояние отношений между СССР и западными державами, эти опасения имели под собой немалые основания, решение Надя об отмене членства Венгрии в Организации Варшавского Договора явилось, на наш взгляд, тактической ошибкой этого политика, даже если учесть фактор внутреннего давления – после вторжения советских войск в Венгрию такое требование носило повсеместный характер/.

Но и те члены правительства, которые не соглашались с внешнеполитической доктриной И.Надя, не были едины в своих дальнейших действиях. Некоторые продолжали делать ставку на Надя, считая, что лишь его правительство, пользовавшееся поддержкой повсеместно создаваемых "национальных комитетов", "рабочих советов", других органов народного волеизъявления, способно стабилизировать внутреннюю обстановку /вопрос же о внешнеполитическом выборе для Венгрии получит свое разрешение в ходе соответст-

ствующих переговоров с СССР/. В то же время часть видных деятелей обновленного руководства ВПТ во главе с Я.Кадаром пошла на прямой разрыв с И.Надем, квалифицировав его действия как "предательство" национальных интересов Венгрии. 1 ноября в г.Сольноке была образована новая, Венгерская Социалистическая рабочая партия, носящая оппозиционный по отношению к правительству характер. В эти первые дни ноября обстановка в стране была еще далека от нормализации. На улицах Будапешта и ряда других городов продолжали звучать выстрелы. Кардинал Миндсента, 31 октября освобожденный из заключения восставшим народом, направился из тюрьмы не в Эстергом, а сразу в Будапешт и, захватив бывшую резиденцию Габсбургов, пытался направить ход событий в русло реставрации правоавторитарного режима. Коалиционное демократическое правительство И.Надя Миндсенти объявил столь же незаконным, как и ему предшествовавшее коммунистическое правительство. Никогда не скрывавший своих абсолютистско-монархических пристрастий кардинал в своих выступлениях /в том числе по радио/ призывал венгров не останавливаться на полпути. Однако путь к нормализации обстановки лежал только через консолидацию той власти, которая была установлена волей революционного народа.

Правительство СССР первое время занимало выжидательную позицию. Советские танки еще в конце октября покинули Будапешт. Посещавшие в те дни венгерскую столицу члены советского политического руководства А.И.Микоян, М.А.Суслов, посол Ю.В.Андропов неоднократно заверяли венгерских лидеров о невмешательстве СССР во внутривенгерские дела²¹. Но эти заверения давались в то время, когда в Москве еще не было выработано окончательное решение об отношении к происходящим в Венгрии событиям. Недоступность исследователю советских архивных материалов не позволяет нам проследить, какая дискуссия разворачивалась в те дни в высшем политическом эшелоне СССР, как по мере изменения событий в Венгрии менялось и отношение советских лидеров к правительству И.Надя, его политике. Ясно

лишь одно: при принятии окончательного решения победили те, кто увидел в венгерских событиях угрозу целостности мировой системы "социализма", а действия венгерского правительства расценил как противоречащие государственным интересам СССР. На рассвете 4 ноября советские войска вновь овладели Будапештом, правительство И.Надя было низвергнуто, на смену ему пришло правительство Я.Кадара, готовое пойти на компромисс с официальной Москвой. Развернувшиеся в стране демократические процессы были приостановлены, революция потерпела поражение.

ГЛАВА УШ. НА ПУТИ К КОМПРОМИССУ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВЕНГРИИ В ЭПОХУ КАДАРА

Советское вооруженное вмешательство 4 ноября вызвало крайне негативную реакцию со стороны значительной части венгерского общества. Повсеместно организуются забастовки рабочего класса. С первого дня выпускаются многочисленные листовки и прокламации с призывами не признавать нового правительства, продолжать борьбу за демократию. Важную роль в этом движении продолжала играть творческая интеллигенция. Ею создаются нелегальные оппозиционные организации, например, Революционный союз венгерской интеллигенции. Союз журналистов по инициативе своего председателя М. Гимеша призывает работников прессы к забастовке протеста. Активизирует оппозиционную деятельность и союз писателей.

Надо сказать, что руководство этого союза, еще до 23 октября выступая в роли одного из флагманов в борьбе за демократию, отдавало несомненное предпочтение мирным путям разрешения политических противоречий. Характерно, что утром 23 октября, зная о готовящейся массовой демонстрации и опасаясь негативных эксцессов, П. Вереш и его соратники по руководству союзом сделали следующее заявление: "К нам обращаются с вопросами о том, что Союз писателей якобы организует демонстрацию в поддержку польских событий. В связи с этим сообщаем, что мы всей душой приветствуем перемены, происходящие в Польше и ПОРП. Никакой демонстрации однако мы не организуем и проведения ее не одобряем"¹. Тем не менее, когда народ уже вышел на улицы, писатели решили возглавить демонстрацию, чтобы попытаться удержать ее в рамках мирного выступления. Примечательно, что именно П. Вереш днем 23 октября шел во главе многотысячной колонны манифестантов. Предотвратить развитие событий к вооруженному восстанию однако не уда-

лось^х. В последующие дни руководство Союза писателей, его печатные органы, горячо поддерживая правительство И.Надя, в то же время призывали повстанцев сложить оружие, отказаться от насильственных форм борьбы. Только после 4 ноября, когда повторная советская оккупация похоронила надежды на скорое демократическое обновление, в писательских кругах раздаются призывы к вооруженному сопротивлению "агрессорам", активному неповиновению новому правительству. 28 декабря Союз писателей на своем общем собрании выработал ультимативный меморандум, опротестовывающий законность нового правительства. Превращение Союза писателей в один из центров оппозиционной политической деятельности не могло не вызвать ответной реакции со стороны утверждавшегося у власти кадаровского руководства. 17 января 1957 г. специальным решением МВД Союз писателей был распущен. Через два дня та же участь постигает и Союз журналистов. Ряд литераторов, наиболее активно выступавших против новых властей /Т.Дери, З.Зелк, Д.Хай, Т.Тардош, Г.Танцош и др./, был подвергнут аресту и приговорен к различным срокам тюремного заключения /63-летний Дери на 9 лет/. Некоторые активисты демократических

^х При всем обилии венгерской и западной литературы о событиях 1956 г. до сих пор остается не до конца проясненным вопрос о причинах перерастания мирной демонстрации в вооруженное выступление. Кто первый открыл стрельбу? Была ли это провокация органов венгерской безопасности или же экстремистски настроенных оппозиционеров? На этот счет существуют разные версии, комментировать которые не входит в наши задачи. Важно сказать: обстановка в стране достигла такого накала, что одна искра могла привести к необъятному пламени. Безусловно, среди оппозиции были силы, заранее учитывавшие возможность вооруженного восстания против диктатуры и подготовленные к тому, чтобы схватиться за оружие в удобный для этого момент. Но никакого "центра", предварительно разрабатывавшего "стратегический план" боевых действий, конечно же, не было. Решающую роль в событиях 23 октября играло стихийное начало.

движений из числа литературной интеллигенции /Т.Ацел и др./ еще в конце 1956 г. влились в большой поток венгерской эмиграции, оказались на чужбине. Особенно трагично сложилась судьба председателя Союза журналистов М.Гимеша. Он был казнен летом 1958 г. вместе с И.Надем, министром обороны революционного правительства П.Малетером и двумя другими видными деятелями революции.

Всего в 1957-1958 гг. к высшей мере было приговорено несколько сот участников вооруженных выступлений, тысячи людей прошли через тюрьмы. Дестокая расправа над Имре Надем, равно как и над многими рядовыми повстанцами легла пятном позора на всю тридцатилетнюю эпоху венгерской истории, связанную с именем Я.Кадара. Даже если признать ошибочными в сложившихся обстоятельствах некоторые конкретные политические шаги И.Надя в конце октября, обвинения этого деятеля в "контрреволюционности" и "предательстве национальных интересов" при проверке реальными фактами не выдерживают критики. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в первые месяцы своего правления Кадар подвергался сильнейшему давлению не только со стороны советского руководства^х, но и со стороны собственных сталинистов. Историкам известно о письмах Ракоши Хрущеву от начала 1957 г., в которых низвергнутый вождь обвинял Я.Кадара в непоследовательности и уступках "ревизионизму"; требовал более жестких мер против "контрреволюции"². И если полностью скомпрометировавший себя Ракоши едва ли мог претендовать на роль влиятельного советника, то голоса ряда других воинствующих ортодоксов не могли не приниматься во внимание. В рядах творческой интеллигенции то-

^х Для Хрущева подавление венгерской революции и начавшаяся расправа над ее активными участниками явилась, помимо всего прочего, козырной картой в политической борьбе с группой Маленкова-Кагановича-Молотова, предпринявшей в начале 1957 г. массированную атаку против линии XX съезда. Разгромив венгерских "ревизионистов", он в какой-то мере восстановил свою репутацию "истинного марксиста-ленинца" в глазах многих консервативно настроенных членов ЦК КПСС, заручился их поддержкой в борьбе со своими оппонентами. Горько осознавать, что судьба десятиллионной Венгрии была брошена в топку внутривластных баталий, происходивших в Советском Союзе.

же происходила поляризация сил, ряд сталинистски настроенных литераторов, журналистов, ученых-обществоведов образовали в начале 1957 г. "кружок имени М.Танчича", поставивший своей целью защиту идеалов "социализма" от посягательств со стороны "ревизионистов". Этот кружок объединял несколько сот человек, имел свою прессу, тон в нем с самого начала задавали те, кто откровенно /или в более скрытой форме/ призывал к восстановлению сталинских методов в культурной политике. Даже с позиций той по-хрущевски умеренной и половинчатой критики сталинизма, на которых находились Кадар и его окружение, деятельность кружка показалась нежелательной, препятствующей провозглашенному курсу на консолидацию творческих сил. Во второй половине 1957 г. кружок им. Танчича был распущен.

Преследуя действия, прямо направленные на подрыв своей власти /юридически, действительно, незаконной/, Кадар и его правительство в отличие от многих своих критиков-сталинистов отдавали себе в то же время отчет в необходимости отмежевания от режима Ракоши и проводимой им политики. Уже самые первые документы ВСРП и нового правительства, подготовленные в конце 1956 г., призывали к борьбе "на два фронта" - против "сектантско-догматической" группировки Ракоши - Герё, скомпрометировавшей "идеалы социализма" антидемократическими, "сталинскими" методами их воплощения, и против "ревизионистов" во главе с И.Надем, поставивших под угрозу "социалистические завоевания" в стране. Подобное равновесие между двумя объектами критики соблюдалось и во всех последующих документах 30-летней кадаровской эпохи. Заочная полемика с Ракоши, его концепцией ^{ей} социализма просматривается практически во всех основных документах периода "консолидации" /т.е. второй половины 1950-х гг./. Весьма характерно, например, что в противовес популярному большевистскому лозунгу "кто не с нами, тот против нас" /пожалуй, в наиболее концентрированном виде выражающему сущность сектантства как идейно-политического феномена/ Кадар в 1957 г. провозгласил лозунг прямо противоположного содержания: "кто не против

нас, тот с нами". С позиций сегодняшнего дня выдвижение этого лозунга иногда кажется демагогическим и лицемерным. Широко разрекламированные в то время шаги кадаровского правительства, призванные работать на создание видимости претворения этого лозунга в жизнь /например, широкая дискуссия перед принятием летом 1958 г. новых, действительно важных Директив по культурной политике/, не могли, конечно, скрыть от мировой общественности многочисленные рецидивы сталинизма во внутренней политике ВСРП первых лет после 1956 г. Директивы по культурной политике на самом деле обещали художникам больше творческих свобод, нежели у них было в годы правления Ракоши. Но буквально в те же дни, когда принимались Директивы, И.Надь и 4 его сторонника были повешены в одной из будапештских тюрем. Применительно к Венгрии 1957-1958 гг. едва ли можно всерьез говорить хотя бы о первых шагах на пути к идейному плюрализму. Но для того, чтобы избежать односторонности при оценке отнюдь не однозначных политических явлений и процессов конца 1950-х - начала 1960-х гг., надо иметь в виду и другое. Террор не стал для Кадара и его правительства тем основным, универсальным средством разрешения политических противоречий, каким он был для Ракоши. Новое венгерское руководство извлекло уроки из опыта 1956 г., осознав невозможность возврата к сталинской модели социализма, полностью дискредитировавшей себя и отвергнутой вооруженным путем. Более того, ни Кадар, ни многие люди из его окружения искренне не хотели возврата к сталинизму. По мере стабилизации экономической ситуации в стране и упрочения позиций правительства Кадара сфера применения террора неуклонно ограничивалась, происходила либерализация режима. В 1960-1963 гг. были амнистированы и выпущены на свободу почти все оставшиеся в живых осужденные за участие в октябрьских событиях. VIII съезд ВСРП, состоявшийся в 1962 г., во многом переключался своими решениями с XXII съездом КПСС. Тема "культы личности", его несовместимости с социалистическим строем была одной из центральных в работе съезда. Ракоши и Герё, в конце

1956 г. вошедшие в ВСРП, именно на УШ съезде были демонстративно исключены из рядов партии.

Политическая либерализация отразилась и на положении дел в культуре. В 1962 г. отменяется ценз социального происхождения при поступлении в высшие и средние учебные заведения, выходя из непролетарских слоев перестают ущемляться в одном из существенных гражданских прав. В 1959 г. был восстановлен Союз писателей /его возглавил Й. Дарваш/. Согласие войти в него выразило большинство членов прежнего союза. В ряде партийных документов 1958–1961 гг. формулируются новые принципы культурной политики. Как отмечалось, наряду с "социалистическим реализмом" партия должна "обеспечить возможности развития и других прогрессивных течений, разумеется, всегда оставляя за собой право критики"³. Отдавая немалую дань прежним представлениям, по которым в условия максимального благоприятствования ставилось искусство, отвечавшее определенным идеологическим критериям, концепция культурной политики ВСРП в то же время сделала определенный шаг вперед в направлении эстетического плюрализма в сравнении с эпохой Ракоши. Уже весенняя художественная выставка 1957 г., ряд литературных новинок /поэтическая антология "Танец огня" и др./, театральные и кинопремьеры 1957–1959 гг. продемонстрировали терпимость нового руководства к многообразию идейно-стилевых исканий при условии лояльного отношения к социалистической перспективе развития Венгрии. Заметно расширился круг активного культурного наследия. Хотя в 60-е гг. еще сохранялось недифференцированное отношение ко многим сложным, противоречивым явлениям художественной культуры XX в. как к декадансу и искусству "упадническому", венгерский читатель, зритель, слушатель получил в эти годы неограниченный доступ к творчеству М. Бабича и Д. Костолани, Б. Бартока и Т. Чонтвари.

Новое правительство добилось определенных успехов в своей экономической, социальной политике. К началу 1960-х гг. повысилась производительность труда в сельском хозяйстве – на это, несомненно, повлияло представление ко-

оперативам большей экономической самостоятельности. Постепенно рос жизненный уровень населения. По мере стабилизации положения в стране позиция острого неприятия новой власти или, в лучшем случае, скептического выжидания, характерная для основной массы венгерской творческой интеллигенции, сменяется лояльным отношением к властям, а то и поддержкой политики Кадара. На рубеже 50-60-х гг. включились в литературную жизнь Л. Немет, Д. Ийеш, П. Вереш, А. Тамаш. Большой международный резонанс вызвала реабилитация Т. Дери. Некоторые круги на Западе рассчитывали, что после выхода из тюрьмы крупнейший венгерский писатель снова активно включится в политическую деятельность, станет знаменем оппозиционных сил. Эти расчеты, однако, не оправдались. В 1963 г. на пресс-конференции в Вене Дери заявил: "Я могу свободно писать. Единственное ограничение состоит в том, что нельзя писать против социализма. Но я был и остаюсь социалистом и это ограничение от души принимаю, тем более, что сегодня в Венгрии нам предоставлено много человеческих прав и свобод, которых мы были лишены ранее"⁴. Многими на Западе эта новая позиция Дери была расценена как проявление капитулянтства с его стороны, вызвала разочарование. Может быть, не случайно, что венгерский писатель, в начале 60-х гг. неизменно фигурировавший в числе наиболее вероятных кандидатов на присуждение Нобелевской премии по литературе, так и не стал ее лауреатом. Нам представляется все же, что в позиции Т. Дери была большая доля искренности. Он разделял умонастроения, характерные в 60-е гг. для многих венгерских интеллигентов. Вот что вспоминает, например, о том времени один из виднейших писателей, публицистов и социологов современной Венгрии Дьердь Конрад, ставший недавно президентом Международного ПЕН-клуба, — "60-е годы для нас были временем надежды и, надо признать, многих иллюзий. Тогда нам показалось, что и при системе однопартийного государственного социализма ... путем реформ можно создать социалистическое рыночное хозяйство, социалистическую демократию или

демократический социализм. Нечто такое, что и не сталинизм, и не западный капитализм. Эту иллюзию похоронила пражская интервенция 1968 г."⁵ Под этими словами Конрада, наверное, могли бы подписаться не только люди "поколения 1956 г.", к которому он себя причисляет, но и многие их идейные учителя. Известна, например, крайне негативная реакция на советское вмешательство в чехословацкие дела даже со стороны такого последовательного социалиста, как Д. Лукач. Для Лукача 60-е годы стали финалом многолетней творческой деятельности. И именно на это время пришелся пик интереса к философии Лукача во всем мире. Ранние работы, которые Лукач упорно продолжал считать пройденным этапом своей философской биографии, были переизданы на Западе, заметно повлияли на формирование идеологии "новых левых" конца 60-х гг. Немалый международный резонанс вызвала публикация фундаментального труда "Своеобразие эстетического". Идеи позднего Лукача о "демократическом социализме", разработанные в ряде его работ /среди которых "Марксизм и сталинизм", "Социализм как фаза радикальных критических реформ" и лишь недавно опубликованная в Венгрии в полном объеме "Настоящее и будущее демократизации"/, нашли отклик у идеологов "пражской весны", в еще большей мере у теоретиков еврокоммунизма. Что касается официального отношения к Лукачу в самой Венгрии, взаимоотношений между философом и властью, то они претерпевали существенные изменения по мере перемен во внутривнутриполитической жизни страны. В конце 50-х - начале 60-х гг. почти на одно из постановлений ВСРП в области идеологии не обходилось без резкой критики в адрес философа. Вхождение Лукача в правительство И. Надя, объявленное "ревизионистским", впрямую связывали с его общими философскими убеждениями. Критика идей Лукача становится в эти годы тотальной, она распространялась и на его эстетику, и на историко-философские исследования. Весьма характерно также, что нападки на Лукача в самой Венгрии часто были отзвуком критических кампаний против него, происходивших в те же годы в Советском Союзе. В СССР вен-

герский философ однозначно квалифицировался как один из мэтров европейского ревизионизма, редкий учебник по эстетике, опубликованный в то время, обходился без демагогических обвинений Лукача в недооценке влияния "передового" мировоззрения на художественное творчество и во многих других еще более страшных "грехах". Сам Лукач также до поры до времени не предпринимал попыток сближения с кадаровским руководством. Положение изменилось в 1967 г. после публикации проекта предстоящей коренной экономической реформы. 82-летний философ горячо поддерживал план реформы, пошел на сближение с правительством, вступил в ВСРП, которую до тех пор бойкотировал. Венгерская экономическая реформа во многом перекликалась своими планами с идеями О.Шика и других чехословацких экономистов-реформаторов 1968 г. Изменение политического климата в Советском Союзе стало главным препятствием для осуществления как чехословацкой, так и венгерской реформ. Они были похоронены вслед за гораздо менее радикальной "косыгинской" экономической реформой середины 60-х гг. в СССР — чешская в результате прямого военного вторжения, венгерская вследствие непрекращавшегося политического давления. В 1971-1972 гг. едва начавшаяся экономическая реформа в Венгрии была свернута. Вместе с нею умерли надежды многих венгерских интеллигентов на демократическое обновление социализма.

Вслед за прекращением экономической реформы последовало политическое похолодание. В 1973-1974 гг. в Венгрии развернулась кампания борьбы с диссидентами. Многие ведущие венгерские ученые-гуманитарии /в том числе почти все ученики уже покойного к тому времени Лукача — А.Хеллер, Д.Маркуш и др./ или эмигрировали из страны, или оказались во внутренней эмиграции. Правда, в сравнении с другими восточноевропейскими лидерами эпохи так называемого "застоя" Кадар был все же более открыт влияниям либерализма: он редко и неохотно прибегал к политическим репрессиям, в своей политике отдавал несомненное предпочтение не "кнуту", а "прянику", по праву слыя наиболее

"просвещенным" из "некоронованных монархов" Восточной Европы. Более того, Кадар как руководитель качественно отличался от таких людей, как Чаушеску, Ливков, Хонеккер. И дело здесь было не только в его нетерпимости к коррупции, родственному принципу подбора кадров и возвеличению собственной персоны. В отличие от подавляющего большинства восточноевропейских лидеров 1960–1980-х гг. Кадар преследовал иначе мыслящих в той мере, в какой слишком далеко идущие реформаторские планы могли вызвать недовольство официальной Москвы, вбить клин в межгосударственные отношения между Венгрией и СССР. Если Чаушеску неизменно бравировал независимостью внешней политики Румынии, то Кадар всегда был убежден, что отсутствие напряженности в отношениях с Советским Союзом есть главный залог благополучия венгерской нации /именно поэтому он до конца своей жизни был уверен, что его вынужденный компромисс с советским правительством в 1956 г. предотвратил восстановление в Венгрии сталинизма в чистом виде/. Будучи по своему складу хотя и не свободным от догматической зашоренности, но все-таки коммунистом-реформатором, Кадар на протяжении трех десятилетий в предоставлении венграм экономических и политических свобод балансировал на той довольно подвижной грани, переступление через которую могло бы, по его мнению, повлечь за собой крайне негативную реакцию советского руководства^X. Человек, извлекая уроки как из венгерских событий 1956 г., так и из чехословацких событий 1968 г., он достиг немалого мастерства в проведении политики, суть которой лучше всего могла бы передать русская пословица "чтобы и волки были сыты, и овцы

^X Характерно, что особая внешнеполитическая позиция коммунистической деспотии Чаушеску /друга с Китаем и т.д./ вызвала меньшее раздражение Брежнева и его окружения, нежели серьезные экономические реформы и внутриполитическая демократизация в странах Восточной Европы даже при полном сохранении просоветской внешней ориентации. Характерное тому свидетельство – пражская интервенция 1968 г.

цели". Тяжелые внешние условия, в которых пришлось вести свою страну этому незаурядному политику, равно как и лежавшая на нем невыносимая кайнова печать, клеймо первоначального греха, предшествовавшего вступлению на "престол" /"комплекс Бориса Годунова"/ сделали Кадара поистине трагической фигурой венгерской истории.

Противник всякого лицемерия и фальши, Кадар в отличие от других восточноевропейских лидеров никогда не маскировал превосходства партийной власти в Венгрии над государственной. Показательно, например, что после 1965 г. он никогда не совмещал должности первого /затем Генерального/ секретаря ЦК ВСРП ни с постом главы государства, ни с постом главы правительства. В отличие от ГДР, Чехословакии, Польши и Болгарии в кадаровской Венгрии не было формальной многопартийности, ВСРП оставалась единственной партией. Внешне венгерский авторитаризм был, таким образом, более откровенным и неприкрытым, менее замаскированным. Но в реальности венгерские граждане имели гораздо больше возможностей выразить свои "особые" неофициальные мнения через общественные организации, входящие в Отечественный народный фронт. Значительно большей самостоятельностью, нежели в других "социалистических" странах, обладали профсоюзы. Они имели право совещательного голоса, были нужны Кадару как рупор реальных, а не мнимых настроений рабочего класса. С середины 60-х гг. в Венгрии не было предварительной цензуры, ответственность за слишком смелые выступления прессы всецело ложилась на редакторов, но и тех снимали с работы не часто. Некоторые легальные издания /например, журнал "Мозго вилаг"/ отличались такой независимостью политических оценок, какую трудно было себе представить в "застойные годы" в любой другой стране Варшавского Договора. По мнению западных наблюдателей, особый интеллектуальный микроклимат существовал при Кадаре в академической среде — ученые имели определенные возможности выразить альтернативные мнения по принципиальным политическим вопросам

без страха перед преследованиями, хотя и со слабыми надеждами быть услышанными в более широком кругу⁶. Вмешательство в духовную жизнь режим предпринимал только тогда, когда альтернативные взгляды /как в русле марксизма, так и за его пределами/ получали настолько широкое распространение, что могли поставить под угрозу доминирующее положение официально принятой версии марксистской идеологии.

Все уродливые черты "реального социализма" /засилье бюрократии и партократии, экономический волюнтаризм, коррупция, некомпетентное вмешательство в культуру и т.д./ проявились в Венгрии в более смягченной форме, нежели в других странах "социалистического содружества". Не удивительно, что в недрах умеренного, либерального авторитаризма, характерного для Венгрии эпохи Кадара, быстрее сформировались и политически организовались силы демократического обновления. Переход от авторитарных к демократическим формам правления, произошедший в 1989-1990 гг. был здесь более ускоренным и менее болезненным, нежели в других странах Восточной Европы.

Либеральный характер кадаровского режима, сделав возможным плавную эволюцию к демократии, не спас в то же время систему от серьезных экономических неудач. Даже в своем смягченном венгерском варианте государственный, однопартийный социализм не выдержал испытания временем, потерпел экономический и политический крах. Режим Кадара в конце 1980-х гг. неминуемо должен был разделить общую судьбу ^{режимами в} ^{ах} ~~с~~ других восточноевропейских стран социалистического лагеря. Отказ от утопической идеи построения социализма как безрыночного общества, в корне отличного от современного западного общества, переход к рынку и действительно многообразию форм собственности в экономике, парламентарной демократии западного типа в политике, широкому плюрализму в идеологии и культуре вывели венгерскую нацию после многолетних блужданий во мраке на столбовую дорожку мировой цивилизации. Но только буду-

шее покажет, какие ближайшие и более отдаленные последствия повлечет за собой этот переход, сумеет ли Венгрия добиться успехов на новом пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ развития венгерского общества и культуры во второй половине 1940-х – 1950-х гг. делает необходимым подвести некоторые итоги. Участие во второй мировой войне на стороне фашистской Германии и конечное поражение в войне привели Венгрию к экономическому разорению и краху существующей политической системы. После освобождения перед страной стояли задачи модернизации экономического механизма, политической демократизации, преодоления культурного неравенства. Развернувшаяся в первые послевоенные годы борьба между сторонниками буржуазно-демократической и социалистической альтернатив к 1948 г. завершилась в пользу последних /наряду с рядом внутренних факторов важную, если не решающую роль в таком развитии событий сыграл внешний фактор – присутствие советских войск на венгерской территории, все возрастающее давление сталинского руководства/. К 1949 г. были отвергнуты планы медленного, постепенного, предполагающего сохранение демократических институтов, продвижения к социалистическому обществу, прекращен поиск особого венгерского пути к социализму, оптимально учитывающего национально-специфические условия, выбор был сделан в пользу сталинской концепции социализма.

Культурно-цивилизационный уровень Венгрии, страны "второго эшелона капитализма", свидетельствовал о том, что для нее никак не могла быть актуальна задача создания некоего посткапиталистического общества, представляющего собой более высокую ступень общественного развития в сравнении с современным капитализмом. Даже в случае провозглашения курса на строительство такого общества /согласно марксовым или любым другим концепциям/ Венгрия никак не могла бы перешагнуть через решение большого комп-

лекса экономических и культурных задач, уже решенных в более развитых странах в процессе совершенствования капиталистического, а не создания посткапиталистического общества. Волонтаристский характер избранной Венгрией /как и рядом других стран Восточной Европы/ под давлением Советского Союза концепции социализма заключался в игнорировании объективных законов общественного развития, пренебрежении наличными условиями, сложившимися в этих странах. Волонтаристская концепция предполагала, что социализм можно создать в любой стране независимо от степени развитости ее экономики и совершенно не считаясь с уже сложившейся при капитализме экономической структурой /как это произошло и в более развитых Чехословакии и Восточной Германии/, если только революционным силам удалось захватить власть и взять за образец для практического воплощения выдаваемую за идеал, а на самом деле уродливую модель социализма, которая уже была реализована на практике в СССР. Попытки строительства социализма по унифицированной и вдобавок крайне несовершенной модели очень негативно сказались на развитии всего общественного организма. Одним из следствий этих попыток явилось оскудение всей духовной жизни в результате установления монополии одной идеологии и вытеснения носителей иных идеологий. В условиях жесткой регламентации приходилось функционировать художественной культуре – художественное творчество было подчинено строгой системе канонов, определявших как содержание, так и форму произведений, выполненных в соответствии с требованиями "социалистического реализма", единственного узаконенного художественного метода. Конфликт между художниками и властью в Венгрии, явившийся следствием культурной политики начала 1950-х гг., предопределил активное участие творческой интеллигенции в октябрьской революции 1956 г., имевшей всемирное значение как первая в мировой истории демократическая революция, произошедшая в стране, которая декларировала разрыв с капитализмом и переход к созданию общества иного /по мне-

нию воплощений, более высокого/ типа.

Октябрьская революция 1956 г. явилась попыткой низвержения режима сталинского типа. В литературе последнего времени стало уже общим местом определять сталинский режим и типологически близкие ему режимы в других странах как тоталитарные. Не возражая в принципе против подобного определения, мы не уверены, однако, в том, что оно полностью исчерпывает суть этих режимов. При обращении к термину "тоталитаризм" неизбежно возникает ряд вопросов. Как соотносится тоталитаризм с авторитаризмом, демократией, капитализмом, социализмом, с какими из этих понятий он находится в антиномии, а по отношению к каким не является рядоположенным? Надо ли считать тоталитаризм характеристикой только лишь политической системы или же общества в целом? Видный политолог А.М.Мигранян полагает, что тоталитаризм есть характеристика всего общества. Отсюда он логически приходит к следующему выводу: в фашистской Германии "возник не авторитарный и не полностью тоталитарный, а своего рода правый тоталитарно-авторитарный режим. При тотальной регламентации политической и духовной сфер партийно-государственная власть Гитлера не пошла на такую же регламентацию в промышленности и сельском хозяйстве, не осуществила тотальное огосударствление собственности... Хотя в Германии функционирующий в рамках корпоративизма бизнес и был зажат в жесткие тиски фашистского партийно-государственного механизма, органические хозяйственные связи и довольно широкая сфера самостоятельности в экономической сфере сохранялись. За исключением этого /довольно существенного/ элемента фашистская Германия и ее политическая система обладали всем набором признаков, которыми характеризуется тоталитарное государство"¹. Мы не думаем, что критерий государственной собственности может послужить достаточным основанием для отнесения того или иного государства к тоталитарным с экономической точки зрения. Иначе получается, что социал-демократическая Швеция с ее большим удельным весом государственной собственности в экономике есть "более

тоталитарное" в экономическом смысле государство, нежели те латиноамериканские страны, где при правых военных хунтах существует полная свобода экономической конкуренции и государственная собственность не занимает большого места в экономике. Другое дело — и в этом мы согласны с А. Миграняном — тоталитарная политическая система действительно стремится к расширению поля своего влияния в обществе, контроль со стороны тоталитарного государства распространяется на те сферы, которые государство демократического /и даже авторитарного/ типа оставляет за пределами своего внимания — например, на частную жизнь граждан, не говоря уже о духовной сфере. При тоталитаризме грань между политической и неполитической сферами действительно имеет тенденцию к исчезновению. Тем не менее тоталитарность продолжает оставаться, на наш взгляд, свойством, характеристикой именно политической системы общества^X.

^X Главный парадокс тоталитаризма заключается в том, что одновременно с политизацией всех сфер общества в тоталитарном государстве исчезает политическая деятельность как специфическая "сфера человеческой деятельности, в которой проявляются и сталкиваются различия интересов классов и групп, происходит прямое публичное сопоставление позиций и отыскивается способ привести их к некоему динамическому компромиссу" (2). Об этом феномене интересно пишет Л.М. Баткин: "Политика исчезла — и поэтому все стало "политикой". Любые научные взгляды, уже не только в гуманитарной сфере, но и вскоре в агрономии, языковедении, информатике, физике, биологии; интонация и стилистика устной и письменной речи; формы отдыха, эстетические вкусы, интимная жизнь, развод с женой, воспитание детей, манера одеваться и т.д. А конечно, выбор знакомств или круг чтения. Политической оппозицией стали проявления интеллектуального любопытства, склонность к ироничности или, напротив, изыток простодушия, преданность друзьям и близким, повышенное чувство достоинства, наконец, просто независимость характера. Все обычное течение человеческой жизни превращено было в "неконтролируемый подтекст" (3).

По мнению А. Миграняна, тоталитарный режим "в силу своей специфики не нуждается в социально-классовой опоре, ... он проводит последовательное деклассирование общества. Разрушив все органические связи, атомизировав все общество, отчуждая всех от собственности и власти, данный режим затем уже каждого индивидуально подключает к общественной системе вне всяких горизонтальных или любых других несанкционированных связей"⁴. Действительно, при тоталитаризме в обществе явно доминируют вертикальные связи, а существующие горизонтальные строго регламентируются /"формально существующие негосударственные общественно-политические организации на деле превращаются в продолжение тех или иных органов государства", - справедливо пишет А. Мигранян⁵/. Верно и то, что при сталинизме маршал или первый секретарь обкома были столь же беззащитны перед репрессивной государственной машиной, как и простой крестьянин. Но дает ли все это основание говорить о том, что у тоталитаризма нет нужды в прочной социально-классовой опоре? Нам думается, скорее, напротив. Чем более репрессивным является режим, тем больше у него необходимости в такой опоре. И гитлеровский, и сталинский, и ракошистский режим неизменно стремились к тому, чтобы расширить свою социальную базу, заручиться поддержкой как можно более значительной части общества. Этому были призваны служить монолитная и цельная идеология, способная привлечь к себе широкие массы притягательностью поставленных целей /строительство коммунизма и т.д./; отлаженный механизм преследования тех, кто чем-либо уклонился /или мог потенциально уклониться/ от предписанной модели поведения и тем самым нарушал декларируемое идейно-политическое единство общества; не в последнюю очередь, и развитая система вознаграждения наиболее ревностных прислужников режиму - сталинские премии, спецайки и т.д.. Тоталитарному режиму в целях поддержания собственной власти постоянно приходится прибегать к популярным мерам /вспомним, например, о неоднократном понижении цен в СССР

койца 40-х гг. — каждая из этих мер сопровождалась зву-
чной пропагандистской кампанией и действительно находила
позитивный отклик в обществе, укрепляла в массах наст-
раения преданности режиму/. Едва ли можно говорить и о
деклассировании общества. Дистанция огромного размера
существовала при Сталине между материальным положением
снова закрепощенного крестьянства и, с другой стороны,
партократии или элиты творческих союзов. Иное дело, что
представители привилегированных слоев были в той же мере,
как и низы, лишены элементарных гражданских прав и поли-
тических свобод /права на выражение независимого мнения,
на неподконтрольность частной жизни и т.д./.

В условиях режима авторитарного типа также происхо-
дит нарушение конституции, попираются гражданские права
и свободы граждан и общественных организаций, не сущест-
вует, как правило, механизма выборной власти и развитой
системы представительства интересов всех социальных сло-
ев, не всегда отлажен механизм преемственности высшей
власти^х. "Однако в отличие от тоталитаризма, когда любое
инакомыслие и всякая легальная оппозиция объявляются вне
закона, авторитаризм разрешает и определяет предел до-
пустимого инакомыслия и легальной оппозиции"⁶. Будучи
поставленной в жесткие рамки, установленные отнюдь не
конституцией, а волей правящей верхушки, оппозиция в той или иной форме все же существует и может
в определенной /хотя и ограниченной/ мере осуществлять
свою деятельность через легальные каналы /если не через
парламентскую трибуну, то через прессу, разрешенные об-
щественные организации, культурные институты/. Еще одно
важное различие между тоталитаризмом и авторитаризмом
заключается в том, что если тоталитарный режим требует

^х Смерть или смена диктатора означает в таких слу-
чаях смену режима. Механизм преемствования власти отра-
ботан лишь в авторитарном государстве одного типа — аб-
солютных монархиях, где власть передается по наследству.

от всех граждан активного проявления преданности и поддержки, то авторитарный вполне доволен пассивным подчинением и внешней лояльностью, не вмешивается в личную жизнь граждан, не принуждает их демонстрировать в массовые празднества свою верноподданность, не стремится к тотальному контролю за духовной сферой, вмешивается в культуру только в тех случаях, когда возникает угроза перерастания того или иного культурного феномена в политическое движение, способное составить угрозу существованию режима.

Сравнивая режимы Хорти и Ракоши, мы должны подчеркнуть, что одно из важнейших различий между ними лежало в экономической сфере - хортизм базировался на фундаменте рыночной экономики, тогда как ракошизм - на фундаменте огосударственной. Не менее существенным, однако, было различие их политических систем. Все, что нами было сказано в этой работе о сути двух режимов /в том числе об их политике в духовной сфере/, заставляет нас прийти к следующему выводу: режим Ракоши в политическом отношении отличался от режима Хорти как тоталитарный режим отличается от авторитарного. Это отличие предопределило и различие в положении культуры - как относительно автономной и независимой от постоянного государственного вмешательства сферы общества при Хорти и как лишенной всякой автономии при Ракоши^х.

х

Весьма показательны слова одного из идеологов ВПТ Л. Рудаша, сказанные в 1950 г. в ходе "дискуссии о Лукаче", - "Почему наша партия, которая направляет все экономическое, политическое и социальное развитие страны, должна ослабить вожжи в области художественного творчества, создать для творческих работников "особый режим" ? (8).

Революция 1956 г. была подавлена, на смену коалиционному демократическому правительству И.Надя пришло однопартийное коммунистическое правительство Я.Кадара, Венгрия вступила в тридцатилетнюю "кадаровскую" эпоху своей истории. В экономическом отношении кадаровская Венгрия имела много общего с Венгрией эпохи Ракоши: в экономике по-прежнему господствовала государственная собственность. Вместе с тем государственные предприятия и сельскохозяйственные кооперативы уже в конце 50-х гг. получили больше самостоятельности. При Кадаре существовало, хотя и очень узкое, поле для частного предпринимательства в легкой промышленности и сфере обслуживания, 4% экономически активного населения было занято в частном секторе^х. Если же говорить о политической системе кадаровского режима, то она, на наш взгляд, принципиально отличалась от эпохи системы Ракоши и носила не тоталитарный, хотя и не демократический, а авторитарный характер. Естественно, тут же возникает вопрос: если и хортистскую, и кадаровскую политические системы можно подвести к одному и тому же определению, не окажется ли определение авторитаризма слишком широким и размытым, включающим в себя все и вся?

^х Реформа 1968 г. предполагала большее расширение масштабов частного предпринимательства, однако была свернута. Частные предприниматели могли при Кадаре в 70-80-е гг. нанимать до 100 рабочих, больше чем в других странах Варшавского Договора. Разрешение режимом частного предпринимательства /пусть и в строго ограниченных пределах/ широко не афишировалось, носило "стидливый" характер, воспринималось Кадаром и его окружением как "родимое пятно капитализма", устранение которого на данном этапе было бы, однако, нежелательным, поскольку усугубило бы экономическое положение.

Нам представляется, однако, что при всех существенных отличиях между хортистским и кадаровским режимами было много общего в политическом плане. В самом деле, оба эти режима возникли на контрреволюционной волне — один в результате разгрома революции 1919 г., другой в результате подавления революции 1956 г. Оба проделали путь от послеволюционного террора к либерализации*. Оба были зависимы в своей внешней политике от воли более сильных соседей, и если хортистский режим был вовлечен во вторую мировую войну на стороне Германии, то кадаровский против своей воли принял участие в пражской интервенции 1968 г. Внутриполитические изменения 1930-х гг. в Германии и 1960-1970-х гг. в СССР сказывались на ситуации в Венгрии: установление в Германии фашизма способствовало усилению правых тенденций в венгерской политической жизни, с другой стороны, некоторое политическое похолодание в кадаровской Венгрии в середине 1970-х гг. явилось следствием изменения во внутриполитическом климате СССР, начиная со второй половины 1960-х гг. Но самая главная общность между двумя режимами заключалась в том, что оба они, не будучи демократическими, в то же время допускали существование в определенных границах ————— духовной оппозиции и предусматривали соответствующие каналы для выхода оппозиционных настроений. Оба не претендовали на установление в обществе монополии своей официальной идеологии /в одном случае — христианско-национальной, в другом — коммунистической/, хотя и стремились к тому, чтобы эта идеология носила доминирующий характер.

Конечно, и различия между двумя режимами, не считая сугубо экономических, были существенны. Кадаровскому ре-

* Применительно ко внутриполитическому курсу премьер-министра И. Бетлена в 20-е годы не было бы, на наш взгляд, большим преувеличением говорить об умеренном либерализме. Вообще масштабы политических репрессий при Хорти были несопоставимы с масштабами репрессий при Ракоши /и тем более при Сталине/. С 1922 г. и до немецкой оккупации в марте 1944 г. хортисты вынесли /и в судебном, а не внесудебном порядке/ смертный приговор двум политическим оппозиционерам — коммунистам М. Фюрсту и И. Шаллаи в 1932 г., еще двое погибли в тюрьме в 1942 г. Все это говорится нами не для того, чтобы оправдать репрессивную политику хортистов, а для того, чтобы подчеркнуть качественные различия хортистского и ракошистского режимов.

жиму в отличие от хортистского /и в отличие от режима Ча-
ушеску в соседней Румынии всегда были чужды какие-либо
шовинистические амбиции, он стремился к установлению доб-
рых отношений со всеми соседями. Режим Кадара был менее
коррупцированным, чем хортистский. Социальные контрасты
в кадаровской Венгрии были гораздо менее резкими, чем в
хортистской /4, добавим, чем в других странах Восточной
Европы уже в 1960-1980-е гг./. Различия в социальной по-
литике вытекали из принципиальных различий в социально-
классовой базе двух режимов. Социальную основу хортисто-
кого режима составляли аристократия, джентри и часть бур-
жуазии, хотя в отдельные периоды хортисты стремились рас-
ширить свою социальную базу, добившись поддержки со сторо-
ны кулачества и мелкой буржуазии города. Партократия и
бюрократия кадаровского режима опирались на поддержку
значительной части квалифицированного /4 хорошо оплачивае-
мого/ пролетариата, кооперативного крестьянства, основ-
ной массы интеллигенции⁹. Социальная база кадаризма была
несравнимо более широкой, нежели хортизма, соответствен-
но более узкой была социальная база любой оппозиции^х.

В различиях между хортистским и кадаровским полити-
ческими режимами проступало различие между двумя типами
авторитаризма - классическим и посттоталитарным. Через
этап классического авторитаризма прошли практически все
страны в процессе перехода от феодализма к капитализму
/или -во второй половине XX в. в странах Латинской Амери-
ки и Южной Европы - от отсталого капитализма к современ-
ному индустриальному обществу/. В истории Франции, напри-
мер, эпоха классического авторитаризма пришлась на годы
правления королей Луи-Филиппа /1830-1848/ и Луи Бонапар-
та /1852-1870/. В Германии режим такого типа был установ-
лен О.Бисмарком и просуществовал до революции 1918 г.
Россия вступила в этап перехода к капитализму с началом

^х Это обстоятельство надо всегда учитывать, поднимая
вопрос о том, что в хортистской Венгрии могла существова-
ть политическая, в частности, парламентская оппозиция, а
в кадаровской - оппозиционные течения проявлялись обычно
в форме духовных, культурных движений.

реформ Александра II и авторитаризм переходного периода явился здесь продолжением и развитием в новых условиях двухвековой к тому времени традиции российского феодального абсолютизма. Венгрия пережила классический авторитаризм дважды – в эпоху дуализма и в несколько иной, более жесткой форме в эпоху хортизма. В Испании авторитарный режим существовал до 1975 г., пока смерть Франко не сделала возможным произвести очень плавный и безболезненный переход к демократическим формам правления, вызревшим в недрах авторитаризма.

Главная характерная черта классического авторитаризма – наличие сильной исполнительной власти, осуществляющей активное вмешательство в экономику, во многих случаях /например, в Германии Бисмарка и царской России/ насаждающей капитализм сверху. Та же исполнительная власть, опираясь на армию и жандармерию, часто вмешивается в общественно-политическую жизнь, путем угроз и прямого насилия разрешая социальные конфликты, неизбежно возникающие в обществе в процессе ломки старой и создания новой экономической структуры. Роспуск парламента, введение чрезвычайного положения, приостановка действия конституции, разгон демонстрантов – все это характерно именно для классического авторитаризма. Причем очень часто жесточайшие режимы, усиление правоавторитарных начал становится противовесом хаосу, охлократии и анархии в обществе, раздираемому резкими социальными противоречиями /Венгрия 1919 г., Испания 1936–1939 гг./. Социальную базу классического авторитаризма составляют заинтересованные в ускорении капиталистического развития общества слои населения – буржуазия, во многих странах обуржуазившееся дворянство и т.д.

В отличие от классического авторитаризма, посттоталитарный авторитаризм является продолжением в новых условиях тоталитаризма сталинского типа. Но можно ли считать именно посттоталитарными /а не тоталитарными/ все политические режимы в странах Восточной Европы в 1960–1980-е гг?

Принципиальное политическое различие между режимом Кадара и большинством восточноевропейских режимов того времени обнаруживается при анализе идеологической политики. Брежневский режим стремился, как и сталинский, к тотальной регламентации не только экономической и политической, но и духовной сферы общества. Марксизм-ленинизм провозглашался идеологией, занимающей монопольное положение в обществе и не оставляющей места для других идеологий /некоторое исключение делалось для религиозного мировоззрения, хотя и церковь резко ограничивалась в своей деятельности/. В художественной культуре метод социалистического реализма объявлялся всеобъемлющим и единственным творческим методом, способным охватить весь художественный процесс. Другое дело, что при всех претензиях на тоталитарный контроль за духовной сферой у брежневского режима /в отличие от сталинского/ не хватало сил держать всю духовную сферу под неослабным присмотром и реагировать на все без исключения отклонения от официальной идеологии^х. Все-таки брежневский режим /как и режимы в большинстве стран Восточной Европы/ представлял собой, на наш взгляд, отнюдь не образец посттоталитарного авторитаризма, а разлаженную, дающую сбои государственную машину тоталитарного типа.

В кадаровской Венгрии с середины 60-х гг. существовала иная политическая установка. Во многих партийных документах и особенно в выступлениях главного идеолога режима Д.Ацела последовательно проводилась мысль о том, что социалистическая идеология не занимает монопольного положения в венгерском обществе, стремится только к тому, чтобы занять доминирующее положение, оставив место для других /общегуманистических и общедемократических/ идеоло-

^х Тем более, у него не хватало сил во всех случаях добиваться от населения активной поддержки проводимой политики и он все более вынужден был довольствоваться пассивной лояльностью.

гий¹⁰. Соответственно и применительно к художественной культуре не было претензий на провозглашение монополии "социалистического реализма". Концепция политики в области художественной культуры классифицировала все художественные произведения, созданные современными венгерскими деятелями искусств, по трем группам. Поддержкой со стороны партии и правительства пользовались произведения, выражающие социалистические идеалы. Терпимыми и допустимыми признавались как идеологически нейтральные явления культуры, так и те, чья немарксистская идейная подоплека не имела своим следствием призывов к смене политической системы. Запрещению подлежали произведения, направленные против существующей системы /своим правом на запретительство режим пользовался не так уж часто/. Официально признавая в определенных пределах идейный плюрализм, кадаризм предпринимал вмешательство в духовную жизнь /не только в художественную культуру, но и в развитие гуманитарных наук/ в тех случаях, когда возникала угроза не прорвать монополию официальной идеологии /такой монополии не было/, а резко нарушить существующее соотношение сил на идеологической арене в сторону увеличения удельного веса альтернативных идеологий. В первой половине 1970-х гг., например, Кадар увидел такую угрозу в деятельности философско-неомарксистов школы Д.Лукача /А.Хеллер и др./ и социологов школы А.Хегедюша, развивавших идеи синтеза социализма и демократии. Признававшиеся до тех пор в качестве терпимых взгляды были отнесены к разряду запрещенных. Все-таки в отличие от режимов Чаушеску, Гусака, Хонеккера, Дяквова кадаризм /и в этом его несомненная заслуга/ создал условия для зарождения в недрах самой системы политико-идеологических структур демократического общества. С ослаблением после 1985 г. советского давления эти структуры получили возможность быстрого развития и укрепления. Подобно франкистской Испании 1975 г. в Венгрии 1988-1990 гг. произошел очень плавный и эволюционный переход от авторитаризма к демократии, отжившие себя, сдерживающие дальнейшее развитие авторитарные институты были легко и без-

болезненно отброшены как ненужная скорлупа, на место авторитаризму пришла парламентарная демократия в довольно развитой форме^X.

Ю говоря о том, что кадаровский режим подготовил условия для мирного перехода к демократии, важно подчеркнуть, что возврат к старой "буржуазной" демократии отнюдь не входил в стратегические цели этого режима, ориентированного своей идеологией на построение социализма как посткапиталистического общества^{XX}. Попытка прорыва к такому обществу оказалась неудачной — как в Венгрии, так и в других странах, предпринявших социалистический эксперимент. Ю говорит ли это о невозможности иных, более жизнеспособных путей воплощения социалистического идеала? И является ли отрицание капитализма предварительным условием создания социалистического общества? На этот счет существуют разные мнения. Известный чехословацкий политолог З.Млынарж, например, полагает, что "на современном этапе индустриальная цивилизация отнюдь не тождественна капитализму, а является продуктом постоянного внутреннего столкновения и взаимодействия двух тенденций: капиталистической и социалистической /точнее, некапиталистической, преимущественно социалистической"/^{II}. Первая из этих тенденций определяет поступательное развитие производительных сил в обществе, основанном на рыночной экономике. Вторая тенденция связана с социальной защитой трудящих-

^XЭволюцию от тоталитаризма сталинского типа к посттоталитарному авторитаризму наряду с кадаровским в 1960-е гг. претерпели, на наш взгляд, и некоторые другие восточноевропейские режимы — титовский в Югославии в начале 1950-х гг., режим Ярузельского в Польше в 1980-е гг., режим Горбачева в СССР в 1985-1988 гг. В СССР и Югославии как странах многонациональных переход от авторитаризма к демократии осложняется межнациональными конфликтами.

^{XX} В силу этого было бы упрощением считать посттоталитарный авторитаризм неким переходным этапом в процессе трансформации тоталитаризма в демократию. Предпосылки перехода к демократии создаются не благодаря, а вопреки устремлениям режима, который видит в смягчении тоталитарной власти условие, необходимое для того, чтобы

ся, ограничением крупного капитала и эксплуатации, более равномерным распределением в обществе произведенного продукта. "Обе эти тенденции, — считает З.Млынарж, — имеют своих социальных носителей и стремятся в рамках единого типа цивилизации к преобладанию как в различных областях общественной жизни /в экономике, политике, идеологии/, так и в данном типе цивилизации в целом". Носителем социалистической тенденции является прежде всего "рабочее движение, которое в индустриально развитых странах избрало в качестве программы преимущественно реформистскую, а не радикально-революционную ориентацию"¹². В отличие от государственного, бюрократического социализма, на протяжении многих десятилетий существовавшего в СССР, Восточной Европе, других районах мира социализм гуманистический, ориентированный на человека не есть, таким образом, самостоятельный способ производства. "Ни капитализм, ни социализм ... не означают определенное данное состояние общества, закрытую систему или "формацию", они суть процесс, тенденция развития в рамках индустриальной цивилизации"¹³.

Нетрудно заметить, что подобные представления о социализме расходятся с традицией классического марксизма, делавшей упор именно на посткапиталистической сущности социализма, видевшей в социализме первую стадию самостоятельной общественно-экономической формации, главным родовым признаком которой станет отсутствие частной собственности и связанной с ней эксплуатации наемного труда /в отличие в социалистическом обществе более надежных, чем при капитализме, механизмов социальной защиты выступало в этой связи как вторичный, вытекающий из первого, при-

отстоять "социалистический путь" развития. Эту двойственность хорошо передают слова К.Маркса, выбранные Лукачем в качестве эпиграфа к своему итоговому труду "Своеобразие эстетического", — "Они не сознают этого, но они это делают".

нак/. Многолетние социалистические эксперименты в СССР и странах Восточной Европы не привели, однако, к созданию общества, способного превзойти современный капитализм в экономической эффективности, равно как и в способности обеспечить социальную защищенность трудящихся. Многие факты сегодня свидетельствуют о том, что социалистическая идея в последние десятилетия утратила свою притягательность для миллионов людей в мире. Означает ли сегодняшний кризис идеи социализма окончательное и бесповоротное фиаско или же только временное отступление, за которым следует новый прилив интереса к этой идее? Какое общество придет на смену современному индустриальному во всемирном масштабе, подтвердит ли оно со временем правоту марксовских тезисов об отмирании частной собственности и рыночных механизмов экономики, какое воплощение найдет в этом обществе социалистическая идея? Все эти вопросы остаются на сегодняшний день открытыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. На русском языке см.: Холлош Э. Чего они добивались? М., 1969; Холлош Э., Лайташ В. "Холодная война" против Венгрии. 1956. М., 1985.

2. In memoriam Nagy Imre, Budapest (далее - Вр.), 1989; Király B. Honvédségből néphadsereg. Вр., 1989; Hegedűs A. A történelem és a hatalom igazságában. Вр., 1988; Mindszenti J. Emlékirátaim. Вр., 1990; Vásárhelyi M. Ellenzékben. Вр., 1989; Visszaemlékezések. 1956. Вр., 1986; Marosán Gy. A tanúk még élnek. Вр., 1989; Szász B. Minden kényszer nélkül. Вр., 1989; Szűcs M. Ezredes voltam 1956-ban a vezérkarnál. Вр., 1989.

3. A forradalom hangja. Magyarországi radioadások. 1956. okt. 23 - nov. 9. Вр., 1989; Titkos jelentések. 1956. Вр., 1989; Az igazság a Nagy Imre ügyében. Вр., 1989; Magyar sajtó. 1956. Вр., 1989; Egy népfelkelés dokumentumaiból. 1956. Вр., 1989; A Nagy Imre vonal. Dokumentumválogatás. Вр., 1989.

4. Fehér F., Heller A. Egy forradalom üzenete. Вр., 1989; Németh J. Ertelmiség és konszolidáció. 1956 - 1962. Вр., 1988; Aczél T. - Méray T. Tisztító vihar. Szeged, 1989; Lomax B. Magyarország 1956. Вр., 1989; Méray T. Nagy Imre élete és halála. Вр., 1989; Ember J. Menedékjog 1956. A Nagy Imre csoport elrablása. Вр., 1989; см.: Длуко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий // Иностранная литература. 1988. № 7, 8.

5. Balogh S. Parlamenti és pártarcok Magyarországon. Вр., 1975; Vida I. A Független Kisgazdapárt politikája. 1944 - 1947. Вр., 1976; Izsák L., Benkő P. A Nemzeti Parasztpárt és a szocializmus. 1947 - 1948. Вр., 1988; Szabó B. Az "ötvenes évek". Вр., 1985; Urbán K. Lukács György és a magyar munkaszovizmus. Вр., 1985.

6. Standsisky E. A Magyar Kommunista párt irodalompolitikája. 1944 - 1948. Вр., 1987; Molnár J. A szocialdemokrata párt művelődéspolitikája. Вр., 1988.

7. Pomogats B. Irodalmunk szabadságarcja. 1956. Вр., 1989; Rainer M. J. Az író helye. Вр., 1990.

8. Подробную библиографию см.: Стыкалин А. С. Основные тенденции изучения в СССР послевоенной венгерской культуры // Вопросы истории и историографии послевоенной культуры стран Восточной Европы / в печати /.

9. См.: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

Глава I

1. Lukács Gy. Arisztokratikus és demokratikus világnézet // Fórum.Bp., 1946.11 sz, 214 old.
 2. Allen R.E. Oszkar Jászi and radicalism in Hungary. 1900 - 1919. Ann Arbor, 1972, p.4.
 3. См.: Gunst P. A paraszti társadalom Magyarországon a két világháború között. Bp., 1987.
 4. Этот факт признается и в эмигрантской литературе, лишь в последнее время изданной в Венгрии. См.: Aczél T., Méray T. A tisztító vihar. Szeged, 1989.
 5. Цит. по: Лукьянов Ф. Венгрия вырывается из сталинского социализма // Союз. 1990. № 46.
 6. История Венгрии. М., 1972. Т. 3. С. 179.
 7. Rapp O. A Felszabadulás művészete (vázlat és emlékezés) // Kultúra és közösség. Bp., 1983. 5 sz. 11 sz.
 8. О положении Венгрии в Версальской системе см.: Raffay E. Trianon titkai avagy hogyan bántak el országunkkal. Bp., 1989.
 9. См.: A háború közötti Magyarországról. Bp., 1984; Th Deak I. The social and psychological consequences of the disintegration of Austria-Hungary in 1918. Wien. 1980.
 10. Prohászka O. Összegyűjtött munkái. Bp., 1928 - 1929. XI köt. 287 old.
- II. Ibid. XII köt. 217 old; XVI köt. 256 old.
12. Цит. по: Gergely J. A "keresztény-nemzeti" ideológia (1919 - 1944) // Társadalmi Szemle, 1986. 2 sz.
 13. Цит. по: Krajtkó A. Az ellenforradalmi rendszer irodalompolitikájának kialakulása. Szeged, 1969.
 14. Szekfű Gy. Harom nemzedek. Bp., 1920; Szabó B. Az elsodort falu. Bp., 1920.
 15. Gergely J. Magyarország története 1919 őszétől a II. világháború végéig. Bp., 1990.
 16. Szekfű Gy. Harom nemzedék és ami utána következik. Bp., 1934.
 17. Prohászka O. Op.cit. XX köt. 310 old.
 18. См.: Tilkovsky L. Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. 1938 - 1941. Bp., 1967.
 19. Klebelsberg K. Beszédei, cikkei és törvényjavaslatai. Bp., é.n. 638, 365 old.

20. Krajčák A. Op.cit.
21. См.: Wagner F.S. Hungarian contributions to world civilization. De Kalb Pike, Pennylv., 1977.
22. Ibidem.
23. A magyar nevelés története. Вр., 1968. 172 old.
24. Венгерское образование. Будапешт, 1976. С. 33.
25. A magyar nevelés története. 172 old.
26. См.: Кузьмин М.Н. К проблеме социокультурных предпосылок становления нового человека // Культура в общественной системе социализма. М., 1984.
27. Статистический ежегодник ВНР. 1970. Будапешт, 1972. С. 36.
28. Földes F. Válogatott írások. Вр., 1967. 67 old.
29. Венгерское образование. С. 33.
30. Хусар Т. Интеллигенция ВНР // Социологические исследования, 1980. № 3. С. 201.
31. Kritika. Вр., 1985. 3 sz. 9 old.
32. Földes F. Op.cit. 84 old.
33. Szilágyi I. A magyar szocialista kultúra története. 1867 - 1945. Вр., 1985. 149 old.
34. Ibid. 153 old.
35. Tomka M. Társadalmi változás - vallási változás // Szociologia. 1983. 3 sz.
36. Ibidem.
37. Номан В. Мűvelődéspolitiká. Вр., 1938.
38. Mit kíván a magyar nép // Válasz, 1938. 3 sz. 123 old.
39. Tanú, 1932, 1 sz.
40. Biró Z. Saját út. Вр., 1989; Gombos Gy. A harmadik út. Вр., 1990.
41. Дарваш Й. Город на трясине. М., 1977. С. 16.
42. О так называемом "макте Бетлена - Пейера" см.: История Венгрии. Т. 3. Стр. 4.
43. См. проект платформы венгерских писателей в Советском Союзе: Sarló és kalapács, 1931. 6 sz.
44. Magyarország 1944-ben. Вр., 1984. 38 old.
45. История Венгрии. Т. 3. С. 503.

46. Héberger K. A magyar felsőoktatási általános fejlődése a számok tükrében // Felsőoktatási Szemle, 1970.4 sz.
47. 25 years of hungarian culture. Вр., 1970.7 old.
48. Гомоннай В.В. Народное образование в Венгрии. М., 1972. С. 89.
49. См.: Освобождение Венгрии. 1944-1945. Будапешт, 1975. С. 58.

Глава II

1. Освобождение Венгрии. 1944-1945. С. 58.
2. Magyar közlöny, 1945. 9 sz.
3. A köznevelés évkönyve. Вр., 1948.44 old.
4. A társadalom osztályszerkezete és rétegződése. Вр., 1975.11 old.
5. См.: Szabó B. A népi demokrácia és forradalmi elmélet. Вр., 1974.
6. Dokumentumok magyar nemzetközi kulturális kapcsolatok történetéből. 1945 - 1948. Вр., 1988.
7. ЦГАОР. Ф. 5283. Оп. I7. Д. II5.
8. Там же.
9. Там же. Д. II3.
10. Подробно см.: Советско-венгерские связи в художественной культуре. М., 1975.
11. ЦГАОР. Ф. 5283. Оп. I7. Д. II8.
12. Там же.
13. Там же. Д. I23.
14. Там же. Д. II5.
15. Избранные произведения передовых венгерских мюллерей. II половина XIX - начало XX в. М., 1984. С. I70.
16. Népszava, 1946. márc.27.
17. Bibó I. A magyar demokrácia válsága // Valóság. Вр., 1945. okt.-dec.39 old.
18. Ibid.
19. Цит по: H. Sas J. A szabadművelődési korszák néhány problémája // Népművelési értesítő. Вр., 1960.1 sz.138 old.
20. Póth P. A koalíciós pártok kultúrpolitikája 1945 - 1948 között // Századok, 1985.2 sz.510 old.
21. Ortutay Gy. Művelődés és politika. Вр., 1948.73 - 76 old.
22. Цит по: Sarközi M. Rakosi Matyas irodalompolitikája. London. 1980.26 old.

23. См.: Брайер Я. Краткая история венгерской музыкальной культуры. Будапешт, 1981.
24. Цит по: Белад М. Становление социалистической литературы в Венгрии // Литература европейских стран социалистического содружества. М., 1983. С. 62.
25. Dery T. Útkarácó. Вр., 1956. 219 old.
26. См.: Izsák L. A koalíció évei Magyarországon. 1944-1948. Вр., 1986.
27. Kovalcsik J. A kultúra csarnokai. 2 - 3 köt. Вр., 1986.
28. Dokumentumok a magyar közoktatás reformjáról. 1945 - 1948. Вр., 1979. 219 - 222 old., 348 - 371 old.
29. Ibid. 658 old.
30. A magyar népi demokrácia története. 1944 - 1962. Вр., 1979. 138 old.
31. Magori-Varga E. - Reismann I. Népi kollegisták. Вр., 1948.
32. Népi kollégiumok. 1939 - 1949. Вр., 1977.
33. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Борьба за демократизацию школьной системы в Венгрии в период народно-демократической революции // Сов. славяноведение. 1990. № 2.

Глава III

1. Фейто Франсуа /он же Фейтё Ференц/. Венгерская трагедия или антисоветская социалистическая революция. М., 1957. С. 20.
2. Révai J. Marxizmus és magyarság. Вр., 1946. 140 old.
3. A népi demokrácia fejlődése. Вр., 1946. 137 old.
4. Цит. по: 25 лет свободной Венгрии. Будапешт, 1970. С. 187-188.
5. A népi demokrácia fejlődése. 137 - 138 old.
6. Kritika. Вр., 1983. 6 sz. 11 old.
7. Bibó I. A magyar demokrácia válsága // Bibó I. Válogatott tanulmányok. 2 köt. Вр., 1986. 15 old.
8. Horváth Z. Narcos demokrácia // Szocializmus. Вр., 1945. 10 sz.
9. Bibó I. Op.cit.
10. Szekfű Gy. Forradalom után. Вр., 1947.

~~II. Lukács Gy. műveinek a népközművelődési tanácsoknál~~
hoz (1946-1956). Bp., 1984. 15-25 old.

12. Bibó I. Op. cit.

13. A MKP konferenciájának jegyzőkönyve. 1945 május.
Bp., 1945.

14. A MKP konferenciájának jegyzőkönyve.

15. Фейто Ф. Указ. соч. С. IOI.

16. См.: Georg Lukács: the man, his work and his ideas. London, 1970; Királyfalvi B. The aesthetics of Gy. Lukács. Princeton-London, 1975; Kliminster R. Praxis and method: a sociological dialogue with Lukács; Gramsci and the early Frankfurt School. London, 1979; Arato A., Breines P. The young Lukács and the origins of Western marxism. New York, 1979; Feenberg A. Lukács, Marx and the sources of critical theory. Oxford, 1981; Meszaros L. Lukács, a concept of dialectic. London, 1972; Bernstein J.M. The philosophy of the novel: Lukács, Marxism and the dialectics of form. Minneapolis, 1984; Gluck M. George Lukács and his generation. 1900-1918. Cambridge (Mass.-), 1985; Holzman M. Lukács, a road to God: the early criticism against its pre-marxist background. Washington, 1985; Lukács today. Essays in Marxist philosophy. Reidel, 1988; etc.

17. Lukács Gy. Ifjúkori művek. Bp., 1977. 140 old.

18. Цит. по: Нирн К. Философская мысль Австро-Венгрии. М., 1987. С. 132.

19. См.: Хевеши М.А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977; Бессонов Б.Н., Нарский И. С. Дьердь Лукач. М., 1989; Гайда А.В., Китаев В.В. Больше-визм и "левый марксизм": конфронтация или диалог // Марксизм в России. М., 1990.

20. Vörös újság. Bp., 1919. ápr. 19.

21. О деятельности Лукача в 1919 г. см.: Kéreszi B. Lukács in 1919 // New Hungarian Quarterly. Bp., 1979.

22. Lukács Gy. Művészet és társadalom. Bp., 1968. 142 old.

23. Лукач Г. К истории реализма. М., 1939. С. 163.

24. О позиции Брехта в споре о Лукачем см.: Вопросы литературы. 1975. № 8.

25. Лукач Г. К истории реализма. С. 259.

26. Там же. С. 265.

27. Там же. С. 256.

28. Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiád. Bp., 1948. 21 old.

29. Вопросы литературы. 1975. № 8.
30. Фейто Ф. Указ. соч. С. 100.
31. Бессонов Б.Н., Нарский И.С. Указ. соч. С. 146.
32. О том, что Лукач и в конце 1960-х гг. упорно пытался найти "третий путь" между буржуазной демократией и социализмом сталинского типа, свидетельствует его работа "Настоящее и будущее демократизации", фрагмент которой "Демократическая альтернатива сталинизму" см.:Коммунист. 1990. № 14.
33. Lukács Gy. A marxista kritika feladatai // Fórum, 1949, 3 sz.
34. Правда. 1950. I февраля.
35. Lukács Gy. Solzsenitsyn. London, 1970.
36. Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiád. 13 old.
37. Lukács Gy. Arisztokráciás és demokráciás világnézet // Fórum, 1946. nov. 214 old. .
38. Lukács Gy. A marxista filozófia feladatai új demokráciában. Bp., é.n. 7-8 old.
39. Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiád. 12 old.
40. Ibid. 23 old.
41. Lukács Gy. Magyar irodalom-magyar kultúra. Bp., 1970. 307 old.
42. Lukács Gy. A demokráciálódás jelene és jövője. Bp., 1988.
43. Szabad Nép, 1945, máj. 1, máj 31; 1947, jan. 12.
44. Pártköltészet // Lukács Gy. Irodalom és demokrácia.
45. Цит. по Horváth M. Lobogók: Petőfi. Bp., 1950. 230 old.
46. Szabad Nép, 1945, aug. 23.
47. A népi írók a merlegen // Lukács Gy. Irodalom és demokrácia.
48. Ibid. 7 old. demokrácia.
49. Justus P. Művészet-valóság-világnézet // Kortárs, 1947. okt. 15. 39 old.
50. См.: Standeisky E. Művészetpolitikai elképzelések a szocialdemokrata pártban 1945-1948 között (Kassak, Justus, Fejtő) // Történelmi Szemle, 1986. 2 sz.
51. Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiad. 14 old.
52. См.: Balzac, Stendhal, Zola. Bp., 1948; Nagy orosz realisták. Bp., 1948.

53. См.: Standeisky E. A MKP irodalompolitikája. 1945-1948. Bp., 1987.
54. См.: Lukács Gy. Magyar irodalom - magyar kultúra...
55. См.: Standeisky E. A MKP irodalompolitikája ...
56. Фейто Ф. Указ. соч. С. 100.

Глава IV

1. A MKP és a SzDP egyesülési jegyzőkönyve. Bp., 1948.
2. Цит. по: Большевик. 1945. № 19-20. С. 54.
3. Daily Herald. London, 1946. aug. 22.
4. См. очень показательную самокритику акад. Е.С. Варга /Вопросы экономики. 1949. № 3/, признавшего ошибки своей монографии "Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны" /М., 1946/. В этой работе Варга, хотя и очень робко, пытался провести мысль о возможности эволюционного продвижения стран Восточной Европы от капитализма к социализму.
5. Bibó I. Harmadik út. London, 1960. 73-74 old.
6. См.: Huszár T. Bibó István. Beszelgetések, politikai életrajz, dokumentumok. Bp., 1989.
7. См.: Szabó B. Az "ötvenes évek". Bp., 1986. 23-24 old.
8. См.: Стыкалин А.С. В поисках выбора /Из истории идейных исканий в народно-демократической Венгрии// Политические системы СССР и Восточной Европы: 20 - 60-е годы. М., 1991.
9. См.: Úrban K. Révai Jozsef (1898-1959) // Párttörténeti Közlemenyek, 1978. 3 sz.
10. См.: Szabad Nép. 1949. jan 16.
11. См.: Szabó B. A népi demokrácia és forradalmi elmélet. Bp., 1974. 248-249 old.
12. Révai J. Élni tudtunk a szabadsággal. Bp., 1949. 517 old.
13. Цит. по: Szabó B. A népi demokrácia... 254-255 old.
14. Ibid. 255 old.
15. Úrban K. Révai Jozsef..
16. Társadalmi Szemle, 1950. 3-4 sz. 196 old.

17. Szabad Nép. 1949. márc. 6.
18. Цит. по: 25 лет свободной Венгрии. С. 80.
19. История Венгрии. Т. 3. С. 621; A MDP II. kongresszusának jegyzőkönyve. Вр., 1951. 522 old.
20. Механизм взаимосвязи между форсированием экономической реформы и усилением администрирования в управлении интересно рассмотрен на материале СССР 1920-1930-х гг. в кн.: Гордон Д.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 - 40-е годы. М., 1989.
21. Szabad Nép. 1949. jan. 20, ápr. 24.
22. См.: Szakács K. Paraszti rétegszervezetek Magyarországon. 1945-1951. Вр., 1980; etc.
23. Máté Gy. A magyar sajtó felszabadulás után. Вр., 1977. 39 old.
24. A felszabadulás utáni történelmünkről. II köt. Вр., 1987. 80 old.
25. Цит. по: Ek S. A realizmus zászlaja alatt. Вр., 1954. 71 old.
26. См.: Póth P. A kollektivizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról. Вр., 1988.
27. Берез Я. Крах операции "Фокус". Контрреволюция пером и оружием. М., 1986. С. 28-29.
28. См.: Стыкалин А.С. Культурные преобразования в Венгрии и позиция католической церкви, 1945-1956/. Депонирована в ИНИОН АН СССР.
29. Művelődéstatisztikai adattár. Вр., 1968. 32, 45, 143, 163 old.
30. Kőrösci B. A magyar kultúra harminc éve. Вр., 1975. 212 old.
31. Ibid. 214 old.
32. Magyarország városainak és községeinek kulturális helyzete. Вр., 1955. 33 old.
33. Vitányi I. Vitáirat a mai magyar művelődésről. Вр., 1983. 169 old.
34. Школа европейских стран социализма. М., 1976. С. 95.
35. Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 7. С. 168.
36. Csicsery-Ronay I. Russian penetration in Hungary. New York. 1952.

37. Az államosítás közoktatásunkban. Bp., 1976. 52 - 53 Old.
38. Csicsery-Ronay I. Op.cit. P.11 - 12.
39. Ibid. P.11.
40. Molnár J. A történelmi materializmus előzményei. Bp., 1952.
41. Szabad Nép. 1951. aug. 29.
42. Кузьмин М.Н. К проблеме социокультурных предпосылок становления нового человека.
43. Révai J. Kulturális forradalmunk kérdései. Bp., 1952.
44. Művelődésstatistikai adattár. 106 old.
45. Ibid. 143 old.
46. Ibid. 164 old.
47. Ladányi A. A felsőoktatási politika négy évtizede // Felsőoktatási Szemle, 1985. 2 sz. 75, 78 old.
48. A társadalom osztályszerkezete és rétegződése. Bp., 1975.
49. Cm.: Shawcross W. Crime and compromiss. Janos Kadar and the politics of Hungary since revolution. London. 1974.
50. Veres P. A paraszti jövője. Bp., 1948.
51. Kőpecsi B. A magyar kultúra harminc éve. 1945 - 1975. 124 old.
52. Csicsery-Ronay I. Op.cit.
53. Ibid. P. 32.
54. Ibidem.
55. Ibid. P. 25.
56. Szabad Nép, 1949, okt. 2.
57. Csicsery-Ronay I. Op.cit. P. 2.
58. Szovjet irodalom Magyarországon és a magyar irodalom a Szovjetunióban. Bp., 1968. 9 old.
59. Ibid. 10 old.
60. Varga S. A selejtlista: 1950 // Irodalomtörténet. Bp., 1983. 2 sz.

61. Szabad Nép, 1951, aug. 29.
62. Оруэлл Дж. "1984" и эссе разных лет. М., 1989.
- С. 280.
63. Rakosi Matyas és a magyar történettudomány // Századok, 1952. 1 sz. 285 - 286 old.
64. См.: A magyar tanácsköztársaság 1919. Вр., 1949.
65. См.: Архив АН СССР. Ф. 627. Оп. 3. Д. 18.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же. Д. 21.
69. Цит. по: Творчество В.И.Вернадского и философия // Коммунист. 1988. № 12. С. 72.
70. Szabad Nép, 1949, jún. 12.

Глава V

1. Подробно о театре на рубеже 1940-1950-х гг. см.: Гершкович А.А. Современный венгерский театр. М., 1963.
2. См.: Lukács-vita. Вр., 1985.
3. Ibidem.
4. Правда. 1950. I февраля.
5. Horváth M. Lobogonk: Petőfi. Вр., 1950. 209 old.
6. Révai J. Irodalmi tanulmányok. Вр., 1950. 288 old.
7. См. интервью с Лукачем: Újra itthon // Társadalmi Szemle, 1989. 4 sz. 55 old.
8. Horváth M. Op.cit. 215 old.
9. Révai J. Irodalmi tanulmányok. 308 old.
10. Ibid. 309 old.
11. Szabad Nép, 1948, márc. 7.
12. Kritika, 1975. 11 sz. 19 old.
13. Irodalmi Újság, 1950. nov. 2.
14. Szabad Nép, 1951, ápr. 28.
15. Цит. по: Laska L. A pseudókritikáról // Művészet, 1983. 9 sz. 15-16 old.; A magyar irodalom története. 1945 -

- 1975.1 kőt. Bp., 1981. 392 old.
16. Szabad Művészet. Bp., 1950. 8 sz. 2 old.
17. ЦИТ. ПО: A magyar irodalom története... 397 old.
18. ЦИТ. ПО: Király I. Az "ötvenes évek". Megjegyzések egy tanulmányhoz // Jelenkor. Pécs. 1986. 11 sz. 1010 old.
19. ЦИТ. ПО: A magyar irodalom története... 396 old.
20. Révai J. Megjegyzések egy regényhez // Társadalmi Szemle, 1952. 8 - 9 sz. 741 - 761 old.
21. Szabad Nép, 1951, jan. 6.
22. Ibidem.
23. См.: A magyar irodalom története... 476 old.
24. Szabad Művészet, 1952. 2 sz. 86 old.
25. На советском материале 1920-1930-х гг. весь этот комплекс социально-психологических проблем пытались рассмотреть, хотя и в первом приближении, В.А. Козлов и Г.А. Бордюгов. См.: Козлов В.А. Человек революционной эпохи (к методологии исторического исследования) // Советская культура: история и современность. М., 1983; а также соответствующие разделы в книге: Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917-1927. М., 1989.
26. Király I. Op.cit.
27. Felsőoktatási Szemle, 1970. 4 sz. 259 old.
28. Szabad Nép, 1951, ápr. 19.
29. Horváth M. Megjegyzések egy képzőművészeti vitához. Bp., 1952.
30. Szabad Nép, 1951, ápr. 18.
31. Csillag, 1948. 3 sz. 63 old.
32. Fórum, 1950, 2 sz. 141 old.
33. ЦИТ. ПО: Horváth M. Lobogonk: Petőfi. 234 old.
34. Ibid. 183 old.
35. A magyar irodalom története... 397 old.
36. ЦИТ. ПО: Király I. Op.cit. 1010 old.
37. Szabad Nép, 1951, ápr. 29.

38. Ibid. 1949, okt. 2.
39. Horváth M. Lobogonk; Petőfi. 216 old.
40. Szabad Nép, 1951, jan. 13.
41. Révai J. Irodalmi tanulmányok. 304-305 old.
42. Révai J. Megjegyzések egy regényhez.
43. Оруэлл Дж. "1984" и эссе разных лет. С. 278.
44. Magyar építészet. 1945 - 1970. Bp., 1970. 6 old.
45. Révai J. Irodalmi tanulmányok. 304-305 old.
46. Horváth M. Lobogonk; Petőfi. 219 old.
47. Lukács Gy. Magyar irodalom - magyar kultúra. 341 old.
48. Kritika, 1975, 11 sz. 18-19 old.
49. Irodalmi Újság, 1950. dec. 14.
50. Horváth M. Lobogonk; Petőfi.
51. Sarközi M. Rakosi Matyas irodalompolitikája. London. 1980. 102 old.

Глава VI

1. A MDP PV beszámolója a KV 1953. jún. 28-i határozatának végrehajtásáról. Bp., 1953. 26 old.
2. Цит. по: Немеш Л. Ревизионизм и контрреволюция в Венгрии // Новая и новейшая история. 1958. № 6. С. 17.
3. Acta Historica, 1985, 31 sz. 357 - 358 old.
4. Nagy Imre. A magyar nép védelmében. Bp., é.n. 32 old.
5. A MDP III. kongresszusának jegyzőkönyve. Bp., 1954. 65-69 old.
6. См.: Irodalmi Újság, 1953, okt. 10, nov. 7. nov. 21.
7. Ibid. Nov. 7.
8. Цит. по: Аcsél. Gy. Culture and socialist democracy. Bp., 1975. P. 111.
9. Szabad Nép, 1954, márc. 15.
10. A MDP III. kongresszusának jegyzőkönyve. 84 old.

II. См.: Hencz A. A művelődési intézmények és a művelődésigazgatás fejlődése. 1945 - 1961. Bp., 1962.

12. Цит. по: Szabó B. Az "ötvenes évek". Bp., 1986. 424 old.

13. Harcoljunk pártunk gazdaságpolitikájáért - az oportunisták ferdítései ellen // Társadalmi Szemle, 1955. 5 sz. 13 old.

14. Фертó Ф. Указ. соч. С. 153-155.

15. Цит. по: Вопросы истории. 1957. № 12. С. 71.

16. Szabad Nép, 1955, márc. 27, ápr. 2.

17. См.: Kovács I. A pártos irodalomért // Társadalmi Szemle, 1955. 12 sz. 29 old.

18. Ibid. 1955. 11 sz.

19. Felsőoktatási Szemle, 1985. 3 sz. 138 old.

20. Ibid. 141 old.

21. См.: Ladányi A. Felsőoktatási politika. 1949 - 1958. Bp., 1986.

22. Felsőoktatási Szemle, 1985. 3 sz. 141 old.

Глава VII

1. Szabad Nép, 1956, márc. 15.

2. Ibid.

3. A XII. MSZMP kongresszusának jegyzőkönyve. Bp., 1960. 562 old.

4. Irodalmi Újság, 1956, máj. 5

5. Ibid. Máj. 19.

6. См.: Irodalomtörténeti Közlemények. Bp., 1956, 3 sz.; Csillag, 1956. 5, 7 old.

7. См.: Olmosi Z. A Petőfi Kör nyaráig // Historia, 1989. 3 sz.; Szabó B. A Petőfi Kör történeesztája // Világosság, 1989. 7 sz.; Hegedűs A. B. A Petőfi Kör - három évtized tükrében // Világosság, 1989. 7 sz.

8. См.: История Венгрии. Т. 3. Глава 12.

9. Irodalmi Újság, 1956, szept. 22.

10. Ibid., szept 29.
11. Szabad Nép. 1956. okt. 14.
12. Венгерские новости. 1989. № 5. С. 4.
13. Там же.
14. Új Magyarország. 1956. nov. 2.
15. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.
16. Венгерские новости. 1989. № 5. С. 4.
17. Цит. по: Фейто Ф. Указ. соч. С. 197.
18. Там же. С. 197-198.
19. Цит. по: Берец Я. Крах операции "Фокус". С. 60.
20. Nagy Imre. A magyar nép védelmében. Вр., é.n. 40 old.
21. См.: Lomax B. Magyarország 1956. Вр., 1989; etc.

Глава VIII

1. См.: Дюрко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий // Иностранная литература. 1988. № 7. С. 198.
2. Népszabadság. 1989. N 135.
3. Всевенгерская конференция ВСНП. М., 1958. С. 123.
4. Цит. по: Aczél Gy. Folytatás és megújulás. Вр., 1980. 238 old.
5. Известия. 1990. 28 июня.
6. Shawcross W. Crime and compromise. Janos Kadar and the politics in Hungary since revolution. London. 1974.

Заключение

1. Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 7. С. 167.
2. Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано. М., 1988. С. 158.
3. Там же.
4. Мигранян А. Долгий путь ... С. 168.
5. Там же.

6. Там же. С. 170.

7. См.: Захаров А.В. Массовые праздники в системе тоталитаризма // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

8. Цит. по: Фейто Ф. Указ. соч. С. 103.

9. О положении интеллигенции в системе кадаризма см.: Szelényi I., Konrád Gy. Az értelmiség útja az osztályhatalomhoz. Бр., 1990.

10. Аcsél Gy. Kulturális politikánk néhány kérdése. Бр., 1970; Emlékünk erejével. Бр., 1970; Folytatás és megújulás. Бр., 1980.

11. Млынарж З. Понятие социализма и исторический опыт // Коммунист. 1990. № 5. С. 107.

12. Там же.

13. Там же. С. 108.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Накануне больших перемен. Культура Венгрии в эпоху Хорти	9
Глава II. "За новую венгерскую культуру!" Демократические процессы 1945-1947 гг. и духовная жизнь Венгрии	40
Глава III. В противоборстве двух тенденций. Дьердь Лукач и культурная политика ВКП во второй половине 40-х гг.	58
Глава IV. Отбросив прежнюю тактику. Венгерская партия трудящихся: от призна- ния идейного плюрализма к монополии од- ной идеологии	88
Глава V. "Все взоры - на Москву!" Режим Ракоши и творческая интеллиген- ция	118
Глава VI. От "оттепели" к новым "заморозкам". Духовная жизнь Венгрии в 1953-1955 гг. ...	141
Глава VII. "За подлинный, гуманный социализм!" События 1956 года и культура	155
Глава VIII. На путях к компромиссу. Некоторые особенности духовной жизни Венгрии в эпоху Кадара	170
Заключение	182

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать .08.91. Формат 60 x 84/16

II,2 печ.л. 10,9 уч.-изд.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 77

Цена I р. 70 к.

Участок оперативной полиграфии Института истории
СССР АН СССР. П17036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

